

Сей труд посвящается Блаженнейшему
Митрополиту Виталию, Первоиерарху
Русской Православной Церкви Заграницей

Прот. Вениамин Жуков.

Обзор современной истории Русской Православной Церкви на родине и за рубежом.

1. Дух Церкви, Дух Истины

Человек, сотворенный по образу Божьему и по подобию Его, был наделян Творцом свободной волею для непосредственного и сознательного общения с Ним.

Общение воедино Святой Троицы основано на Любви. Любовь же основана на свободном и соучастном изволении: «Волею бо благоволил еси плотию взыти на крест», славословим мы Господа. Причем Христос исповедует: «Яко не ищу воли моя, но воли пославшаго мя отца» (Иоан. V, 30).

В корне любви человека к Богу и к людям лежит его свободная воля в сочетании с волей Творца.

В основе греха лежит своеволие, охлаждение любви к Нему.

Согрешив своеволием, человек лишил себя блаженного общения с Богом и тем самым нарушил свою цельность и красоту. Как писал Св. Василий Великий, человеческое естество стало «расторгнуто и на тысячу частей рассечено» вследствие греха.

Сын Божий вочеловечился для того, чтобы собрать во едино человека, «рассеченного на тысячу частей». Искуплением греха человеческого, крестной смертью Он дал человеку возможность восстановить в себе образ Божий, предоставив ему Свой Путь, Истину и Жизнь.

Христос перестрадал грехи всего человечества, но спасительны Его страдания только для тех, кто проявляет волю раскрыть свою душу для принятия Его возрождающей любви.

Восстановление в человеке образа Божьего осуществляется различным образом, так как каждый человек наделян различными духовными и телесными силами. Об этом образно сказано Господом в притче о талантах. Из притчи следует, что восстановление это происходит в условиях свободной воли, но отказ от него или нерадение к нему вовлекает в погибель.

Во всякое время препятствием на пути обожения человека стояли его гордость и невежество, наводящие на своеволие и противление Воле Божией. И ныне человек в современной жизни является причиной собственного нестроения и нестроения целого общества. В Церкви это выражается разделениями и расколами. Причем, так же как и в притче о талантах, своевольные члены Церкви находят себе оправдания, не признавая за собой никакой вины, подобно тому, как Адам оправдывал себя перед Творцом своим: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне, и я ел» (Быт. III, 11-12).

Церковь есть особое благодатное тело – Тело Христово, в котором Христос есть Глава, а верные Ему люди – члены.

Церковь есть Божие жилище (Евр. III, 6), а действующая в Ней сила есть Дух Божий, Дух Истины.

Св. Киприан воодушевлено говорил о единстве Церкви: «Церковь одна, хотя с приращением плодородия, расширяясь, дробится на множество. Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне. Отдели солнечный луч от его начала – единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева – отломленная потеряет способность расти» [1].

Всех же соединяет Любовь. Она, как учит Св. Иоанн Златоуст, «воссоединяет, соединяет, сближает и сопрягает нас между собой. Итак, если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг со другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охлаждаем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное в отношении к сему телу», т.е. Церкви (На Еф. Бес. XI, 4).

«Истинный христианин, – по слову Епископа Феофана, – дело всякого считает своим делом и готов ради него на все усилия и жертвы. Он то же, что член в теле. Ни один член в теле не живет для себя, а весь для других. Так себя имеет и христианин, под главою Христом, сочетанный со всеми во единое тело».

В наше время изобилия материальных услуг людям все сложнее и сложнее отобрать из окружающего мира «едино на потребу». Многие, стремящиеся к духовной жизни в этих условиях, теряют из виду, что Путь остается все тем же узким и тернистым, как и прежде, как описано в Св. Писании. Желая быть христианином без особого усилия над собой, без подвига стяжания Святого Духа удовлетворяется внешним образом религиозной жизни, лишая себя духовного рассуждения, необходимого для распознавания «духа времени».

Духовное рассуждение достигается сегодня, как и в прежние времена, христианским образом жизни, в основе которого лежат заповеди Господни, выраженные в Нагорной проповеди. По мере исполнения этих заповедей каждому дается возможность восхождения по духовной лестнице, из них состоящей, к Истине. Из общего стремления в этом восхождении образуется единодушие в церковной жизни.

О цельности Церкви ярко сказал Новомученик Епископ Глуховской Дамаскин: «Одно из двух. Или, действительно, Церковь есть непорочная и чистая невеста Христова, Царство Истины, и тогда Истина – это воздух, без которого мы не можем дышать; или же Она, как и весь лежащий во зле мир, живет во лжи и лжью, и тогда всё ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство»[2].

2. Об отношении Церкви к государственной власти

Наше историческое время стало временем усиленной борьбы богоборцев с христианством, а Россия – своего рода лабораторией по изучению способов его уничтожения.

Перед истинным христианином в этих условиях встал вопрос о том, как ему относиться к государственной власти, особенно тогда, когда она ставит своей целью уничтожение Церкви.

В XX веке в России богоборцы попытались склонить верующих к признанию своей власти, как данной от Бога. Делали они это при помощи лояльных церковных приспешников, а для обоснования своих измышлений использовали известные слова Апостола Павла из Послания к Римлянам: «нести власть еще не от Бога» (Рим. XIII, 1-5).

Лжетолкование слов Апостола Павла имело определенный успех: многие оправдывали ими свое беспрекословное повиновение безбожникам.

Однако нерассудительное отношение к вопросу о богоугодности той или иной гражданской власти ведет к отказу от выбора между добром и злом. Мы же, христиане, купленные дорогой ценой, по словам Апостола Павла, не должны отказываться от такого выбора.

Если мы будем соблюдать все догматы православной веры, но одновременно служить безбожникам, то мы согрешим против основного христианского закона: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Матф. VI, 26).

Ложное толкование слов Апостола Павла, которым воспользовалась безбожная власть для нанесения Церкви разрушительного удара, послужило главной причиной разделения в Русской Церкви. Непризнание Божьего благословения на этой власти и восприятие её исключительно как Божьего попущения сохранило бы исповеднический характер Церкви и послужило бы Её внутреннему укреплению. Московская же патриархия, согласившись во всем с гонителями Церкви, лишила себя духа исповедничества и стала солью обуювшей.

Русская Православная Церковь Заграницей никогда не признавала советскую власть как установленную Богом, а Московскую патриархию – как подлинную Русскую Церковь-исповедницу. В этом Она была единомышленна с теми верующими в России, которые, отложившись от Московской церкви, ушли в катакомбы в готовности принять мученичество.

За границей произошли схожие события: в Париже в 1927 году, вследствие действий советской агентуры, произошел фактически такого же рода «политический» раскол, когда группа раскольников признала Советский Союз и лояльного ему церковного возглавителя Митрополита Сергия.

Для правильного понимания отношения Церкви к государству, необходимо привести весь текст из Послания Апостола Павла к Римлянам (XIII, 1-5):

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены.

Посему, противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение.

Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не

бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от неё;

Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же желаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему злое.

И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести».

Св. Иоанн Златоуст в Толковании на Послание Апостола Павла к Римлянам (гл. 22) говорит, что в данном месте у Апостола речь идет не о власти каждого начальствующего, а о самом принципе власти:

«Ибо нет власти не от Бога, говорит апостол. Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то, говорю я, отвечает апостол. У меня теперь идёт речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чём одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что всё происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, – всё это я называю делом Божьей премудрости. Потому апостол и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существовании власти...»

В том же смысле толкует слова Апостола Павла о власти Св. Исидор Пелусиот в своем письме к Дионисию:

«Поелику писал ты: что сие значит: “несть власть аще не от Бога”? и спрашивал: ужели каждый начальник поставляется Богом? – то скажу на сие: мне кажется, что ты или не читал Павловых изречений, или же не понял их. Павел не сказал: несть начальник аще не от Бога, но рассудил о самом начальствовании, говоря: несть власть аще не от Бога. То самое, что у людей есть начальства, один начальствует, другие живут под начальством – не просто и не случайно происходит сие, так чтобы народы, подобно волнам, увлекались туда и сюда, но, по словам Павла, это есть дело Божией премудрости... Ибо безначалие везде всего ужаснее, и бывает причиною замешательства и безурядицы. Посему и в теле, хотя оно есть нечто единое, не все равночестно, но одни члены начальствуют, а другие подчинены. Потому в праве мы сказать, что самое дело, разумею власть, т.е. начальство и власть царская, установлены Богом, чтобы общество не пришло в неурядицу. Но если какой злодей беззаконно восхитил сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему, или изблевать все свое лукавство, как фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна и жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил Иудеев»[3].

Так же объясняет и Преподобный Иосиф Волоцкий (XVI в.):

«Аще ли же есть царь над человеки царствуя, над собой же имать царствующа скверныя страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь но мучитель. Таковаго царя ... да не послушаеши ..., аще мучить аще смертию предать».

25 октября 1918 г. Патриарх Тихон писал в своем Послании к Совету Народных Комиссаров по случаю годовщины советской власти:

«Не наше дело судить о земной власти; всякая власть от Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословение, если бы она воистину явилась “Божиим слугой” на благо подчиненных и была “страшная не для добрых дел, а для злых”».

В том же смысле написано «Письмо епископа отошедшего (от Митрополита Сергия) к епископу неотошедшему»:

«Апостол Петр в учении о повиновении власти делает существенное дополнение и говорит: «Повинитесь всякому человеку созданию Господа ради» (I Петр, II, 13), а так как последнюю целью повиновения земной власти является Богоугождение (Господа ради), очевидно, и требования властей и их законов не должны противоречить христианской вере и нравственности. Отсюда, следовательно, и повиноваться власти нужно в том, что, по мысли Иоанна Златоуста, ни мало не вредит благочестию – не есть уже только дань Кесарю, но и дань, и оброк диаволу»[4].

В этом «Епископ отошедший» видит «ключ к уразумению важных вопросов современной жизни»:

«Государство диктатуры пролетариата с христианской точки зрения – чистейшая апостасия во всех областях материальной и духовной жизни. Безбожие при апостасии является основным принципом и всякую религию, не исключая христианской, считает вредным дурманом, подлежащим безоговорочному истреблению и выкорчевыванию с таким расчетом, чтобы уничтожить в психике человеческой даже самый инстинкт

религиозности, если сверх чаяния он там окажется. На историческую сцену выступила религия человекобожия, развитие которой неизбежно приведет по мысли Ап. Павла к ужасающим перспективам международной жизни (1 Тим. IV, 1-2; 2 Тим. III, 1-5) и появлению лжемессии, человекобога-зверя (2 Сол. II, 4; Апокал. XIII). До очевидности ясно, что сказать о Советской Власти, что она – “Божий слуга есть, тебе во благое” ни в каком случае нельзя, так как христианство и ленинский марксизм не сходятся в определении добра и зла».

Следовательно, от Бога та власть, которая, если и совершит некую несправедливость, все же придерживается исполнения назначений власти, изложенных в вышеупомянутых стихах XIII-ой главы Послания Апостола Павла к Римлянам. А начальник, который действует вопреки этим назначениям, не есть слуга Божий и не имеет ни единого свойства, соответствующего определению истинной власти, которой одной только и обязаны повиноваться христиане не за страх, а за совесть.

В истории Церкви было немало случаев, когда христиане отказывались от повиновения властям «за совесть».

Брат Св. Григория Богослова, Кесарий, известный в те времена врач, состоял при императоре Юлиане в должности лейб-медика. Будучи христианином, он остался при дворе, считая, что в случае нужды сможет помочь своим родным и друзьям благодаря своему положению. Но святители нашли подобное недопустимым, особенно ввиду антихристианской политики властей. Тогда Св. Кесарий, отказавшись от блестящего положения, покинул двор.

Другое предание говорит, что, умирая, Юлиан Отступник воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!»! Св. Василий Великий сильными словами выразил свою радость, узнав о смерти гонителя: «Прибегайте разделить со мною радость сего праздничного дня все, кто своими слезами, постом и молитвами неотступно молил Бога, а я слова пророка обращаю против гонителя Бога, только что погибшего смертью, заслуженной его безбожием...» Юлиан Отступник был убит. О смерти его молились христианские подвижники, о чем упоминается в житии Преп. Иулиана (18 октября) и в житии Св. Василия Великого (1 января).

Митрополит Московский Филипп 21 марта 1568 года отказался благословить и вообще разговаривать с царем Иоанном IV Васильевичем: «Мы, Государь, Богу приносим бескровную жертву, а за алтарем льется неповинная кровь христианская...» За эти слова Митрополит Филипп поплатился своей жизнью.

В царствование Екатерины II высочайшим манифестом от 26 февраля 1764 г. за Коллегией экономии было закреплено управление всем без исключения имуществом церковей, монастырей и архиереев. 252 монастыря было закрыто, 161-ому предоставлено существовать лишь на милостыню. Подобное вмешательство светской власти в церковные дела вызвало горячий протест со стороны Митрополита Арсения, который несмотря на тяжкие испытания до конца своей жизни обличал императрицу. Скончался он в 1772 г. в Ревельском равелине, замурованный в темницу.

В магометанской Турции православные не молились за Богослужениями о власть имущих, чему были свидетелями паломники ко Гробу Господню в Иерусалиме, и о чём упоминает проф. Скабалланович в своем Толковом Типиконе: «С наступлением турецкаго владычества у греков из сугубой ектении, как и из великой, стало исключаться прошение за царей и заменяться: «Еще молимся о благочестивых православных христианах»[5]. В Австро-Венгрии православные сербы и румыны не молились о своем императоре Франце-Иосифе, не православном. Точно так же не поминались имена короля Георга, лютеранина, в православной Греции и царя Фердинанда, католика, в православной Болгарии. Вместо них поминались их православные престолонаследники. Такое отношение к власти иногда приводило к конфликту с ней. Так, болгарский Синод был разогнан в 1888 г. Фердинандом Кобургским, и синодальные члены с жандармами были высланы из столицы за то, что отказались в церквях возносить молитву за князя-католика, оскорбившего многими своими действиями Православную Церковь. После этого правительство в течение шести лет не позволяло собираться Синоду.

3. Слово о политике

Теоретически, человек может спастись при любых условиях, будучи и рабом, и свободным, и бедным, и богатым, живя среди верующих или пребывая среди язычников и атеистов, будучи гражданином республики или поданным Царя. Однако в одних условиях спастись легче, а в других труднее. Поэтому в заботе о спасении своих чад Церковь не остается равнодушной к условиям общественно-политической жизни, в которых они существуют. Это вопрос не догмата, а пастырской предусмотрительности и духовной целесообразности. И несмотря на то, что ни один образ правления не

может признаваться абсолютно совершенным, Церковь указывает своим чадам благоприятную для их спасения форму государственного устройства.

Часто слышится в наши дни, что «Церковь не должна заниматься политикой». Однако полная аполитичность не является достоинством духовной жизни. Часто она означает неучастие в нуждах ближних, равнодушие к добру, страх перед властями и примирение со злом. Хотя каждому христианину, возможно, и не дано стать Митрополитом Филиппом, но каждый должен отвергать беззаконие и уметь сказать слово правды в защиту семьи, народа и Церкви, оставаясь при этом вне политики.

Сама по себе политика касается всех аспектов нашей каждодневной семейной и общественной жизни. От качества политических решений зависит земное благополучие человека: безопасность, здравоохранение, просвещение, индивидуальная и общественная правозащита и т.д. Разве долг христианина не предписывает ему беспокоиться о благоустройстве семьи и общества? Человек, считающий себя христианином и решающий, что все эти аспекты жизни его не касаются, во-первых, отказывается от попечения о ближних, а во-вторых, предоставляет свободу действия врагам всякой добродетели.

Как защитник своего народа, а не как политический деятель выступил Патриарх Тихон 19 января 1918 г.:

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение».

В таком же смысле выступил Святейший Патриарх и по случаю заключения большевиками Брест-Литовского мира:

«Заклученный ими мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чужого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры; мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской; мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери».

Годовщина советской власти так же вызвала смелое обращение Патриарха:

«Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью, и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха».

В царское время Митрополита Антония (Храповицкого) часто укоряли за якобы внесение политики в церковную жизнь. 20 февраля 1905 года он выступил в Исаакиевском Соборе с проповедью, сказав при этом следующие слова:

«Если поколеблется единственная власть в России, которой народ верит и которая нравственно объединяет и русских граждан между собой и инородческие племена в империи, то не пройдет и 25 лет как Россия распадется на множество пределов, друг другу враждебных, то новая власть, презирающая русский народ, начнет с того, что лишит народ права изучать закон Божий в училищах, кончит тем, что будет разрушать храмы и извергать мощи угодников Божиих из священных раков и собирать в музеи и анатомические театры, то народ наш будет несчастнейшим из народов, придавленный гораздо более тяжким игом, чем крепостное право, и, наконец, наши западные враги – мнимые друзья – подобно жадным коршунам, ждут этого времени...»

Это «политическое» выступление Владыки было встречено многими насмешками. Нельзя не признать сейчас, что оно оказалось пророческим.

В статье 1922 года «Церковь и политика» Митрополит Антоний указал на одну особенность одноименной темы:

«Вопрос этот по отношению ко всякой речи, проповеди и соборному постановлению ставится с 1905 г. каждый раз, когда духовные лица или учреждения

высказываются за самодержавие или вообще за монархию, но никогда не ставится, когда они высказываются против того или другого... Вот и теперь то же самое, что и в тогдашней прессе. Заступаться за армию – не политика, призывать её на бой с большевиками – не политика, осуждать социализм – не политика, а пояснять, что монархия является единственной властью, при которой вера и Церковь не будут гонимы – это политика!».

Подробно разбирается вопрос о политике и в «Окружном послании Собора Архиереев Русской Православной Церкви Заграницей» в ответ на «Декларацию» Митрополита Сергия (27 августа / 9 сентября 1927 г.):

«Иерархи (подписавшие «Декларацию» - прим. прот. В.Ж.) благословляют противохристианскую политику врагов всякой религии. Положение дела совершенно чуждое Церкви, вредное и опасное, способное создать новую тяжкую смуту в Церкви и дать повод опасаться за чистоту Православия в России. Церковь не может благословлять противохристианскую, а тем более безбожную политику. Утверждая это, мы не хотим сказать того, что Церковь должна быть совершенно чужда политике государства. Церковь должна быть выше политических страстей и партийности, однако она должна не только благословлять христианскую политику государства, но и борьбу с его противохристианскими, а тем более безбожными началами».

Утверждение, согласно которому Церковь должна стоять вне политики, не только ничем не оправдано, но и в корне неверно, особенно если не забывать о том, что в последние времена произойдет общее отступничество от истинной веры, связанное с определенным политическим явлением.

«Сын погибели» – антихрист – представлен в Св. Писании и в творениях Святых Отцов как политическая фигура, которая вырастет на основе всеобщего развращения, неверия, безбожия и крайнего материализма. «Придет же сей, антихрист, пишет Св. Кирилл Иерусалимский, когда исполнятся времена римского царства, и приблизится конец мира. Вдруг восстанут десять римских царей царствующих, может быть в разных местах, но в одно и то же время, в последних будет антихрист, который, с помощью волшебства и искусства захватит себе Римскую державу, уничтожит трех прежде него царствовавших, имея уже под своей властью семерых»[6].

4. Разрушительный процесс в Русской Церкви.

Обновленчество

Под воздействием безбожной власти в России началось массивное отступление от истинного Православия и попрание церковных правил. Это проявилось, прежде всего, в возникновении и укреплении так называемого движения «обновленчества» или «живоцерковничества». Одним из первых деяний этого движения стало признание антихристианской советской власти в качестве законной.

Наиболее позорную славу в борьбе против Христовой Церкви стяжали себе в первые послереволюционные годы главные организаторы «обновленчества» – Еп. Антонин (Грановский), Еп. Леонид (Окропиридзе), Архиеп. Евдоким (Мещерский), священники Введенский, Красницкий, Белков, Боярский и бывший обер-прокурор Св. Синода при Временном Правительстве В. Н. Львов.

Обновленцы вышли из кругов русской интеллигенции. Эти лица интересовались идеями христианства, но не входили в настоящую церковную жизнь и поэтому не могли воспринять присущие Ей внутренние законы. В Петрограде и Москве ими образовывались религиозно-философские общества. На заседаниях общества в Петербурге председателем долгое время был Епископ Сергей (Страгородский), в будущем первый патриарх Московской патриархии. Одним из видных участников собраний обществ был будущий вождь обновленцев Епископ Антонин (Грановский). Среди участников религиозно-философских встреч были лица, ставшие впоследствии учителями так называемой парижской школы – будущие преподаватели Сергиевского института в Париже и учинители евлогийского раскола за рубежом.

Из религиозно-философских кружков вышло так называемое "прогрессивное" духовенство, возглавившее при большевиках обновленческий раскол в Церкви.

Проф. Б. В. Титлинов, один из главных деятелей обновленческого движения, признает, что «в области внутренних церковных задач Живая Церковь поставила своей целью, прежде всего, освобождение церковной жизни от влияния монашеского епископата и передачу руководства церковными делами в руки белого духовенства»[7].

«Патриарха Тихона и верных ему чад Церкви теснили с одной стороны обновленцы, а с другой – гражданская власть, которая открыто покровительствовала последним. Положение стало особенно трагическим в мае 1922-го года, когда, в связи с вопросом об изъятии церковных ценностей, Патриарх Тихон, Митрополит

Вениамин и много епископов были преданы суду и арестованы. Создалась обстановка, в которой открылась возможность действовать петроградской группе обновленцев»[8].

«Делегация петроградской группы была допущена к арестованному Патриарху. Скрывая от него свои истинные намерения и прикрываясь якобы заботой о Церкви, делегация докладывала ему о наступившей в Церкви анархии. Они сообщали, что патриаршее управление совершенно лишено возможности функционировать и фактически закрыто»[9].

В результате Патриарх согласился на предъявленное ему требование о сложении с себя полномочий по управлению Церковью. Им было написано послание старейшему по хиротонии Митрополиту Ярославскому Агафангелу: «Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе церковного управления до созыва Собора. На это имеется согласие гражданской власти, а потому благоволите прибыть в Москву»[10].

«Группа священников, уполномоченных только содействовать передаче патриарших дел Митрополиту Агафангелу, сама себя в тот же вечер переименовала в Высшее Церковное Управление и самочинно присвоила себе высшую административную власть в Русской Церкви»[11]. Вот письмо по этому делу «Инициативной группы прогрессивного духовенства «Живая Церковь» председателю ВЦИК М. И. Калинину: «Настоящим доводится до сведения Вашего, что, ввиду устранения Патриархом Тихоном себя от власти, создается Высшее Церковное Управление, которое с 2 / 15 мая приняло на себя ведение церковных дел в России»[12].

Митрополит Агафангел не соглашался сотрудничать с обновленцами, и его присутствие могло серьезно помешать их планам захвата власти. Согласие гражданских властей, о котором говорилось Патриарху, оказалось отменным. Митрополит не смог выехать из Ярославля в Москву.

Обновленцы воспользовались резолюцией Патриарха, чтобы обманом овладеть церковной властью. В попытке оправдать свои самочинные деяния они неоднократно ложно утверждали, что приступили к управлению Церковью по соглашению с Патриархом[13], что состоят членами Высшего Церковного Управления «согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона»[14] и что «приняли из рук самого Патриарха управление Церковью»[15].

Несколько лет спустя за границей евлогиане применяют почти такую же тактику для оправдания раскола, учиненного ими в Зарубежной Церкви.

Сквозь притворство прорывалась подлинная природа «церковных» деятелей-обновленцев и лживость их мотивации. Так, например, когда на собрании живоцерковников один священник предложил не проводить никаких реформ иначе как с благословения Патриарха, председатель собрания Епископ Антонин заявил: «Так как Патриарх Тихон передал свою власть Высшему Церковному Управлению без остатка, то нам нет надобности бегать за ним, чтобы брать у него то, чего уже в нем не имеется».

Руководители этого апостасийного движения, поставившие себе целью обновить Церковь, допускали грубое нарушение установленных Вселенскими Соборами церковных правил и добивались упразднения соборно установленной и признанной всеми восточными Православными Патриархами власти Патриарха. Вопреки правилам Св. Апостол, Вселенских Соборов и Св. Отцов (Ап. 17, 18; 6 Всел. 3, 12, 48; Св. Василия Вел. 12), они ввели женатый епископат и второбрачие клириков (см. "Постановления" лжесобора от 4 мая 1923 г.). Происходил уклон в сторону протестантского лжеучения, проповедующего о Христе как о человеке. Так, например, в программе реформ «Живой Церкви»[16] читаем: «Восстановление евангельского первохристианского вероучения, с нарочитым развитием учения о человеческой природе Христа Спасителя и борьба со схоластическим извращением Христианства». А один из подразделов программы носил заглавие: «Страшный суд, рай и ад, как понятия нравственные»[17].

Из своего заключения в Донском монастыре Патриарх Тихон, убедившись в том, что он обманут в своей доверии этим людям, издал 6 декабря 1922 г. документ следующего содержания: «Мы по долгу нашего первосвятительского служения призываем всех верных сынов Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви древле-православной – даже до уз, крови и смерти, если того потребуют обстоятельства жизни. Запрещаем признавать Высшее Церковное Управление, как учреждение антихриста, в нем же суть сыны противления Божественной Правде и церковным святым канонам. Сие пишем, да ведомо будет всем вам, что властью данной нам от Бога, анафематствуем Высшее Церковное Управление

и всех, имеющих с ним какое-либо общение».

Такое неприятие детища безбожной власти заставило последнюю поднять ожесточенную кампанию в прессе, со всевозможными "петициями" духовенства и мирян против Патриарха.

Противодействие этой кампании со стороны Русской Православной Церкви Заграницей, обнаруживавшей многочисленные обращения к главам государств и Церквей, помогло приостановить судебное дело, затеянное против Патриарха Тихона.

Под непосредственным наблюдением советской власти 29 апреля 1923 г. открылся поместный живоцерковный «Собор», главной задачей которого было разрешение вопроса «об отношении советской власти к Патриарху Тихону, о создании нового административного аппарата и т. п.» (см. "Слово" прот. Введенского). Этот лжесобор лишил Патриарха Тихона сана и звания Патриарха. Под решением подписались 45 «епископов», среди которых было немало самозванцев. По поводу этого акта прот. Виноградов пишет следующее: «Один из бывших на этом "соборе" молодых епископов Иоасаф (Шишковский) рассказывал мне лично, как произошел этот акт. Главари собора Красницкий и Введенский собрали для сего совещания всех присутствовавших на "соборе" епископов, и, когда начались были многочисленные прямые и не прямые возражения против предложенной этими главарями резолюции о низложении патриарха, Красницкий совершенно открыто заявил всем присутствующим: "Кто сейчас же не подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму". Терроризированные епископы (в том числе и сам Иоасаф) не нашли в себе мужества устоять перед перспективой нового тюремного заключения и каторжных работ концентрационного лагеря и... подписали, хотя почти все они в душе были против этой резолюции. Ни для кого из церковных людей не было сомнения, что этот приговор "собора" был сделан по прямому заданию советской власти, и что теперь нужно со дня на день ожидать судебного процесса и кровавой расправы над Патриархом»[18].

Своим сопротивлением антихристовой власти Патриарх Тихон выходил на тот путь, на который он призывал вступить всех верных сынов Божиих – «даже до уз, крови и смерти, если того потребуют обстоятельства жизни».

При попустительстве нового Церковного управления советская власть арестовала и заключила в тюрьму Митрополита Агафангела, Архиепископа Могилевского Константина, Епископа Орловского Серафима, а также преемственно управлявших Московской епархией Епископов Николая Звенигородского, Иннокентия Клинского и Никанора Богородского. Был арестован, заключен в тюрьму и впоследствии расстрелян Митрополит Петроградский Вениамин, после того как он лишил священного сана и отлучил от Церкви членов самочинного Церковного Управления – священников Введенского, Красницкого и их ближайшего сотрудника псаломщика Стадника – и обратился к своей пастве с воззванием, предостерегающим её от признания «Живой Церкви».

Бывший в Москве свидетелем всех этих событий прот. Виноградов сообщил следующее о «Живой Церкви»:

«Надо иметь в виду, что глубоко ошибаются все те, кто полагает, что обновленчество родилось как внутреннее церковное оппозиционное против Патриарха Тихона движение, которое для своего обнаружения и развития лишь воспользовалось арестом Патриарха и полной поддержкой ГПУ. Еще более ошибаются те, кто ставят это движение в генетическую связь с церковно-общественным движением к оживлению церковной жизни в первом десятилетии текущего столетия (откуда обновленчество в действительности заимствовало лишь когда-то притягательные лозунги: "обновление", "живая церковь"). Совсем нет. Все это обновленческое движение было всецело делом рук Тучкова[19], для которого лидеры обновленчества явились одновременно и добровольными, и подневольными советниками и орудиями внутрицерковного террора»[20].

Постепенно выявлялась из самих недр этого движения его подлинная сущность.

Прот. Красницкий в своем вступительном слове перед открытием Собора живоцерковников указал на его главную цель: «Основная сущность современной Церкви – в её искреннем признании социальной революции при сохранении строгой церковности». «Все мы должны стать друзьями Советской власти», – заявил Еп. Антонин на том же Соборе.

Грамота живоцерковного Высшего Церковного Управления, оглашенная при открытии собора, гласит: «Отечество наше совершает переустройство жизни своей на новых началах. Изменяется уклад народного быта. Не доставало доселе этому перевороту внутреннего благодатного от веры осенения».

Так же характерна статья прот. Введенского:

«Мы должны обратиться со словами глубокой благодарности к правительству, которое, вопреки клевете заграничных шептунов, не гонит церкви. В России каждый может исповедывать свои убеждения. Слово благодарности должно быть высказано единственной в мире власти, которая творит, не веруя, то дело любви, которое мы, веруя, не исполняем, а также вождю Сов. России В. И. Ленину...»[21]

Приведем еще одно заявление «Живой Церкви» из «Соборных постановлений»: «Церковным людям не надлежит видеть в Советской Власти – власти антихристову. Наоборот, Собор обращает внимание, что Советская Власть, государственными методами, одна во всем мире, умеет осуществить идеалы Царства Божия. Поэтому каждый верующий церковник должен быть не только честным гражданином, но и всемерно бороться, вместе с Советской Властью, за существование на земле идеалов Царства Божия».

Все приведенные факты и высказывания ясно указывают, что сущность «Живой Церкви» та же, что и у покрываемой ею советской власти - антихристова.

В последующих главах мы рассмотрим явления, лежащие в основе политики нынешней Московской Патриархии. Сейчас же, забегаая вперед, приведем заявление Патриарха Алексия (Симанского), сделанное на 5-ой Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве 11 мая 1955 года и не уступающее заявлениям живоцерковников:

«Русская Православная Церковь едина со всем нашим народом. Она всецело поддерживает миролюбивую внешнюю политику нашего Правительства не потому, что, как говорят наши недруги, она якобы несвободна, а потому, что эта политика справедлива и соответствует христианским идеалам, проповедуемым учением Церкви»[22].

Однако приемы, использованные большевиками в случае с «живоцерковниками», оказались слишком грубыми, а нарушение канонов – слишком явным. Посему большая часть духовенства и мирян не примкнула к движению «Живая Церковь». Богоборцы тогда стали искать такого «канонически правильного» епископа, который бы согласился, не нарушая канонов, служить антихристовой власти.

5. Митрополит Сергей и разрыв преемства в Русской Церкви

Советам нужен был авторитетный иерарх, законный предстоятель Церкви, который пошел бы на сотрудничество с властью и возглавление церковного управления, состоящего как из православных, так и обновленцев. Добиться этого от Патриарха Тихона не удалось, он становился помехой.

25 марта 1925 года в день Благовещения Патриарх Московский и всея Руси Тихон скончался.

Кончина Патриарха покрыта тайной, однако у Левитина и Шаврова есть важное свидетельство: «Покойный настоятель храма Ильи пророка в Обыденном переулке в Москве о. Александр Толгский, умерший в 1962 году, говорил одному из авторов: «После признаний, сделанных мне во время исповеди одним из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что Патриарх Тихон был отравлен»[23].

«30 марта / 12 апреля 1925 года, в Донском монастыре в Москве, на грандиозном погребении Святейшего Патриарха Тихона сонмом шестидесяти иерархов и нескольких сотен клириков, «при небывалом громадном стечении мирян», вскрывается и оглашается завещательное распоряжение почившего, принятое им незадолго до своей кончины, о каноническом преемстве высшей церковной власти.

Местоблюстителем Патриаршего Престола в завещании назначается всем известный своей кротостью и преданностью Церкви митрополит Казанский и Свяжский Кирилл (Смирнов).

В случае невозможности ему («по независящим обстоятельствам») приступить к этой должности, указывается второе лицо: митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел.

В случае невозможности и сему святителю (по тем же «независящим обстоятельствам») приступить к этой должности указывается третье лицо: митрополит Крутицкий Петр.

Так как первые два кандидата, указанные в завещательном распоряжении, в это время находились в ссылке, то по соборному утверждению сонма иерархов, собравшихся на погребение Патриарха, в должность Патриаршего Местоблюстителя с сего числа вступил митрополит Крутицкий Петр.

Кратковременное управление Церковью этим Первосвятителем успело, однако, ознаменоваться одним очень важным мероприятием, направленным против обновленчества, но слишком дорого обошедшимся самому митрополиту Петру. Имеем в

виду послание Патриаршего Местоблюстителя от 15 / 28 июня 1925 г., направленное против участия православных в очередном обновленческом лжесоборе.

Видя новый провал своих намечавшихся авантюр... иересиарх и главный заправила обновленчества лжемитрополит А. И. Введенский выступает на своем «Соборе» с клеветнической, провокационной акцией, направленной против личности Патриаршего Местоблюстителя с целью политической компрометации его в глазах государственной власти со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После этого Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, предвидя неизбежное и скорое пресечение своей первосвятительской деятельности в результате клеветнических выпадов против него со стороны раскольников и усилившейся диффамации в гражданской печати, 22 ноября / 5 декабря пишет завещание на случай своей кончины, а 23 ноября / 6 декабря пишет завещательное распоряжение о передаче высшей церковной власти в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви.

27 ноября / 10 декабря 1925 г. в Москве состоялся арест Митрополита Петра и пожизненные (длившиеся 12 лет) ссылка и одиночное заключение в отдаленных пределах Крайнего Севера и Сибири, окончившиеся его расстрелом 27 сентября / 10 октября 1937 г.

В силу завещательного распоряжения Митрополита Петра от 26 ноября / 6 декабря 1925 г. в исполнение должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя должен был вступить один из трех нижеследующих иерархов: Сергей (Страгородский), Митрополит Нижегородский, или (если ему невозможно будет исполнить это поручение) Михаил (Ермаков), Митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины, или (если ему невозможно будет исполнить это поручение) Иосиф (Петровых), Архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии, несколько позже Митрополит Петроградский.

Ввиду того, что все трое оказались налицо, в исполнение должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя с 27 ноября / 10 декабря 1925 г. вступает Митрополит Нижегородский Сергей»[24].

Митрополит Сергей, после своего особого обращения к епископату от 11 / 24 мая 1926 г., получает поддержку и утверждение в качестве Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола.

Вскоре он издает заявление, которое приемлемо для православных, но не удовлетворяет власть. Поэтому 27 ноября 1926 г. его арестовывают. Временным Заместителем Местоблюстителя становится Архиепископ Серафим Угличский (Самойлович).

Как и Митрополит Петр, Архиепископ Серафим категорически отказался подписать какую бы то ни было декларацию о лояльности властям и принять условия, при выполнении которых была бы возможна "легализация" церковного управления. Свой отказ он мотивировал тем, что «не считает себя полномочным решать основные вопросы принципиального характера без находящихся в заключении иерархов».

Имеются сведения, что Митрополитам Кириллу и Иосифу также предлагали написать необходимую советской власти декларацию, но и они отказались.

30 марта 1927 г. Митрополита Сергия выпустили из тюрьмы.

Советская власть, давно искавшая законного предстоятеля Церкви, лояльного ей и подходящего для осуществления ее замыслов, сделала свой выбор. Большевики, очевидно, не забыли, как 3 / 16 июня 1922 г. Митрополит Сергей, совместно с Архиепископом Евдокимом (Мещерским) и Архиепископом Серафимом (Мещеряковым), подписал «Воззвание» о признании ими каноничности самочинного обновленческого Высшего Церковного Управления[25]. Впоследствии Митрополит Сергей покаялся в этом, но, как сказал о нем старец Нектарий Оптинский, "яд сидел в нем".

29 июля 1927 г. Митрополит Сергей (Страгородский) обнародовал печально известную "Декларацию", на этот раз полностью удовлетворившую советскую власть. В связи с публикацией этой декларации в газете «Известия» появилась очень важная статья. Одной фразой она охарактеризовала сделанный Митрополитом Сергием шаг: «Дальновидная часть духовенства (т.е. обновленцы – примечание прот. В. Ж.) еще в 1922 г. вступила на этот путь».

Приведем главные выдержки из "Декларации" Митрополита Сергия:

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными Советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время признавать Советский Союз нашей гражданской

родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный на Союз, будь то война, бойкот, какое-либо общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учит нас Апостол (Рим. XIII, 5)... Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесспорно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя, или оставить свои политические симпатии дома, приносить в церковь только веру и работать с нами только во имя веры, или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере, не мешать нам, устранившись временно от дела».

Этим заявлением фактически исполнялась программа живоцерковного Высшего Церковного Управления: «Не доставало доселе этому перевороту внутреннего благодатного от веры осенения», и достигалась цель, указанная прот. Красницким: «Основная сущность современной Церкви – в ее искреннем признании социальной революции при сохранении строгой церковности».

«Декларация... вызвала глубочайшее потрясение всего православного мира. Со всех концов русской земли раздались голоса протеста духовенства и мирян. На имя митрополита Сергия посыпалась масса “посланий”, в копиях распространяемых по всей стране. Авторы посланий умоляли митрополита Сергия отказаться от выбранного им губительного пути»[26].

«По количеству и по духовному удельному весу протестующих можно было судить об объеме, глубине и нравственной силе протеста. В числе протестующих были самые замечательные церковные деятели России: Митрополит Петр, арестованный и сосланный, но не отказавшийся от своих прав законный Первосвященитель Русской Православной Церкви, Местоблюститель Патриаршего Престола; Митрополит Агафангел, первый заместитель Патриарха; Митрополит Иосиф Петроградский, заместитель Митрополита Петра; Митрополит Кирилл Казанский, глубоко чтимый православной Русью; Архиепископ Иларион (Троицкий), знаменитый сподвижник Патриарха Тихона; Архиепископ Пахомий Черниговский; Епископ Виктор Глазовский; Епископ Варлаам Пермский; Епископ Евгений Ростовский; Епископ Дамаскин Глуховский; Епископ Василий Прилукский; Епископ Алексей Воронежский; Епископ Иерофей Никольский; Епископ Иларион, викарий Смоленский; Епископ Димитрий Гдовский; Епископ Сергей Нарвский; Епископ Максим Серпуховский; Епископы: Гавриил, Аверкий, Нектарий, Феодор, Филипп, Стефан, Петр и др. епископы, находившиеся в ссылке, тюрьмах, политических изоляторах и концлагерях.

Среди протестующих были и замечательные представители священства, богословы-профессора и церковно-общественные деятели: знаменитый богослов и философ, проф. Московской духовной академии о. Павел Флоренский, проф. Московской духовной академии о. Феодор Андреев, бывший президент Петербургского религиозно-философского общества, знаменитый русский философ проф. А. С. Аскольдов, философ А. А. Мейер, проф. Петербургской духовной академии А. И. Бриллиантов, проф. М. А. Новоселов, проф. Московской консерватории философ А. Ф. Лосев, проф. психиатр В. Н. Финне, диакон и доцент Петербургского университета В. В. Финне, профессора Петербургского университета Д. И. Абрамович и В. Л. Комарович, профессора Военно-юридической академии С. С. Абрамович-Барановский и А. Н. Колосов, философ доктор М. Н. Маржецкий, о. Василий Вержский, о. Сергей Тихомиров, о. Валентин Светицкий, о. Александр Сидоров, о. С. Мечов, о. Викторин Добронравов, о. Никифор Стрельников, о. Николай Прозоров, о. Александр Кремышанский, о. Николай Пискановский, о. Сергей Алексеев, о. Анатолий Жураковский, игумен Варсанофий (Юрченко), протоиерей Григорий Селецкий, протоиерей Антоний Котович и многие другие»[27].

«После целого потока таких бесчисленных “Посланий”-протестов, начались нескончаемые вереницы делегаций с мест к митрополиту Сергию в Москву. Одной из таких делегаций была и историческая делегация Петроградской епархии, возглавляемая Епископом Димитрием Гдовским, прибывшая в Москву 27 ноября 1927 г.»[28]. Делегация привезла письмо от епископата (подписанное семью епископами), письма от священства (подписанные лучшими представителями петербургского духовенства) и от мирян (подписанные многими научными работниками Академии наук, университета, Военно-медицинской академии и других научных и учебных заведений).

Представители разных епархий со всех сторон России приезжали в Москву и на коленах, рыдая, умоляли его исправить роковую ошибку. Из тюрем, ссылок и концлагерей дошел до Митрополита Сергия протестующий голос исповедников и мучеников...

«Митрополит Сергей, нарушив основной православный церковный закон, основу основ святых православных канонов (34-е апостольское правило, по которому первый епископ ничего не должен творить без рассуждения всех прочих епископов), отказался устно, письменно и печатно внять голосу протестующих и обрушился на несогласное с ним духовенство с самыми страшными прещениями, квалифицируя всех несогласных с его “новой церковной политикой” – “контрреволюционерами”, предавая их тем самым на расправу органам ГПУ»[29].

После этого начался раскол в Церкви. Ряд епархий, возглавляемых архипастырями, стал отходить от Митрополита Сергея и его «Синода», учинивших новый обновленческий раскол: создание церкви, лояльной советской власти и служащей интересам богоборческого советского государства.

Первыми отложились петроградцы: Епископы Дмитрий Гдовский и Сергей Нарвский со своими паствами. 16 декабря 1927 года они направили Митрополиту Сергию специальное мотивированное послание. Затем подобное же послание с мотивами отхода написали 6 февраля 1928 г. Митрополит Агафангел, Архиепископ Серафим Угличский, Митрополит Иосиф Петроградский, Архиепископ Варлаам, бывший Пермский, Епископ Евгений Ростовский. 22 декабря 1927 г. отложилась Глазовская епархия, возглавляемая Епископом Виктором. 9 января 1928 г. отложился управляющий Воронежской епархией Епископ Козловский Алексей со своей паствой. 12 января отложился Иерофей, Епископ Никольский со своей паствой. 30 декабря 1927 г. отложились Серпуховское духовенство и миряне.

В разное время отложились и прервали общение с Митрополитом Сергием Митрополит Кирилл, Архиепископ Пахомий, Епископы Дамаскин, Василий, Иларион (викарий Смоленский), Максим Серпуховский, Аверкий, Нектарий (Трезвинский) и многие другие со своими паствами, написав Митрополиту Сергию мотивированные послания.

Монсеньор Мишель Д'Ербиньи, католический епископ, представитель Ватикана в России в первые годы Советской России, свидетельствовал, что три четверти епископата отложилось от Митрополита Сергея[30].

Многочисленные протесты указывали на противоестественную связь церковной администрации с безбожным государством:

«Выступление Митрополита Сергея весьма похоже на подобные же политические выступления обновленцев, отличаясь от них не по существу, а только по форме и объему», «послание, принимая без всяких оговорок официальную версию, всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь, на контрреволюционное настроение Её клира. Таким образом, Митрополит Сергей презрел кровь мучеников»[31].

Епископ Дамаскин пишет в сентябре 1927 г.:

«Одно из двух, или действительно Церковь есть непорочная и чистая Невеста Христова, Царство Истины, и тогда Истина – это воздух, без которого мы не можем дышать, или же она, как весь лежащий во зле мир, живет во лжи и лжью, тогда всё ложь – каждое слово, каждая молитва, каждое таинство.

Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь, и что не может она быть фундаментом Церкви. У нас перед глазами позорный путь “Церкви лукавнующей” – обновленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растления неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деяниями Синода. Нам кажется, что Митрополит Сергей поколебался в уверенности во всемогуществе Божиим в роковой миг, когда он подписывал Декларацию... И это колебание, как страшный толчок, передастся всему Телу Церкви и заставит его содрогнуться. Не одно человеческое сердце, услышав слова Декларации в стенах храма, дрогнет в своей вере и в своей любви и, может быть, раненное в самой сокровенной святине, оторвется от обманувшей Церкви».

Отложившийся Епископ Козловский Алексей, управляющий Воронежской епархией, пишет:

«Стоя на страже Православия и зорко следя за всеми проявлениями церковной жизни не только во вверенной нашему смиренному епархии, но и вообще в Патриархате, мы, к великому нашему прискорбию обнаружили в последних деяниях возвратившегося к своим обязанностям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергея, Митрополита Нижегородского, стремительный уклон в сторону “обновленчества”, превышение прав и полномочий, предоставленных ему, и нарушение св. канонов (решение принципиальных вопросов самостоятельно, перемещение и увольнение архиереев без суда и следствия и т. п. (см. Кирил. Прав. 1; Апост. Прав. 34).

Своими противными духу Православия деяниями Митрополит Сергей отторгнул себя

от единства со святой Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви».

Из письма Серпуховского духовенства (30 дек. 1927 г.):

«Вы являетесь никем иным, как продолжателем так называемого "обновленческого" движения, только в более утонченном и весьма опасном виде, ибо, заявляя о незыблемости Православия и сохранения каноничности, Вы затуманиваете умы верующих и сознательно закрываете от их глаз ту пропасть, к которой неудержимо влекут Церковь все Ваши распоряжения».

Из резолюции Митрополита Иосифа на доклад петроградских викариев от 23 декабря 1927 г.:

«Для осуждения и обезвреживания последних действий Митрополита Сергия, противных духу и благу святой Христовой Церкви, у нас по нынешним обстоятельствам не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений».

Также в письме к одному петроградскому архимандриту Митрополит Иосиф писал: «Не судите же меня так строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.

2. Указание другому его заблуждений не раскол, а попросту говоря – введение в оглобли разнуздавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении церковной жизни участники – не одни только верхушки, а все тело церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви дерзает говорить то, чего не разделяют остальные его собратья.

5. Таким раскольником показал себя Митрополит Сергий, далеко превысив свои полномочия и отвергнув, и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина.

Вскользь Вы упоминаете, что в числе путей к истине "Христос указал нам еще один новый путь: да любите друг друга", каковой путь, по-видимому, Вы считаете мной опущенным из виду при моих действиях. На это я Вам напомню, отче, дивное заключение Митрополита Филарета в слове о любви к врагам: "Гнушайтесь убо врагами Божьими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша"[32].

Как логическое следствие "Декларации" 1927 г., Митрополит Сергий стал проводить в жизнь целый ряд незаконных мероприятий.

Митрополит Петр, при назначении своих заместителей актом от 26 ноября / 6 декабря 1925 г., указывал: «Возношение за богослужением моего имени, как патриаршего местоблюстителя, остается обязательным». В письме от 9 / 22 апреля 1926 г. он, по словам Митрополита Сергия, «совершенно определенно заявил, что считает для себя обязательным оставаться Местоблюстителем, хотя бы и не был на свободе» (письмо Митрополита Сергия Митрополиту Агафангелу от 17/30 апреля 1926 г.).

До своего ареста Митрополит Сергий сам считал, что «не может претендовать на возглавление Российской Церкви, ибо полномочия его прекращаются с кончиной лица, от которого исходили... Если почему-либо (пишет он Митрополиту Агафангелу – прим. прот. В. Ж.) Митрополит Петр оставит должность Местоблюстителя, наши взоры естественно обратятся к кандидатам, указанным в завещании (Патриарха Тихона), т.е. к Митрополиту Кириллу, а потом к Вашему Высокопреосвященству».

14 / 27 апреля 1934 г., будучи еще лишь Заместителем Местоблюстителя, Митрополит Сергий присваивает себе титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского, этим актом ставя себя выше того, кого замещает. Звание Местоблюстителя он присваивает себе 27 декабря 1937 г., без всякого упоминания о смерти Митрополита Петра и вообще о порядке такого действия, но просто отдавая распоряжение о поименовании себя по новой форме.

Имеются сведения о том, что в 1935 г. Митрополит Петр, по окончании срока первой ссылки, вернулся в Москву и виделся с Митрополитом Сергием. Последний хотел получить от него признание нового устройства церковной жизни и согласие на созыв собора. Это сообщение подтверждалось газетой «Русская Мысль» от 16 ноября 1951 г. Там добавлялось, что Митрополит Петр потребовал у Митрополита Сергия возвращения ему церковной власти, как Местоблюстителю, но получил отказ. Вскоре он вновь был отправлен в ссылку, где умер в конце 1937 г.

Митрополит Сергий пытался принудить к лояльности Советскому Союзу не только российских, но и зарубежных архиереев. Так, он писал в своем послании 29 июля

1927 г. :

«Мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности Советскому правительству во всей своей общественной деятельности; не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии».

Такое решение должно рассматриваться как превышение власти. Оно противоречит не только священным канонам Церкви и посланию архипастырей – Соловецких узников[33], но и посланию самого Митрополита Сергия от 10 июня 1926 г., в ту пору не считавшего возможным применять церковные наказания к заграничному духовенству «за его неверность Советскому Союзу».

При всем этом церковном произволе те, кто считают, что Митрополит Сергий спасал Церковь, выражают свое явное непонимание сущности Церкви. Митрополит Сергий, нарушив каноны, расколол Церковь. Более того, в этом своем деянии он как будто забыл, что Глава Церкви Христос и есть единственный Её Спаситель. Он и обещал Её сохранность до скончания века, даже при малом стаде, но в полной божественной природе. И непростительно думать, что кто-либо, помимо Христа Спасителя, может спасти Церковь, сохранив в Ней лишь внешнюю организацию и обрядность, но выхолостив суть.

В связи с этим отец Глеб Якунин писал:

"После...мученической кончины митрополита Петра каноническая преемственность официальной верховной власти в Церкви и вовсе была прервана... За учиненный им раскол митрополит Сергий подлежит, по апостольским правилам, извержению из сана и отлучению от Церкви»[34].

Нужно отметить, что падение одного или нескольких епископов в личном порядке не столь губительно для Церкви, как падение ведущего архиерея, стоящего во главе церковного управления. Тогда на ложный путь во имя так называемого обязательного послушания чиновначалию вводится весь церковный народ. Деяния Митрополита Сергия, предоставившего орган церковного управления в распоряжение богоборческой власти, переносят суть всего дела из области личного грехопадения архиерея в степень вовлечения в беззаконие и падения целого церковного организма, в котором спасались все верующие.

6. Возникновение Катакомбной Церкви

«По свидетельству близкого друга Св. Патриарха Тихона – профессора, доктора медицины М. А. Жижиленко, бывшего главного врача Таганцевской тюрьмы в Москве, а затем первого тайного катакомбного Епископа Серпуховского с именем Максима, – Патриарх, незадолго до своей кончины, с ужасом убеждаясь, что предел “политическим” требованиям советской власти лежит за пределами верности Церкви и Христу, высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для православной Русской Церкви сохранить верность Христу будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому Св. Патриарх Тихон благословил проф. М. А. Жижиленко принять тайное монашество, а затем в ближайшем будущем, в случае, если высшая иерархия Церкви изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, – стать тайным епископом»[35].

После раскола 1927 г. последователей Митрополита Сергия, принявших его декларацию, стали называть «сергианами». Оставшиеся же верными Православной Церкви, не принявшие декларации и отошедшие от Митрополита Сергия стали называться «иосифлянами» (от имени Петроградского Митрополита Иосифа). Кроме Митрополита Иосифа отошли от общения с Митрополитом Сергием и другие, самые выдающиеся иерархи с их паствами. Религиозно-нравственный авторитет протестовавших и отошедших был чрезвычайно высок. Их качественное превосходство – несомненно. Их правота – очевидна для любого честного историка Церкви.

Всех протестовавших против декларации Митрополита Сергия советская власть арестовывала как «контрреволюционеров», расстреливала или ссылала в концентрационные лагеря и ссылки. На допросах ликоующие чекисты-следователи со злорадством и сарказмом доказывали «строгую каноничность» Митрополита Сергия и его "Декларации", которая «не изменила ни канонам, ни догматам». Тучков обещал на допросах: «Ну подождите, я Вам дам вашего». А когда он достиг своей цели, то торжественно заявлял: «А здорово подковырнул вас Сергий».

С 1928 г. в Соловецком и Свирском концлагерях, в лагере «БЕЛБАЛТЛАГ» и во многих лагерях Сибири стали совершаться тайные хиротонии. (В Соловецком лагере их совершали Епископы Максим, Виктор, Иларион и Нектарий).

Митрополиты Иосиф и Кирилл (оба находившиеся в ссылке) стали духовными и административными главами Катакомбной Церкви, создавшейся к концу 1920-х –

началу 1930-х годов и начавшей приобретать некоторую организованность.

В конце 1937 года именно за возглавление и руководство тайной Катакомбной Церковью Митрополиты Иосиф и Кирилл были расстреляны.

После них Катакомбная Церковь была вынуждена строже хранить свои тайны, в особенности имена и местопребывание ее иерархов.

Появившийся в советской России в 1964 году "Словарь атеиста" (Изд. полит. лит.) в следующих словах характеризует Катакомбную Церковь:

«Истинно-православные христиане и истинно-православная церковь (ИПХ и ИПЦ) – православные секты, возникшие в 1922-26 гг. Оформились в 1927 г., когда Митрополит Сергей провозгласил принцип лояльного отношения к советской власти. Монархические элементы, объединявшиеся вокруг ленинградского Митрополита Иосифа (Петровых), или иосифляне, в 1928 г. создали руководящий центр ИПЦ и объединили все группы и элементы, выступавшие против советского строя. В её составе было 613 священников и монахов... Основ. особенности этих сект: культ членов царской семьи Романовых, хранение и распространение контрреволюционно-монархической литературы, создание домашних, катакомбных церквей и монастырей. Ничего нового в вероучение, религиозный культ и даже в обряды эти секты не вносили. Они полностью сохраняли вероучение и обряды православия. Антисоветскую пропаганду вели, прикрываясь проповедями о скором конце света. Последователи ИПЦ и ИПХ не признают над собой власти прав. Патриарха».

В отношении Катакомбной Церкви пророческое значение обрели слова Архиепископа Серафима Угличского, вступившего в декабре 1926 г. в управление Церковью в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Он не назначил себе преемника и на допросе в ГПУ на вопрос «кто же возглавит Церковь, если мы вас не выпустим?» ответил: «Сам Господь Иисус Христос».

Катакомбная Церковь явила собой не только пример исповедничества, которым должна отличаться Церковь Христова во времена гонений, но и живое осуждение той церкви, которая пошла на поводу у гонителей.

7. Антихристова сущность Декларации Митрополита Сергия

Декларация 1927 г. явилась актом предательства Русской Православной Церкви. Предавалось Слово Божие в понятии о власти. С этим предательством тесно сплелась ложь о якобы Богом данной боготорческой власти.

«Правда мира поколебалась, писал священномученик Епископ Дамаскин в «Киевском послании», ложь стала законом и основанием человеческой жизни. Слово человеческое утратило всякую связь с истиной, с Предвечным Словом, потеряло всякое право на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши. Но среди этой стихии всеобщего растления, ограждаемая скалой мученичества и исповедничества, непоколебимо стояла Церковь, как столп и утверждение Истины. Изолгавшиеся и истомившиеся в своей лжи люди знали, что есть место, куда не могут захлестнуть мутные воды неправды, есть престол, на котором сама Истина утверждает свое царство, и где слова звучат не как фальшивая неимеющая ценности медянка, но как чистое золото.

Не оттого ли потянулось к Церкви в последние годы столько охваченных трепетом веры сердец, которые до того были отделены от неё долгими годами равнодушия и недоверия? Что же скажут они, что они почувствуют, когда и оттуда с высоты последнего прибежища отвергнутой миром Правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы? Не покажется ли им, что ложь торжествует свою конечную победу над миром и что там, где мерцал для них светом невечерним Образ Воплощенной Истины, смеется в отвратительной гримасе личина Отца Лжи? Одно из двух: или Церковь действительно – непорочная и чистая Невеста Христова – есть Царство Истины, и тогда истина – это воздух, без которого мы не можем дышать, или же она, как и весь лежащий во зле мир, живет во лжи и лжи, и тогда все ложь, ложь каждое наше слово, каждая молитва, каждое таинство» [36].

Это послание получило от исповедников российских высшую оценку. В 1946 году Митрополит Анастасий комментировал его так:

«Сколько потрясающей духовной силы, сколько исповеднического дерзновения и истинной мудрости скрыто в этих огненных словах, в которых мы слышим как бы глагол апостолов, голос древних отцов и учителей Церкви и наших великих Отцов Церкви исповедников Православия – Святителей Филиппа и Гермогена. Как жалки сравнительно с ним лукавые мудрования и словоизвития Митрополита Сергия, которыми он пытается оправдать свой путь неправды, на какой он хотел увлечь всю Русскую Церковь. Продолжая развивать выдвинутые им аргументы, основанные на давнем нехристианском принципе: "цель оправдывает средства", его нынешние

последователи дошли до того, что стали кощунственно проповедовать “святую ложь” и придумали особый “подвиг лжи” ради спасения Церкви. Можно ли дальше уклоняться “в словеса лукавствия непщевати вины о гресех (чтобы придумывать извинения во грехах)”? Неужели эти люди забыли о том, кто называется в Евангелии “Отцом” и родоначальником лжи, и всякий “подвиг лжи” (если только существует такой подвиг, ибо ложь почти всегда есть плод малодушия и трусости, которая бежит от подвига) – может твориться только во имя его, а никак не во имя или ради блага Церкви, которая решительно осуждает и отрицает ложь»[37].

Увы, не одной ложью ограничивается сергиевская декларация. Ложь в ней бледнеет перед призывом к православным относиться к советской власти так, как относятся они к православию, то есть как «самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом».

Это означает, что христианина призывают служить антихристу именно так, как он служил Христу – всем сердцем, всей душой, всеми помышлениями, всеми чувствами.

Таким образом, декларация содержит в себе не только предательство и ложь, но и явную подмену христианства антихристианством, а Церкви – антицерковью.

Люди, принимающие подмену Христа на Велиара, лишают себя, может быть навсегда, нравственной силы в борьбе с самими собой и с врагом рода человеческого. Они становятся «вечными рабами»[38] и уже не могут устоять перед компромиссом с совестью. В глубине души не надеясь более на своё спасение в лоне Церкви, они склоняются к земным компенсациям: властолюбию, сребролюбию и телесной вольности.

Даже в том случае, когда склонившийся к сговору с сатанинской властью думает только лишь обмануть её, он уже попадает в расставленные для него сети лжи и неверия, и власть эта немедля накладывает на него свою печать «вечного раба». Предположение о том, что такой человек вступает в соглашение с сатанинской властью ради спасения Церкви, не согласуется с нравственной сущностью Церкви – чистой Невесты Христовой – и извечным свидетельством о Ней, основывающимся на исповедничестве и мученичестве.

Повторим пророческие слова св. Новомученика Епископа Дамаскина:

«Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь, и что не может она быть фундаментом Церкви. У нас перед глазами позорный путь “Церкви лукавнующей” - обновленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растления, неизбежно ждет церковное общество...»

Характерно то, что сама власть в определенный момент обеспокоилась о «нравственном» состоянии порожденного ею духовенства. К. С. Харчев, председатель Совета по делам религии, на встрече с преподавателями Высшей партийной школы в Москве в конце марта 1988 г. предложил изменить церковную политику:

«Сейчас священник часто ничем не связан со своим приходом, он и родом из других мест, часто даже другой национальности. Приезжает такой один раз в неделю на приход на машине, отслужит литургию и был таков, и знать больше ничего не хочет. Многим это даже нравится, ведь они ни за что не отвечают: ни за паству, ни за деньги, ни за ремонт храма. Уполномоченный при выдаче лицензии его предупреждает: получай свои 350 рублей, и чтоб ни во что свой нос не совал. Что там творится на приходе ни священник, ни уполномоченный, ни партия не знают.

Раньше была практика: при крещении требовать паспорт. Это давало возможность партийным работникам находить крещеных по паспортным данным и административными методами воздействовать на верующих... Сейчас практику представления паспортов в церкви по нашей инициативе отменили. И выяснилось, что больше всего этой отмене противились сами священники. Объяснение простое: за официальное крещение им полагалось 6,5 рублей, а за подпольное – до 100 рублей.

Мы, партия, попали в ловушку своей антицерковной политики запретов и ущемлений, - докладывает Харчев, - отсекали попа от верующих, но верующие не стали от этого больше доверять местным органам, а партия и государство все больше теряют над верующими контроль. И вдобавок, как следствие, мы имеем появление бездуховных верующих, т. е. тех, которые исполняют обрядовую сторону и безразличны ко всему. А главное – безразличны к коммунизму... искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм. И тут перед нами встает задача: воспитание нового типа священника»[39].

Множество Новых Мучеников и Исповедников выразили твердое убеждение, что сергианская церковь есть подмена подлинной Церкви, что она является

антицерковью.

«Поистине, эти злоумышленники против Церкви не от человека, а от того, кто искони был человекоубийца и кто жаждет вечной гибели нашей, слугами коего и сделались новые предатели, подменив саму сущность Православной Христовой Церкви: они сделали ее не небесной, а земной и превратили из благодатного союза в политическую организацию» (св. Новомученик Епископ Виктор (Островидов) Глазовский и Воткинский).

«Недели 2-3 тому назад я читал письмо, в котором приводились подлинные слова одной небезызвестной «блаженной», сказанные ею на запрос о митрополите Сергии, причем вопрошавший, по-видимому, указывал, что митрополит Сергей не погрешил против православных догматов, что он не еретик. “Что ж, что не еретик! – возразила блаженная. – Он хуже еретика: он поклонился антихристу, и, если не покается, участь его в геенне вместе с сатанистами”» (из письма св. Новоисповедника Архиепископа Илариона (Троицкого)).

«На протяжении всей христианской эры ни один ересиарх не внес столь разрушительных мнений, низлагающих великий христианский подвиг мученичества и исповедничества. Ни один еще не внушал и не учил радоваться ниспровержению всего, что было достигнуто Апостольской проповедью, страданиями святых мучеников и исповедников... Как жаль, что большинство иерархов, замалчивая самую сущность создавшегося вопроса, ходят окрест его, не видя на сей предмет прямого канона, и этим успокаивают свою совесть. Но если нет прямого канона, есть святое Евангелие – основа всех канонов» (св. Новомученик Зосима схиигумен Свирской Пустыни).

«Я, грешный, думаю, что таких церковных деятелей нужно назвать не только еретиками и раскольниками, но и богоотступниками. Ведь митрополит Сергей вводит в церковное богослужение неслыханную в истории Церкви ересь модернизированного богоотступничества... Митрополит Сергей пограл не внешнюю сторону, а самое внутреннее существо церковного Православия. Ведь «осанна» Христу и Антихристу, исполняемая сейчас в христианских храмах!, касается самой сущности христианской веры и представляет собой явную апостасию – отпадение от веры, богоотступление» (св. Новомученик Епископ Павел (Кратиков)).

«Вообще, грехи Сергия и его бесчестного Синода вполне явны и в общей сложности являются “нечестивой ересью клеветников на христианство” (VII Всел. Собора пр. 7); это ересь злейшая, чем ересь клеветы на св. Иконы (иконоборчество). Это некая новая уния с неверием, сопряженная с учреждением совершенно антицерковных катакоп (епископов-шпионов). Это скрытая форма арианства – политического» (св. Новомученик Архиепископ Андрей Уфимский).

«Стойте, братья и сестры во Христе, мужественно стойте в вере православной. Не имейте общения никакого с ересью сергианской, с ее еретической «церковью». Ересь эта признает власть антихриста властью “от Бога”... Если кто уклонится в эту ересь, то и мученичество его не спасет от этого великого греха... не входите ни в какое общение, в соприкосновение с ересью антихристовой» (св. Новомученик протоиерей Симеон Могилев).

«А вот почему я отрекаюсь от сергианской церкви. Тело церковное с внешней стороны как будто и целое, и все в порядке, но через богоотступление голова уже отрублена. И сколько бы митрополит Сергей ни кричал о верности Православию, но самого главного уже нет. Получилась не Церковь, а церковная партийная организация. Налицо не корабль церковный, а сергианская ладья – “душегубка”» (св. Новомученик Епископ Павел (Кратиков)).

«Она, “Декларация”, – скажем словами св. Илария Пиктавийского, обращенными к ариану Констанцию, – подкрадывается тихо под нашим именем, умерщвляет ласково, совершает нечестие под видом набожности, уничтожает Христову веру, будучи ложной проповедницей Христа. Она все бедствия гонения располагает так, что и в грехе уничтожает помилование, и в исповедании мученичество... научает исповедывать без веры...» (из «Воззвания всем верным чадам Христовой Церкви», осень 1927 г.).

«Эта церковь совершила нечто еще более страшное, чем нарушение канонов и догматов: она изменила Святому Духу, солгав перед всем миром, что в России, именуемой теперь СССР, владевает не богомерзкое правительство богоборческого самовластия антихристового духа, ненавидящее Христа и верную ему до конца Истинную Православную Церковь, а “избранник Господень, ведущий наше отечество к благоденствию и славе”» (исповедник проф. И. Андреев).

«Митрополит Сергей отпал от Церкви, то есть своими действиями нарушил церковные каноны; Митрополит Сергей не состоит более в лоне Православной Церкви. Церковь, признавшая правду за коммунизмом, не есть Церковь. “Организация”, купленная ценою поклонения антихристу, недостойна Церкви» (св. Новомученик

Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович)).

Естественно, что в связи с таким общим мнением встает вопрос о благодати сергианской церкви: пребывает ли благодать Божия в явно антихристианском обществе? Конечно, этот вопрос касается не вездесущей Божьей благодати, утверждающей жизнь на земле, но благодати таинств, преподаваемых Церковью.

Множество исповедников отнеслось к этому вопросу однозначно:

«В открытые храмы отнюдь не ходить. Они – ловушка. Там нет Православия. Там одна форма без содержания... Там то, о чем сказал Господь: се оставляется вам дом пуст (Лук. 13, 55)... Церкви Христовой там нет, осталась только мнимая видимость. Истинные пастыри уничтожены, в тюрьмах, в ссылках, в бегстве. А то “священство”, что осталось, – как правило, партийные, атеисты. И эти “священники” создают там то, что названо в Святом Евангелии “мерзость запустения”. И от этой мерзости велено нам “бежать в горы”» (св. Новомученик Епископ Ижевский Синезий (Зрубин)).

«Пока есть храм Божий не от “Церкви лукавнующих”, ходи, когда можно, в церковь, а нет – молись дома... Скажете: а причащаться где? У кого? Отвечу: Господь укажет; или ж Ангел причастит, ибо в “Церкви лукавнующих” нет и не может быть Тела и Крови Господних...» (исповедник Сергей Нилус).

«В деле расточения Церкви вместе с предательством митрополит Сергей произнес и тяжкую хулу на Духа Святого, которая по неложному слову Христа никогда не простится ему ни в сей, ни в будущей жизни... Смесив в одно в великом святейшем таинстве Евхаристии, вопреки слову Божию, “верных с неверными” (2 Кор. 6, 14-18), Святую Церковь и борющихся на смерть врагов ее, митрополит этим своим богохульством нарушает молитвенный смысл великого таинства и разрушает его благодатное значение для вечного спасения душ православно верующих. Отсюда и богослужение становится не просто безблагодатным по безблагодатности священнодействующего, но оно делается мерзостью в очах Божиих, а потому и совершающий и участвующий в нем подлежит сугубому осуждению» (св. Новомученик Епископ Виктор (Островидов) Глазовский и Воткинский).

Свв. Новомученики Епископы Воронежский Алексей (Буй), Гдовский Димитрий (Любимов), Никольский Иерофей (Афоник) и Воткинский Виктор (Островидов) называли на проповедях возглавляемую митрополитом Сергием церковную организацию «царством антихриста», сергианские храмы – «вертепами сатаны», архипастырей сергианских – «служителями сатаны»; причастие сергиан именовали «пищей бесовской».

Св. Новомученик Епископ Иларион (Вольский) отрицал совершаемые сергианами таинства и вторично крестил младенцев и венчал уже венчанных в «советской» церкви» [40].

Несмотря на то, что выше приведенные мнения суть личные точки зрения, они тем не менее являются для всех православных христиан авторитетными указателями. Если же считать, что примерно три четверти российского епископата не признало Митрополита Сергия, то вышесказанные мнения приобретают соборное значение.

К тому же Катакомбная Церковь осудила сергианство как ересь и анафематствовала его.

Текст анафемы, принятый в иосифлянских общинах (около 1928-29 гг.) и используемый и донныне в катакомбных общинах гласит:

«Пребезумную обновленческую ересь сергианскую содержащим: учащим, яко отвержением истины Христовы земное устройство Церкви Божией соблюдается; и тем, иже утверждают, яко богоборческим властем служение и исполнение безбожных велений их, иже к попранию священных правил, святоотеческих преданий и божественных догматов, и к разорению всего христианства, Церковь Христову спасает; и почитающим антихриста и служителей его, и предтечей его, и всех клеветов его, яко власть законную и от Бога поставленную; и всем тоя антихристианския ереси начальником, исповедников и мучеников новых хулителям (Сергию Нижегородскому, Николаю Киевскому и Алексию Хутынскому), и повторителям их, и обновленцам, и прочим еретикам – а н а ф е м а».

Имеется другая, несколько измененная версия, принятая в катакомбной Истинно-Православной Церкви. По духу и смыслу своему она является с самого начала сергианского раскола вероисповеданием этой Церкви:

«Безумно утверждающим обновленческую ересь сергианства; учащим, что земное бытие Церкви Божией может быть основанным на отрицании истины Христовой и утверждающим, что служение богоборным властям и верность их безбожным повелениям, попирающим священные каноны, святоотеческое предание и божественные догматы и разрушающим всё христианство, спасает Церковь Христову; и почитающим антихриста и слуг его, и предтеч его, и всех приближенных его, как законную

власть от Бога; и богохульствующим против новых исповедников и мучеников – Анафема!».

6/19 ноября 2004 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей вынес следующее определение касательно ереси сергианства:

«Утверждающим антихристианскую ересь сергианскую; учащим, что якобы союзом с врагами Христа спасается Церковь Христова, и подвиг мученичества и исповедничества отвергающим, и на иудинном основании лжецерковь устрояющим, и ради этого позволяющим нарушать и искажать учение, каноны и нравственные законы христианские; заповедующим христианам поклоняться богоборческой власти, будто бы Богом данной, и служить ей не за страх, а за совесть, благословляя все её беззакония; оправдывающим гонения на Истинную Церковь Христову от богоборцев, думая тем самым служить Богу, - как и совершали на деле продолжатели ереси обновленческой митрополит Сергей Страгородский и все его последователи - Анафема!»

8. Образование Русской Православной Церкви Заграницей

Во время гражданской войны, когда линия фронта отделяла от центра юго-восточную часть России, русские иерархи, находящиеся на юге, были оторваны от центральной церковной власти. Придерживаясь установленного церковного порядка, 6 мая 1919 г. они образовали в Ставрополе Временное Высшее Церковное Управление на Юге России.

Это учреждение было каноническим как по своему составу (оно управлялось Собором), так и по выполняемым функциям. Все его распоряжения признавались всероссийской церковной властью, например, посвящение Епископов Серафима Лубенского и Андрея Мариупольского; назначение епископов на кафедры в южной России, в Екатеринославе, а также заграницей, в Европе и Америке; выделение в самостоятельные епархии Кубанского викариатства (вопреки воле правящего Архиепископа Ставропольского Агафадора), Ростовского викариатства (вопреки воле Архиепископа Донского), Сухумского и Черноморского викариатств (вопреки воле Архиепископа Тифлисского и Бакинского); суд над Епископами Сергием Лавровым и Агапием Екатеринославским; увольнение на покой Иоанна Кубанского.

После поражения Белой армии огромное количество русских беженцев, очутившихся в Крыму, вынуждено было покинуть Россию. 6 / 19 ноября 1920 г. к Царьграду прибыли и сосредоточились на Босфоре свыше 125 кораблей русского и иностранного флотов, переполненные русскими людьми, в числе около 150.000 человек. Среди них были наши архипастыри во главе с Владыкой Митрополитом Антонием.

6 / 19 ноября 1920 г. на пароходе «Великий Князь Александр Михайлович» состоялось первое за границей заседание Высшего Церковного Управления на Юге России. На нем было постановлено:

«В виду сосредоточения огромного количества беженцев в различных государствах и частях света, не имеющих общения с советской Россией и не могущих сноситься с Высшим Церковным Управлением при Святейшем Патриархе; а также вследствие необходимости попечения о русской армии, выехавшей из Крыма,

а) продолжить полномочия членов Высшего Церковного Управления с обслуживанием всех сторон церковной жизни беженцев и Армии во всех государствах, не имеющих сношения со Святейшим Патриархом;

б) местом действия управления избрать г. Константинополь, как наиболее центральный пункт;

в) снестись с Константинопольской Патриархией для выяснения канонического взаимоотношения;

г) определить состав членов Управления из наличных епископов его, в виду отсутствия других членов – протоиерея о. С. Булгакова и А.А. Соловьева, оставшихся в Крыму, графа П.Н. Апраксина, выехавшего в Сербию и протоиерея о. Г. Спасского, отправляющегося с флотом во французские порты и неудобства в настоящее время организации Управления иными способами;

д) уведомить всеми возможными путями о сих постановлениях Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона, а также и все церковные центры, подлежащие попечению Русского Церковного Управления в г. Константинополе;

е) обратиться с просьбой к Главнокомандующему генералу Врангелю, передавшему через Епископа Вениамина о своем желании и соображениях о необходимости иметь Высший орган Церковного Управления по делам церковной жизни беженцев и Армии, - об обращении с его стороны к Наместнику Святейшего Патриарха Константинопольского Митрополиту Брусскому Дорофею по вопросу об организации

Управления в Константинополе;

ж) назначить продолжение заседания Церковного Управления в городе на 9 ноября.

Председатель Митрополит Антоний, члены: Митрополит Платон, Архиепископ Феофан, Епископ Вениамин»[41].

Во втором заседании Высшего Церковного Управления, которое состоялось 9 / 22 ноября, уже в самом Константинополе, в составе тех же иерархов, было решено пригласить в число членов Высшего Церковного Управления Архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия, который жил в Константинополе при Константинопольском Патриархе. Владыка Анастасий тотчас же принял участие в заседаниях Высшего Церковного Управления.[42]

В 1921 г. Церковное Управление по приглашению сербского Патриарха Димитрия переехало в Югославию. Последнее заседание в Константинополе состоялось 15 мая 1921 г.

Высшее Русское Церковное Управление за границей, равно как и предшествующее ему, было создано по установленному церковному порядку и получило такое же признание от всероссийской церковной власти, как и прежнее (к этому мы вернемся ниже, в главе о признании Русской Православной Церкви Заграницей).

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей собирался ежегодно. В междусоборное время исполнительным органом было поначалу Высшее Русское Церковное Управление за границей, а с 1922 г. Архиерейский Синод[43].

В работе первого Собора принимало участие 34 епископа (как лично, так и заочно): АНТОНИЙ, Митрополит Киевский и Галицкий, председатель Архиерейского Собора и Высшего Церковного Управления, АНТОНИЙ, Епископ Алеутский, АНАСТАСИЙ, Архиепископ Кишиневский, АЛЕКСАНДР, Архиепископ Северо-Американский, АДАМ, Епископ Филиппский, АППОЛИНАРИЙ, Епископ Белгородский, управляющий Иерусалимской миссией, ВЛАДИМИР, Епископ Белостокский, ВЕНИАМИН, Епископ Севастопольский, ГАВРИИЛ, Епископ Челябинский, ГЕРМОГЕН, Епископ Екатеринославский, управляющий в Греции, Африке и на острове Кипр, ДАМИАН, Епископ Царицынский, начальник Пастырского богословского училища, ДАНИИЛ, Епископ Охотский, ЕЛЕВФЕРИЙ, Архиепископ Литовский, ЕВФИМИЙ, Архиепископ Бруклинский, ЕВЛОГИЙ, Митрополит Западно-Европейский, ИННОКЕНТИЙ, Архиепископ Пекинский, МАР-ИЛЬЯ, Епископ Урмийский, ИОАНН, Епископ Тяньцзинский, МЕФОДИЙ, Архиепископ Харбинский, МЕЛЕТИЙ, Епископ Забайкальский, МИХАИЛ, Епископ Александровский, МИХАИЛ, Епископ Владивостокский, НЕСТОР, Епископ Камчатский, ПАНТЕЛЕЙМОН, Архиепископ Пинский, ПЛАТОН, Митрополит Северо-Американский, СЕРАФИМ, Архиепископ Финляндский, СЕРАФИМ, Епископ Лубенский, управляющий в Болгарии, СЕРГИЙ, Епископ Бельский, СЕРГИЙ, Епископ Черноморский, СЕРГИЙ, Архиепископ Японский, СТЕФАН, Епископ Питтсбургский, СИМОН, Епископ Шанхайский, ФЕОФАН, Архиепископ Полтавский, ФЕОФАН, Епископ Курский. ИОАНН, Архиепископ Латвийский, не смог принять участие в Соборе из-за политических событий в Литве. Из состава Собора выбывали одни, но прибывали другие. Количество участников незначительно колебалось: в Соборе 1926 г. принимало участие двадцать семь архиереев, в Соборе 1946 г. – двадцать шесть.

Собор был составлен на основе исключительно добровольного вхождения в него всех русских архиереев, находящихся за границей, причем многие из них (Архиепископы Финляндский, Литовский, Харбинский, Пекинский) имели постоянные кафедры и полную самостоятельность в управлении. Благодаря полному единению всего епископата Собор приобрел полноту церковной власти над всеми русскими церквями за границей на временной основе, до того момента, когда заграничная часть Русской Православной Церкви снова волеется в лоно Русской Церкви в отечестве.

8.1 Указ № 362 от 7 / 20 ноября 1920 г.

Глубоко понимая положение, в котором оказалась Русская Церковь с момента захвата государственной власти богоборцами, и предвидя дальнейший ход событий, Патриарх Тихон предусмотрел возможность перехода епархий, оторванных от центральной церковной власти, на временное самоуправление.

Указ № 362 от 7 / 20 ноября 1920 г. стал величайшим актом прозорливости Патриарха.

Ввиду того, что текст указа редко приводится полностью и, следовательно, нередко толкуется односторонне, мы приводим его целиком.

«Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 7 / 20 ноября 1920 года за № 362:

По благословию Святейшего Патриарха, Святейший Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии имели суждение о необходимости, к дополнительно

преподанным уже в циркулярном письме Святейшего Патриарха указаниям на случай прекращения деятельности Епархиальных Советов, преподать епархиальным Архидиаконам такие же указания на случай разобщения епархии с Высшим Церковным Управлением или прекращения деятельности последнего и, на основании бывших суждений, постановили:

Циркулярным письмом от имени Его Святейшества преподать епархиальным Архидиаконам для руководства в потребных случаях нижеследующие указания:

1) В случае если Священный Синод и Высший Церковный Совет по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, епархиальный архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящих к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к тому лицу или учреждению, какое будет Святейшим Патриархом для этого указано.

2) В случае если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или митрополичьего округа или еще иначе).

3) Попечение об организации Высшей Церковной Власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п. 2, епархий составляет непрременный долг старейшего в означенной группе по сану архиерея.

4) В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации высшей инстанции церковной власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему церковными канонами, принимая все меры к устройению местной церковной жизни и, если окажется нужным, к организации епархиального управления применительно к создавшимся условиям, разрешая все дела, предоставленные канонами архиерейской власти, при содействии существующих органов епархиального управления (Епархиального Соборного Совета и проч. или вновь организованных); в случае же невозможности составить вышеуказанные учреждения – самолично и под своей ответственностью.

5) В случае если положение вещей, указанное в п.п. 2 и 4, примет характер длительный и даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий, для чего епархиальный архиерей:

а) предоставляет Преосвященным своим викариям, пользующимся ныне, согласно Наказу, правами полусамостоятельных, все права епархиальных архиереев, с организацией при них управления применительно к местным условиям и возможностям;

б) учреждает, по соборному суждению с прочими архиереями епархии, по возможности, во всех значительных городах своей епархии, новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных.

6) Разделенная указанным в п. 5 образом епархия образует из себя во главе с архиереем главного епархиального города церковный округ, который и вступает в управление местными церковными делами согласно канонам.

7) Если в положении, указанном в п.п. 2 и 4, окажется епархия, лишенная архиерея, то Епархиальный Совет или, при его отсутствии, клир и миряне обращаются к епархиальному архиерею ближайшей или наиболее для них доступной по удобству сообщения епархии, и означенный архиерей или командирует для управления вдовствующей епархии своего викария, или сам вступает в управление ею, действуя в случаях, указанных в п. 5, и в отношении этой епархии согласно п.п. 5 и 6, причем при соответствующих данных вдовствующая епархия может быть организована и в особый церковный округ.

8) Если по каким-либо причинам приглашения от вдовствующей епархии не последует, епархиальный архиерей, указанный в п. 7, и по собственному почину принимает на себя о ней и её делах попечение.

9) В случае крайней дезорганизации церковной жизни, когда некоторые лица и приходы перестают признавать власть епархиального архиерея, последний, находясь в положении, указанном в п.п. 2 и 6, не слагает с себя своих иерархических полномочий, но организует из лиц, оставшихся ему верными, приходы и из приходов – благочиния и епархии, предоставляя, где нужно, совершать богослужения даже в частных домах и других приспособленных к тому помещениях и прервав церковное

общение с непослушными.

10) Все принятые на местах согласно настоящим указаниям мероприятия впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на утверждение последней».

8.2 Значение указа № 362 за границей

Сразу обратим внимание на дату выхода указа – 20 ноября 1920 г., то есть после того, как эвакуированные со своей паствой русские архиереи собрались на свое первое соборное заседание за границей.

Русские зарубежные иерархи рассматривали указ не просто как распоряжение, подтверждающее законность русского зарубежного церковного организма, но и как законодательный акт, создающий основу их церковного бытия.

Хотя этот акт не является постановлением Собора всех епископов (он был принят лишь членами Синода и Высшего Церковного Совета), но многие, вслед за Архиепископом Иннокентием Пекинским, стали называть его новым канонем Русской Церкви. С этим указом считались не только православные церкви, но и американский гражданский суд (в этом мы убедимся далее).

Впоследствии расколы, возникшие в зарубежье, привели к искаженному толкованию этого указа. Так, только незнание всего текста могло объяснить распространение мнения, согласно которому указ имел силу якобы лишь на территории России. Никаких государственных ограничений в нем нет. Вступительные слова «преподать епархиальным архиереям для руководства в потребных случаях...» имели общий характер. Действие указа распространялось на все епархии Русской Православной Церкви, в том числе и на Северо-Американскую и Японскую, созданные задолго до описываемых нами событий. Предположения о том, что Патриарх Тихон в этом указе мог не учесть существования заграничных епархий, абсолютно несостоятельны. Будучи ещё епископом, он семь лет правил на Алеутско-Аляскинской кафедре и считался тем пастырем, который душу свою положит за овцы своя. Он не мог просто "забыть" об их существовании. Более того, указ был издан не только Патриархом, но и Священным Синодом и Высшим Церковным Советом, ведающими всеми епархиями, в том числе и за пределами России.

Кроме того, указ распространялся и на огромные территории, оторванные от Русского государства вследствие подписания Лениным Брест-Литовского мира в 1919 году. Могли ли эти территории быть забытыми? Мог ли Патриарх самовольно отказаться от попечения над Польской, Литовской, Латвийской, Финляндской и прочими епархиями? Факты однозначно свидетельствуют, что нет: когда Константинопольский Патриарх стал распространять свое влияние на Финляндию и Польшу, со стороны Патриарха Тихона последовал энергичный протест. Он рассматривал действия Константинополя как незаконное вторжение в дела Русской Церкви.

Другое ложное толкование указа заключается в ограничении его действия на основании того, что Русская Церковь за пределами России якобы не могла составлять единого целого. Эту тенденцию представляли сторонники евлогианского и платоновского расколов, в попытке самооправдания ложно трактовавшие слова «входить в сношение с архиереями соседних епархий, находящихся в одинаковых условиях».

Пользуясь растяжимостью понятий «соседние» и «одинаковые условия», они оправдывали свое отделение, а не объединение. В их позиции есть много нелогичного. Так, если Американская епархия могла принадлежать Москве, то почему она не могла быть в единении с Балканами и Западной Европой? Все епархии, по окончании гражданской войны оказавшиеся вне советской территории, могли легко поддерживать общение друг с другом и находились во многих отношениях «в одинаковых условиях». Развитие техники, воздушного сообщения и телефонной связи между континентами еще более способствовало созданию таких «одинаковых условий». Архиереи Русской Православной Церкви Заграницей из Европы, Америки и Дальнего Востока ежегодно встречались.

Все епархии с самого начала имели право сказать: мы слишком далеки друг от друга и будем организовываться сами, без европейских преосвященных. Но ни одна епархия добровольно этим правом не воспользовалась. Были отторгнуты лишь епархии Польши и Прибалтики, но произошло это не по их воли, а по причинам политического характера: правительству Польши и прибалтийских стран препятствовали объединению единой Русской Православной Церкви Заграницей. Епархии же, добровольно вошедшие в объединение и канонически связавшие себя с заграничным церковным центром, уже не имели основания самовольно от него отказываться. Совместно организовав Церковное Управление, они канонически поставили себя в одинаковые условия и

должны были оказывать послушание созданному ими центру.

Таким образом, Русская Православная Церковь Заграницей, имевшая соборную структуру и получившая каноническое основание от всероссийской церковной власти благодаря указу № 362, явилась законным образованием, объединившим часть Русской Церкви, поневоле очутившейся в изгнании.

9. Признание Русской Православной Церкви Заграницей Патриархом Тихоном

30 июля 1921 года Высшее Русское Церковное Управление за границей подало Сербскому Патриарху Димитрию письменный доклад о своем положении. На тот момент указ Патриарха Тихона № 362 от 7 / 20 ноября 1920 г., дававший каноническое обоснование Русской Православной Церкви Заграницей, еще не был известен за пределами России. Поэтому в своем докладе Церковное Управление ссылалось на указ Всероссийского Синода № 424 от 26 марта / 8 апреля 1921 г., адресованный Архиепископу Серафиму Финляндскому.

Вот этот документ:

«По благословению Святейшего Патриарха Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии слушали: письмо Вашего Преосвященства от 5 марта сего года, по ходатайству настоятеля церкви при Российском Посольстве в Париже протоиерея Иакова Смирнова, о преподании указаний по поводу постановлений Высшего Церковного Управления за границей о назначении преосвященного Волинского Евлогия управляющим на правах епархиального архиерея всеми заграничными русскими церквами в Западной Европе.

Постановлено: ввиду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления за границей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом, под управлением Преосвященного Волинского Евлогия, имя которого и должно возноситься за богослужением в названных храмах взамен имени Преосвященного Митрополита Петроградского, о чем и уведомляю Ваше Преосвященство.

Член Синода Митрополит Евсевий. Делопроизводитель Нумеров».

Какова предыстория этого указа?

В заключительной стадии гражданской войны, в феврале 1920 г., Архиепископ Евлогий находился в Сербии. Он остался там после поездки в Европу по поручению Высшего Церковного Управления на Юге России. Оттуда, через Архиепископа Таврического Дмитрия, Архиепископ Евлогий попросил Высшее Церковное Управление о назначении его в Западно-Европейскую епархию. В ответ на эту просьбу 1 октября 1920 г. он был назначен временно управляющим заграничными церквами, расположенными в Западной Европе и до того момента относящимися к Петроградской епархии.

В это время сообщение между Высшим Церковным Управлением, находящимся в Крыму и вскоре отправившимся в вынужденное скитание, и другими церковными властями и духовенством было крайне затруднено. Вследствие этого указ до Архиепископа Евлогия не дошел, он о нем не знал и продолжал оставаться в Белой Церкви в Югославии. В конце декабря того же года в Югославию прибыл командированный из Константинополя секретарь Высшего Церковного Управления Е.И. Махароблидзе. Он должен был осведомить Патриарха Сербского Димитрия о положении русских иерархов и подготовить их возможный переезд в Югославию. От него Высшее Церковное Управление узнало о том, что указ о назначении Архиепископа Евлогия управляющим православными русскими церквами в Западной Европе не был получен. Указ был выслан повторно.

Переехав в Югославию, Владыка Антоний тотчас же предложил Архиепископу Евлогию отправиться в Берлин, занять там место настоятеля Берлинской церкви и отсюда организовывать управление церквами в Западной Европе. Эти церкви в большинстве случаев состояли при посольствах. Они не испытали на себе прямых последствий революции и продолжали числиться в каноническом ведении Петроградского Митрополита. Настоятели этих церквей недоумевали по поводу того, как им следует относиться к назначению Высшего Церковного Управления за границей. Чтобы разрешить сомнения, протоиерей Иаков Смирнов обратился к Патриарху Тихону с запросом по этому поводу. Ответом на него и стал вышеупомянутый указ № 424 от 26 марта / 8 апреля 1921 года.

В этом указе дается ответ всем тем, кто утверждает, что церковная организация русских архиереев, оказавшихся вне связи с высшей церковной властью в России, имела законное существование только в ее пределах, т.е. до тех пор,

пока она именовалась Высшим Церковным Управлением на Юге России. Это мнение полностью опровергается словами «ввиду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления за границей», которые выражают признание со стороны российской церковной иерархии как самого факта существования заграничного Церковного Управления, а значит, его каноничности, так и права этого органа руководить заграничными приходами Русской Церкви.

В истории Русской Православной Церкви Заграницей было несколько подобных моментов, когда Патриарх Тихон (а с ним Священный Синод и Высший Церковный Совет Русской Православной Церкви) высказывал признание Высшего Церковного Управления за границей и позже его преемника, Архиерейского Синода, и одобрял совершаемые ими действия. Таковым был и случай с Митрополитом Платоном.

Незадолго до начала Первой мировой войны Преосвященный Платон был Архиепископом в Северной Америке. После эвакуации из России он сразу стал стремиться к возвращению туда. Недолго пробыв настоятелем русской церкви в Афинах в Греции, 21 января / 3 февраля 1921 г. он, по собственной просьбе, был освобожден от этой должности и стал готовиться к отъезду в Америку. Получив от Высшего Церковного Управления поручение об упорядочении церковных дел в Америке, он отбыл туда в начале апреля 1921 г.

3 мая 1922 г. находившийся в Москве американец г-н Колтон передал Патриарху Тихону полученную из Америки просьбу о назначении Митрополита Платона правящим архиереем. Патриарх Тихон ответил, что дает рекомендацию, и что о ней должно сообщить «Собору беженцев епископов за границей, которые управляют заграничными делами Церкви». Протоиерей Феодор Пашковский (впоследствии Митрополит Феофил Северо-Американский), который переводил г-ну Колтону и Патриарху Тихону, вскоре выехал за границу. 1 июля 1922 г. он подал Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви Заграницей рапорт о рекомендации Патриарха. 23 августа / 5 сентября 1922 г. Архиерейский Синод назначил Митрополита Платона временно управляющим Северо-Американской епархией. Через год, 29 сентября 1923 г., Патриарх Тихон издал указ о назначении Митрополита Платона, ссылаясь на свое определение 1922 г.

Патриарх Тихон признавал канонические мероприятия, совершаемые как Высшим Церковным Управлением за границей, так и позже Архиерейским Синодом. Например, Высшее Церковное Управление за границей выделило в самостоятельную епархию Алеутское викариатство из Северо-Американской епархии вопреки воле правящего епископа. Харбинский и Манчжурский районы были выделены из состава Владивостокской епархии в особую самостоятельную епархию вопреки воле Владивостокского архиерея. Архиерейский Синод, утвержденный после закрытия Высшего Церковного Управления, создал самостоятельную Камчатскую епархию, выделив Камчатку и Охотский уезд из Владивостокской епархии также без согласия епархиального архиерея. Все эти акты Святейший Патриарх Тихон признал каноническими.

Когда в 1924 г. Архиерейский Синод вынужден был распустить Харбинский епархиальный совет и реорганизовать его, бывшие члены совета профессор Миролюбов и Гондатти подали на имя Святейшего Патриарха Тихона жалобу на действия Архиерейского Синода. Святейший Патриарх оставил жалобу без последствий, не признав распоряжения Синода незаконными, а самый Синод – незаконно и неканонично существующим. Вместо этого он телеграфировал профессору Миролюбову: «Харбин. Миролюбову. Указать нарушения соборные. Патриарх Тихон».

После реорганизации Высшего Церковного Управления в 1922 г. Святейший Патриарх Тихон был осведомлен об образовании Архиерейского Синода как по официальным донесениям и отчетам, так и по представлениям отдельных архиереев (в том числе Митрополита Евлогия). На рассмотрение Святейшему Патриарху подавались многочисленные предложения по реорганизации управления церквами и епархиями за границей. Представлялись проекты и о сохранении, и об упразднении Архиерейского Синода, и об учреждении митрополичьих округов, и о предоставлении каждому правящему архиерею всей полноты власти, независимой от других церковных органов и т.п. С 1923 г. некоторые архиереи входили к Патриарху с подобными представлениями по пять и более раз. Патриарх Тихон получал эти проекты и оставлял их без последствий, хотя в это же время передавал за границу различные распоряжения по церковным делам (например, Польской, Финляндской, Северо-Американской, Алеутской, Харбинской епархиям и др.). Кроме того, он даже писал письма некоторым иерархам, но везде умалчивал о вышеупомянутых проектах. Из Москвы же близкие Патриарху люди сообщали, что его возмущали эти представления, так как еще в ноябре 1920 года он издал ясные инструкции (указ № 362) об

организации высшей церковной власти на случай прекращения нормальной деятельности Патриаршей власти и состоящих при нем церковных органов или затруднения нормальных сношений с ними.

10. Признание Русской Зарубежной Церкви другими Церквами и отношение к ней гражданских властей

В ноябре 1920 г. Временное Высшее Церковное Управление на Юге России вместе со своей многочисленной паствой прибыло в пределы Константинопольской Поместной Церкви.

«Прочным каноническим основанием для существования Высшего Церковного Управления, имеющего попечение о церковной жизни русской эмиграции в пределах Поместных Православных Церквей, явилось 39-е правило VI-го Вселенского Собора, предусматривающее права Кипрского епископа Иоанна на церковное управление своим народом, покинувшего когда-то Кипр «купно со своим народом, по причине варварского нашествия и дабы освободиться от языческого рабства» и поселившегося в Гелласпонтской области, находившейся в каноническом ведении Константинопольской патриархии. То, что когда-то в древности случилось с Кипрским иерархом и нашло себе отражение в канонических правилах, теперь повторилось с русской иерархией, покинувшей свою страну с многочисленной частью своей паствы»[44].

В декабре 1920 г. председатель Высшего Церковного Управления Митрополит Антоний с Епископом Вениамином обратились к Местоблюстителю Константинопольского престола Митрополиту Дорофею с просьбой позволить Высшему Церковному Управлению управлять вверенной ему паствой на территории Константинопольской патриархии. Митрополит Дорофей на это ответил: «Под Вашим руководством Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического».

Вслед за этим 22 декабря 1920 года последовала грамота Вселенской патриархии № 9084, по которой «русским иерархам было предоставлено исполнять для русских православных беженцев все, что требуется Церковью и религией для утешения и ободрения православных русских беженцев». По этой Грамоте «под председательством Митрополита Антония предоставлялось образовать «Эпитропию»[45], которая с самого начала получила название Высшего Церковного Управления.

«Церковная деятельность русских иерархов протекала на глазах Константинопольской патриархии. Русские церковные власти держали Константинопольскую патриархию в курсе своих дел, и представитель Патриархии присутствовал на созванном Высшим Церковным Управлением за границей, с благословения Константинопольского патриархата, в мае месяце 1921 года, Церковном Собрании в Константинополе, на котором были разработаны положения о русских заграничных церквях. Таким образом Русское Высшее Церковное Управление за границей получило фактическое признание со стороны Вселенской патриархии»[46].

«Говоря о полномочиях Высшего Церковного Управления, Грамота Вселенского патриархата так же, как впоследствии постановление Собора Сербской Церкви, касается только тех действий русской заграничной церковной власти, которые относятся к попечению о русских беженцах, проживающих «в пределах православных стран», т.е. на территориях других Православных Церквей.

Обращение к Константинопольской патриархии вызывалось тем, что орган, управляющий заграничными церквами, оказался на её территории. Если бы Высшее Церковное Управление на Юге России было эвакуировано в страну, не входящую в область какой-либо автокефальной Церкви, оно не имело бы основания искать с её стороны утверждение»[47].

Архиепископ Анастасий, управляющий русскими церквами Константинопольского района, часто служил в местных греческих церквях и пользовался особым братским расположением греческого Митрополита Константина Галлиполийского и Медитского. В знак признания Высшее Церковное Управление вручило Митрополиту Константину благодарственную грамоту. В ней говорилось: «Довести о братском христианском отношении Кир-Константина до сведения святейшего Патриарха Всероссийского».

Такое братское отношение не изменилось и после реорганизации Высшего Церковного Управления вследствие указа № 384 от 22 апреля / 5 мая 1922 г. Эта реорганизация была внутренним делом Русской Православной Церкви Заграницей и ничуть не меняла принципиальной позиции русских архиереев.

В обращениях Константинопольских Патриархов Мелетия, Григория и Константина к Митрополиту Антонию выражалось не только признание его права руководить Русской Православной Церковью Заграницей, но и звания, коим он пользовался в

России. Грамота № 3244 от 4 февраля 1923 г., например, адресована так: «Грамота Святейшего Патриарха Вселенского на имя Председателя Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого».

Святейший Григорий IV, Патриарх Антиохийский, обращался к Митрополиту Антонию так: «Ваше Высокопреосвященство! Возлюбленный о Господе брат, глубокопочтимый Владыка Антоний, Митрополит Киевский и Галицкий, председательствующий Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей».

Подобные обращения использовали в своих посланиях и другие предстоятели автокефальных Церквей: Кирилл, Архиепископ Церкви Кипрской, святейший Дамиан, Патриарх Иерусалимский (грамота № 1242 от 5 сентября 1922 г.), Хризостом, Архиепископ Афинский и Экзарх Эладский (письмо от 28 июня / 11 июля 1923 г.).

В 1921 г. по приглашению Сербского Патриарха Димитрия Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей переехало в Югославию, в Сремские Карловцы. Там оно оставалось до эвакуации 1944 г.

18 / 31 августа 1921 г. Архиерейский Собор Сербской Церкви постановил:

«Во всем идти навстречу беженцам иерархам, изъявлять готовность принять под свое покровительство Временное Высшее Церковное Управление, к компетенции которого относится юрисдикция над русским священством в нашей державе и над военным священством в русской армии, которое не состоит на сербской службе».

Другой Собор этой Церкви 6 декабря 1927 г. принял следующее решение:

«По канонам Святой Православной Церкви, когда православная иерархия со своей паствой вследствие гонений перейдет в беженство на территорию другой Церкви, она имеет право на самостоятельную организацию и управление, вследствие этого таковое право необходимо признать и за русской церковной иерархией на территории Сербской Церкви, конечно, под защитой и надзором Сербской Церкви».

Патриарх Варнава, новый предстоятель Сербской Церкви, вместе с русскими иерархами участвовал в выработке «Временного положения о Русской Православной Церкви за границей» и с ними подписал его 2 / 15 ноября 1935 г. В нем сказано следующее:

«Русская Православная Церковь за границей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах. Высшим органом законодательства, суда и управления над Русской Православной Церковью за границей является Собор Архиереев, собираемый ежегодно, а его исполнительным органом – Священный Архиерейский Синод. Заграничная часть Русской Церкви состоит из четырех областей: Западно-Европейской, Ближневосточной, Северо-Американской и Дальневосточной, в каждой из которых образуется Митрополичий округ».

Канонические положения, содержащиеся в постановлениях Сербской Церкви, в той или иной мере признавались и другими Церквами, на территории которых образовались русские заграничные общины. Мы можем указать на пример Антиохийской Церкви, никогда не отрицавшей право Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей управлять Бейрутской общиной, находившейся на её территории. Александрийская Церковь также принимала у себя ряд русских общин, во главе которых в Северной Африке одно время даже стоял русский епископ. Александрийский Патриарх, отмечавший лояльное отношение русского иерарха к местной церковной власти, не возражал против его пребывания на территории своей Церкви [48].

Верховный иерарх Русской Православной Церкви Заграницей Митрополит Антоний пользовался неизменным благорасположением и уважительным отношением со стороны архиереев других православных церквей. В 1924 г. он совершил путешествие в Палестину. 9 / 22 июня он прибыл в Александрию и посетил Патриарха Александрийского Фотия, а 10 / 23 июня приехал в Святой град Иерусалим, где разместился в Российской Духовной Миссии. Патриарх Иерусалимский Дамиан, весьма дружелюбно относившийся к Владыке еще в России, в это время был болен. Тем не менее, он прислал к Владыке своего митрополита, от имени Патриарха поздравившего Митрополита Антония с прибытием в Святой град.

Во время Никейских торжеств в Лондоне в 1925 г. в русской церкви совершались архиерейские богослужения. В одно воскресенье служил Митрополит Евлогий, в другое – Митрополит Антоний. В день служения Владыки Антония в церковь прибыли Патриархи Фотий и Дамиан, которых встретили Митрополит Антоний в облачении, сошедший с кафедры, и Митрополит Евлогий в мантии. Митрополит Евлогий, как местный епархиальный архиерей, произнес приветственную речь. В ответном слове

Патриарх Фотий поблагодарил за внимание и отметил, что эмигранты и в бедности благолепно устраивают свои храмы. Он выказал уверенность, что русские не могут исчезнуть, и Бог возродит их, а также выразил особую радость оттого, что видит во главе русской эмиграции её духовного вождя – ревнителя православия и ученойшего иерарха Митрополита Антония.

30 октября 1925 г. Владыка Антоний, по приглашению Румынской Православной Церкви, прибыл в Бухарест для участия в церковном торжестве возведения Румынского Митрополита Мирона на Патриарший престол. 21 октября / 3 ноября, в канун праздника Казанской иконы Божией Матери, Владыка Антоний служил всенощное бдение в русской посольской церкви. Владыке сослужили члены делегации Православной Церкви в Польше во главе с Митрополитом Дионисием, также приглашенные на церковные торжества в Румынию. На богослужение прибыл и Румынский Патриарх Мирон с Архиепископом Гурием.

В то время Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей являлся единственным русским церковным учреждением, акты которого признавались по всему миру в различных инстанциях. Через это, к примеру, имели силу бракоразводные акты Парижского епархиального совета, учрежденного Архиерейским Синодом 24 мая / 6 июня 1923 г. за подписью двенадцати иерархов (в том числе Митрополита Евлогия).

В Америке на суде с Епископом Адамом Филипповским Митрополит Платон отстаивал свои права, основываясь на указе Архиерейского Синода, акты которого признавались судом. Аналогичное положение сложилось и в отношении судебного дела по поводу захвата живоцерковным лжемитрополитом Кедровским собора в Нью-Йорке. На Архиерейском Соборе 1926 г. Митрополит Платон просил выдать ему грамоту, подписанную всеми членами Собора и подтверждающую его права и полномочия на управление Православной Церковью в Америке. Этот документ был необходим ему для суда с бывшим священником Кедровским.

В Канаде, где власти не признали актов Митрополита Платона и его Епархиального совета, Епископу Арсению также понадобилось синодальное определение, указывающее, что он приехал в Канаду на основании указа Синода о его назначении туда.

Все Православные Церкви продолжали признавать Русскую Православную Церковь Заграницей и ее иерархов и тогда, когда лояльный советской власти Митрополит Сергей издал определение № 50 от 14 / 27 апреля 1934 г., предающее всех русских архиереев за границу суду и запрещающее самых выдающихся из них. Несмотря на переписку с Митрополитом Сергием Православные Церкви не придали этому решению никакого значения. Изменения произошли только после Второй мировой войны, когда Московская патриархия предприняла для этого особые усилия.

11. Указ 348 от 22 апреля / 5 мая 1922 г.

11.1 Условия появления указа и его значение

Указ № 348[49] появился на свет в условиях тяжелых гонений на верующих в России. В 1926 году он послужил поводом для раскола в Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви Заграницей. В связи с этим необходимо подробно изучить и сам указ, и условия его возникновения.

До 1922 г. исполнительным органом церковной власти за пределами России являлось Высшее Церковное Управление за границей, в состав которого, по образцу церковного управления, установленному Всероссийским Собором 1917-1918 гг., входили Архиерейский Синод и Высший Церковный Совет с участием архиереев, клириков и мирян. Членами Высшего Церковного Управления на Юге России, среди прочих, были: протоиерей С. Булгаков, Ал. Соловьев, граф П. Н. Апраксин, протоиерей Спасский. В первоначальный состав Высшего Церковного Управления в Константинополе входили архиереи: Митрополиты Антоний и Платон, Архиепископ Анастасий, Архиепископ Полтавский Феофан и Епископ Вениамин.

Деятельность Высшего Церковного Управления за границей не ограничивалась вопросами административного характера (установление связи со всеми заграничными иерархами, упорядочение дел Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, устройство церковной жизни в Европе и Америке). Она включала в себя церковно-нравственную и церковно-общественную опеку русских людей, благословляло и поддерживало добрые начинания, призывало хранить православную веру в чистоте, остерегало от увлечений теософией, антропософией, спиритизмом, магнетизмом и прочими оккультными учениями.

В России сразу же после революции против Церкви был развязан сильнейший террор. Большевики быстро поняли, что склонить Патриарха Тихона "говорить с

чужого голоса" им не удастся. В то же время, по выражению Ленина, нельзя было превращать Патриарха в нового Гермогена. От церковной власти стали требовать уступок, взамен обещая ослабить гонения или даже легализовать церковное управление.

К концу 1919 г. стало ясно, что Белой Армии не удастся одолеть большевиков. Красные войска, занимая районы, контролируемые до этого Белыми, особенно жестоко расправлялись с духовенством. Патриарх Тихон был вынужден попытаться оградить духовенство от этих расправ. 25 сентября / 8 октября 1919 г. он обратился к верующим с призывом о невмешательстве в политическую борьбу с советской властью, назвав эту борьбу « бесцельной»[50].

В то время положение в стране было критическим – голод, эпидемия холеры, разочарование народа грозили ей полной катастрофой. Советы добивались торговых соглашений и политического признания со стороны стран Европы. В январе 1920 г. начались торговые переговоры с Англией, которые велись достаточно успешно. В июне 1920 г. оказалась предрешена судьба белых армий: союзники приняли решение прекратить какую бы то ни было им поддержку. В то же время Франция опасалась возрождения Германии в союзе с большевиками и, вместе с Соединенными Штатами, противилась признанию советского государства.

В этих условиях, когда любой призыв об изоляции советского режима был чреват для него опасностью, прозвучал голос Русской Православной Церкви Заграницей. В ноябре 1921 г. Всезарубежный Церковный Собор обратился с посланием[51] к Международной конференции по экономическим и финансовым вопросам с просьбой не принимать Советский Союз в мировое сообщество. Неизвестно, было ли зачитано это послание на открывшейся 10 апреля 1922 г. в Генуе конференции, но приглашенная туда советская делегация отреагировала на него с сильнейшим негодованием.

С этого момента, несомненно, Советы решили усилить свою борьбу с оказавшейся опасной для них на международном уровне русской эмиграцией, духовно руководимой Зарубежной Церковью. Ключевым звеном этой борьбы стал указ № 348.

В конце апреля 1922 г., непосредственно после Генуэзской конференции, начался московский процесс по изъятию церковных ценностей, сфабрикованный Тучковым. 7 мая был вынесен приговор: 11 человек московского духовенства приговаривались к расстрелу, 29 человек – к различным срокам заключения. В ходе процесса был допрошен в качестве свидетеля Патриарх Тихон.

В это же время большевики категорически требовали от Патриарха полного осуждения заграничного духовенства. По некоторым сведениям, они обещали ему изменить меру пресечения приговоренным к смерти, если со стороны Патриарха последует официальное осуждение Карловацкого Собора, принявшего "Послание Мировой конференции".

В обстановке террора и домашнего ареста (полной изоляции) Патриарха, за несколько дней до смертных приговоров (и, отметим, всего лишь через несколько дней после разговора Патриарха Тихона с г-ном Колтоном и протоиереем Ф. Пашковским о деле Митрополита Платона), было составлено определение о зарубежных архиереях. 22 апреля / 5 мая 1922 г. Синод и Церковный Совет (неизвестно, в каком составе) издал указ № 348 за подписью лишь архиепископа Фаддея.

Указ гласил:

«По благословию Святейшего Патриарха, Священный Синод и Высший Церковный Совет в соединенном присутствии слушали: предложение Святейшего Патриарха от 28 марта – 10 апреля с. г. следующего содержания: “Прилагаю при сем номера «Нового Времени» от 3 и 4 декабря 1921 года и 1 марта 1922. В них напечатаны послание Карловацкого Собора и обращение к Мировой конференции. Акты эти носят характер политический и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября 1919 года. Посему:

1) Я признаю Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской Конференции не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви.

2) В виду того, что Заграничное Русское Церковное Управление увлекается в область политических выступлений, а, с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии Преосвященного Митрополита Евлогия, Высшее Церковное Управление упразднить.

3) Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц заграницей за их политические от имени Церкви выступления.

По обсуждении изложенного предложения Святейшего Патриарха, постановлено:

1) Признать “Послание Всезаграничного Церковного Собора чадам Русской

Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим" о восстановлении в России монархии с царем из Дома Романовых, напечатанное в "Новом Времени" от 3 декабря 1921 года за № 184, и "Послание Мировой конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора", напечатанное в том же "Новом Времени" от 1 марта за № 254, за подписью Вашего Преосвященства, актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви, и, ввиду их политического характера, не имеющими церковно-канонического значения.

2) Ввиду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных от имени Церкви политических выступлений и принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за Митрополитом Евлогием, и поручить ему представить соображения о порядке управления названными церквями.

3) Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления, озаботиться получением необходимых для сего материалов и самое суждение, ввиду принадлежности некоторых из указанных лиц к епископату, иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном, указанном в соборных правилах, числе его членов. О чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить Ваше Преосвященство.

Член Священного Синода Архиепископ Фаддей. Делопроизводитель Нумеров».

Ни одна нормальная канцелярия не могла бы в нормальных условиях издать до такой степени нескладный документ. Его анализ выявляет целый ряд аномалий, наводящих на мысль, что наличие их не случайно и служит средством передачи информации.

Во-первых, противоречит нормальной практике вынесение приговора лишь на основании двух номеров одной заграничной газеты (полученной не иначе, как от советской власти), а не на основании расследования, предусмотренного церковными правилами.

Во-вторых, не выдерживает критики мотивировка санкции, вынесенной в адрес Высшего Церковного Управления.

В-третьих, полностью противоречит основным церковным правилам (34-ое Св. Апостолов и пр.) замена узаконенного соборного управления единоличной архиерейской властью.

Обоснование этой замены явно не соответствует действительному положению вещей и вряд ли можно считать случайными следующие, не соответствующие реальности, заявления:

- «... заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии Преосвященного Митрополита Евлогия...» (такого поручения относительно всех заграничных приходов никогда не давалось);

- «... назначением тем же Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей...» (Высшее Церковное Управление за границей никогда не назначало Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей, а лишь временным управляющим приходами Русской Православной Церкви Заграницей в Западной Европе).

О реальных полномочиях Митрополита Евлогия высшая церковная власть в России высказалась в указе № 424 от 26 марта / 8 апреля 1921 г., постановившем: «...ввиду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления за границей считать православные русские церкви в Западной Европе находящимися временно... под управлением Преосвященного Волынского Евлогия...»[52]

Для придания исполнительной силы новому указу предыдущий указ № 424 от 26 марта / 8 апреля 1921 г. должен был быть упразднен и заменен новым указом. Но указ № 348 от 22 апреля / 5 мая 1922 г. не отменяет указа № 424, а, наоборот, на него ссылается. Это приводит к явному противоречию, которое лишает указ № 348 юридической силы[53]. Эта "ошибка", бесспорно, не являлась случайной и Священный Синод и Высший Церковный Совет не просто "забыли" о своем указе годичной давности. В данном случае, в условиях чрезвычайного давления, сознательно издавался юридически несостоятельный документ.

«Окончательно же уничтожали все юридическое значение этого «указа» заключительные слова его. Говоря об ответственности «некоторых» членов Карловацкого Собора, указ упоминает, что суждение об этом может иметь место «по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода при полном, указанном в

соборных правилах, числе его членов». Значит ясно, что, издавая свое постановление, иерархи в Москве считали себя ненормально и в незаконном составе действующими. Следовательно, они и не могли ожидать исполнения своего «указа», в каких-либо целях и поместили это, непонятное чекистам, выражение.

Для законного состава Священного Синода и Высшего Церковного Совета требуется присутствие, кроме председателя, не менее половины членов каждого учреждения (ст. 14, разд. III). В постановлении 22 апреля 1922 года умалчивается о составе соединенного присутствия, рассматривавшего данное дело. Если принять во внимание, что виднейшие иерархи в то время находились в заточении, а два члена Священного Синода – постоянный, Митрополит Киевский и Галицкий Антоний, и избранный Всероссийским Собором Архиепископ Анастасий – находились за границей, то ясный намек в «указе» на неправомерность издававших его учреждений делается вполне понятным.

Патриарх Тихон, словом, хотел сказать: "Вчитайтесь внимательно в «указ» и вы поймете, что такую нелепость я мог подписать только вынужденно. Последовавшие на следующий день после издания этого акта арест Патриарха и разгон Высших Церковных Управлений еще ярче подтверждают правильность высказанного выше»[54].

11.2 Реакция за границей на Указ № 348

Указ был направлен одновременно в Высшее Церковное Управление и Митрополиту Евлогию. По получении его Митрополит Евлогий написал Владыке Антонию письмо от 3 / 16 июля 1922 г.:

«Указ этот поразил меня своей неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он и был действительно написан и подписан Патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов советского государства он не имеет значения ни для кого и нигде».

Но всего лишь три недели спустя, 8 августа 1922 г., Митрополит Евлогий подал Собору Архиереев записку следующего содержания:

«Предлагаю теперь же закрыть означенное Управление и немедленно всем собравшимся заграничным русским епископам приступить к организации нового центрального органа Высшего Церковного Управления за границей или к восстановлению старого, действовавшего до Карловацкого Собора»[55].

А через несколько месяцев появилась в парижских кругах теория о «полноте высшей церковной власти», полученной якобы Митрополитом Евлогием от самого Святейшего Патриарха.

Вследствие всех этих тревожных событий 19 августа / 1 сентября 1922 г. в Сремских Карловцах состоялось заседание Высшего Церковного Управления в соединенном присутствии Архиерейского Синода и Церковного Совета, на котором было принято следующее решение:

«Обсудив создавшееся положение и приняв во внимание представленные Высшему Церковному Управлению данные и разные соображения, Высшее Церковное Управление, разделяя основные доводы, изложенные в докладе Секретаря названного управления Е.И. Махароблидзе, определяет:

Высшее Церковное Управление, выражая полную покорность и сыновнюю преданность Святейшему Патриарху Всероссийскому, принимает указ Священного Синода Всероссийской Православной Церкви об упразднении Высшего Церковного Управления к исполнению. Но, принимая во внимание:

1) неясности сего указа и несогласованность его с предыдущими указами, вызывающими различные толкования его и убеждающие в том, что Свят. Патриарх совершенно не представляет положения заграничной Церкви (в ведении Высшего Церковного Управления состоят 9 епархий при 12 правящих и викарных архиереях, а в указе говорится лишь о заграничных приходах), и потому требующие дополнительных разъяснений и указаний Свят. Патриарха;

2) невозможность оставления Русской Заграничной Церкви без Высшей Церковной Власти даже на самое короткое время и трудность организации новой церковной власти, указ же Высокопреосвященному Митрополиту Евлогию никаких новых полномочий не дает, а лишь сохраняет за ним (и то лишь временно) управление теми заграничными приходами, коими он управляет, т.е. в Западной Европе;

3) исключительную важность переживаемого момента, когда Высшая Церковная Власть в России совершенно дезорганизована, а Свят. Патриарх арестован, и угрожающую вследствие сего Русской Православной Церкви серьезную опасность;

4) то обстоятельство, что указ этот, несомненно, написан под давлением

большевиков и врагов Церкви, –

Высшее Церковное Управление признает необходимым привести указ об его упразднении в исполнение по установлению в России законного церковного управления и возвращении к управлению Церковью Свят. Патриарха, которому доложить о создавшемся положении, прося его разъяснений и указаний и ожидать его свободного волеизволения. До получения же сего продолжить действия Высшего Церковного Управления.

Но ввиду чрезвычайной важности вопроса Высшее Церковное Управление одновременно с ним признает необходимым озаботиться немедленным созывом нового Всезаграничного Церковного Собора для обсуждения создавшегося положения».

Это постановление было принято одиннадцатью голосами против двух – Митрополита Евлогия и Епископа Вениамина. Митрополит Евлогий заявил о необходимости немедленного упразднения Высшего Церковного Управления. Епископ Вениамин указал на необходимость «точного и немедленного исполнения» указа об упразднении Высшего Церковного Управления и «передачи полноты высшей церковной власти Владыке Митрополиту Евлогию», по якобы точному смыслу указа.

С целью умиротворения создавшегося положения на следующий день, 20 августа / 2 сентября 1922 г., Архиерейский Собор постановил упразднить существующее Высшее Русское Церковное Управление и для организации высшей церковной власти созвать Русский Всезаграничный Собор и учредить Временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей. Ему передавались все права и полномочия Высшего Церковного Управления за границей.

Часть иерархов доказывала невозможность считаться с явно подневольными актами, исходящими от московской церковной власти. В постановлении Высшего Церковного Управления за границей от 19 августа / 1 сентября 1922 г. официально признавался факт нарушения административной связи с разгромленной высшей церковной властью в России. В основу дальнейшей деятельности заграничной церковной власти клался указ 7 / 20 ноября 1920 года за № 362, предусмотренный Патриархом на этот случай[56].

В феврале 1923 года последовало определение временного Архиерейского Синода о том, чтобы прежде созыва Всезаграничного Церковного Собора созвать Собор Русских Архиереев, пригласив на оный всех русских епископов, пребывающих за границей. В случае если кто-либо не мог прибыть на Собор лично, его просили прислать свои соображения письменно.

18 / 31 мая 1923 года Архиерейский Собор был созван. Он решил отложить созыв Русского Всезаграничного Церковного Собора с участием клириков и мирян до более благоприятного времени.

Последующие события, рассматриваемые ниже, прольют свет на методы, которые советская разведка использовала в борьбе с Церковью за рубежом, после расформирования белых частей ставшей единственным оплотом многомиллионной русской эмиграции и вдохновительницей борьбы с безбожным коммунизмом.

Через четыре года после событий 1922 г. Митрополит Евлогий и Епископ Вениамин, расколов церковное единство за рубежом, подчинятся Митрополиту Сергию (Страгородскому), а еще спустя 3 года, когда Митрополит Евлогий уйдет из-под омофора последнего в Константинопольский патриархат, Митрополит Вениамин возглавит Московский экзархат в Западной Европе.

12. БОРЬБА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ЭМИГРАЦИЕЙ.

ЕВЛОГИАНСКИЙ РАСКОЛ

С самого начала большевики стремились к уничтожению Церкви, а для этого – к подмене Её антицерковью. В России эта антицерковь выносила приговоры «непокорным» церковникам, признавая их контрреволюционерами.

За пределами России большевики также стремились к контролю над церковными учреждениями и с их помощью – к ослаблению русского национального зарубежья. Они добивались этих целей, подчиняя себе отдельных церковных деятелей или целые организации.

Для обездоленного эмигранта церковь являлась местом обретения утраченной им Родины. Ему и в голову не могло прийти, что священник может его обманывать и епископ – лгать: это шло вразрез с его понятием о Церкви и Её служителях.

Но поступившие на службу большевикам служители должны были «обращивать»

эмигрантов, отвлекая массы доверчивых и несведущих людей от истинной Христовой Церкви. В качестве примера такой обработки мы приводим сделанную автором настоящего труда дословную запись беседы, проведенной 8 октября 1964 г. отцом Александром Туринцевым в помещении Экзархата Московского патриархата в Западной Европе. Докладчик говорил дружеским тоном и старательно делился со слушателями своим восторгом от встречи с родиной и ее духовенством:

«Люди, говорящие, что вот там сатанинская власть, ... сатанинская церковь – сами сатанисты...»

«Я с детства слышал, что государство и Церковь – это как муж и жена... Муж – мужик, грубый, властный, а жена – чистота (при этом докладчик как бы преобразуется)... Она говорит: "Ничего, все в порядке". Она надеется, что ее муж, грубиян, исправится, что она своим терпением и смирением сможет его изменить...»

«Протестанты лучше понимают тамошнюю церковь... они лучше понимают, что, хотя и храмов наполовину меньше, но ... качество...»

«После входа Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей вошли и все остальные Православные Церкви... (Константинопольский патриархат участвовал прежде всех других Православных Церквей в Мировом Совете Церквей и был среди них безусловным лидером экуменического движения – прот. В. Ж.)».

«Патриарх был приглашен на свадьбу греческого короля... Патриарх вылетел на «авионе», предоставленном советским правительством... (это взяло на себя правительство, и большие расходы, с этим связанные), но церковь не хотела, чтобы этому была дана большая огласка, ... чтобы это не было очень официально и как бы демонстративно, ... поэтому, если тут есть журналисты, не пишите об этом...»

«В делегации были: Патриарх Алексий, Митрополит Никодим, Епископ Питирим... Епископ Питирим – он такой, вы его знаете, обаятельный, он так прост, да все они простые... но в то же время с ним не пофамильярничайешь... можно сказать – от них как бы веет величием в простоте... Был архимандрит Х, игумен У, врач... и все сердится – да зачем эта поездка... и все беспокоится о Патриархе... он такой молодой, т.е. это для нас он молодой, а ему, наверное, сорок лет, да он, наверное, уже опытный врач, а для нас он такой молодой... да, все у них молодые, там все молодые...»

«Церковь «ор фронтьер» (Зарубежная Церковь – прот. В. Ж.) не признана другими Церквями... некоторые имеют с ними общение, но трудно сказать, что это за Церковь, где ее территория...»

«Колоссальное здание Всемирного Совета Церквей... Патриарх помолился... можно сказать освятил здание...»

«В Вестминстере Патриарх ответил Архиепископу Кентерберийскому: "Мы уже сблизились, вместе молимся во Христе"...»

«Благочестивые наши дамы шли под благословение к Патриарху и говорили: ведь мы же московские...»

«Патриарх любит вспомнить старину...»

Читатель разберется и без комментариев!

Для достижения контроля над Зарубежной Церковью большевики активно применяли тактику расколов, искусно используя существующие в среде русской эмиграции идеологические разногласия. В результате массы русских людей отворачивались от русского пути, от истинного Православия.

В течение своей истории Русская Православная Церковь Заграницей пережила несколько расколов, в каждом из которых определяющую роль играла советская разведка, действующая в лад с сергианской церковью. В Западной Европе произошел евлогийанский раскол, вылившийся в идеологическую борьбу, продолжающуюся по сей день. В результате этого раскола Советам удалось не только разделить русскую эмиграцию на враждующие партии, но и обеспечить лояльность советской власти со стороны большей части западноевропейского духовенства[57].

Центральной фигурой раскола в Западной Европе стал Митрополит Евлогий, всегда афишировавший крайнюю аполитичность в отношении к Советскому Союзу, тогда как Митрополит Антоний, глава Русской Православной Церкви Заграницей, придерживался совсем иных взглядов в этом вопросе. Он не допускал возможности того, чтобы русские люди в годы страшной революции «временно умирали в политико-национальном отношении» и считал, что высшие пастыри Церкви должны вдохновлять русских людей на борьбу за возвращение России на ее исторический путь[58].

«С 1921 по 1926 год протекала мирная и творческая деятельность Русской Зарубежной Церкви, приобретающей все большее влияние среди русской паствы и в иностранных кругах. С главой Русской Зарубежной Церкви Митрополитом Антонием

сносились и к его голосу прислушивались главы автокефальных Православных Церквей, иностранные правительства, к которым Владыка Антоний обращался в защиту гонимой Церкви в России и русского народа, плененного большевиками. Владыке Антонию с Божьей помощью удалось организовать защиту Патриарха Тихона от суда над ним безбожной власти и разоблачить «Живую Церковь», захватившую церковное управление в России в свои руки. Голос Владыки Антония проникал в советскую Россию и достигал русского народа. Устройством Архиерейского Синода, после указа 1922 года о закрытии Высшего Церковного Управления за границей, спасло Зарубежную Церковь от дезорганизации и казалось, что в дальнейшем она должна лишь укрепляться и расширяться. Однако у Русской Зарубежной Церкви оказалось много врагов, которые приложили все силы для того, чтобы ввергнуть ее в смуту, которая могла бы разрушить Русскую Церковь или, во всяком случае, значительно ее ослабить»[59].

Прекрасно осознавая, что никак не смогут повлиять на самого Митрополита Антония, большевики попытались предпринять все возможное, чтобы поколебать его церковную власть.

За границей они действовали через сочувствующих им лиц. В Париже в то время находились почти все либеральные политические деятели дореволюционной России. В 1922 году Советский Союз «выплюнул» за границу когорту религиозных мыслителей реформистского толка, которые затем составили профессию Богословского института св. Сергия в Париже. Они идейно оформляли и питали раскол, внушая мысль о необходимости для христианина отбросить всякую политику. "Душа человеческая стоит больше, чем все царства мира", - писал Бердяев. Он утверждал, что борьба с коммунистами, которые "могут покаяться и обратиться ко Христу", есть дело богопротивное и антихристианское. Бердяеву вторил не менее "православный" Франк, который, обрушиваясь на "идол политики" и признавая "богопротивность" большевиков, вместе с тем настаивал, что и "ненависть к большевикам", равно как политика, направленная к их свержению, столь же богопротивны, как и самый "кумир революций".

Начало расколу было положено в июне 1926 года на Архиерейском Соборе. Митрополит Евлогий потребовал поставить первым вопросом повестки дня вопрос об управлении Русской Православной Церкви Заграницей. Не получив согласия от остальных архиереев, он покинул Собор. Вслед за этим Собор постановил выделить Германию в самостоятельную епархию, возглавляемую епископом Тихоном Берлинским, подчинив ее непосредственно Архиерейскому Синоду. Собор также постановил предложить Митрополиту Евлогию и его викариям подать заявление о признании за Собором и Синодом не только морального авторитета, но и канонической власти. В случае неисполнения этого требования Архиерейскому Синоду предоставлялись особые полномочия «вплоть до назначения нового управляющего православными церквами в Западной Европе».

На это Митрополит Евлогий отреагировал смещением и запрещением в священнослужении Епископа Тихона[60].

Архиепископ Серафим, позднее назначенный Архиерейским Синодом управляющим Западно-Европейской епархией, так охарактеризовал этот акт:

«Борьба Митрополита Евлогия против Синода из-за семи германских приходов, отнятых у него своими же собратьями ради пользы церковной жизни в Германии и переданных православному русскому епископу, не идейная борьба, а личная, борьба за свою власть и свое влияние. В ней нет ничего идейного. Ссылаться в этой странной борьбе на «заветы» Патриарха Тихона и неуместно, и нечестно. Указ высшей церковной власти не есть завет, и называть этот указ заветом, значит извращать понятие заветов и указов. Непонятно, почему этот указ есть «завет» Патриарха? Ведь назначения архиереев не совершаются одним только Патриархом. Они совершаются Синодом во главе с Патриархом, а Патриарх в Синоде имеет только один голос. Значит, сознательно говорят неправду те, которые говорят, что Митрополит Евлогий назначен Патриархом и его назначение есть какой-то особый завет. И особенно странно, что такие заведомо ложные понятия внедряет в сознание верующих сам Митрополит Евлогий, хорошо знающий, как в нашей Церкви совершаются назначения»[61].

На Архиерейском Соборе 13 / 26 января 1927 г. последовало запрещение Митрополита Евлогия.

В этой экклезиологической баталии на сторону Митрополита Евлогия стали влиятельные круги русской общественности, которые были столь далеки от Церкви в России. Они использовали авторитет Патриарха Тихона, представляя его административные распоряжения как некое догматическое исповедание, не подлежащее

никакому изменению. Не отрезвевшие от революционных идей, они поняли, что представился удобный случай нанести сокрушительный удар по главному идеологу национальной и патриотической России – Владыке Антонию. Они нанесли этот удар, лицемерно призвав русскую эмиграцию следовать за исповедником Патриархом Тихоном, якобы представленным за границей Митрополитом Евлогием, и противопоставив ему Митрополита Антония, якобы нарушителя Патриарших заветов.

В эти драматические моменты церковной жизни нашлись, однако, пастыри, которые не только открыто стали на сторону Архиерейского Синода, но и разъясняли прихожанам свою позицию по этому вопросу.

Свое мнение четко выразили:

- настоятель русской православной церкви в Буэнос-Айресе протопресвитер К. Изразцов (12 / 25 января 1927 года);

- настоятель церкви св. Архистратига Михаила в Каннах протоиерей Григорий Остроумов, настоятель церкви в Ментоне протоиерей Николай Аквилонов и священник церкви в Ницце протоиерей Николай Подосенов. 28 января / 10 февраля 1927 г. они подали заявление на имя Митрополита Евлогия и назначенного Архиерейским Синодом управляющим Западно-Европейской епархией Архиепископа Серафима (Лукьянова).

Другие приходы поддержали Архиерейский Синод без особых заявлений. А из некоторых приходов, перешедших к Митрополиту Евлогию, выделились группы прихожан, которые под именем «соборян» образовали так называемые параллельные приходы в тех самых местах, где располагались основные приходы. Эти вновь образовавшиеся приходы последователи Евлогия презрительно называли «карловчанами».

На этом Митрополиту Евлогию не пришлось успокоиться. Вскоре он получил от Митрополита Сергия указ № 93 от 1 / 14 июля 1927 г. и «...опять, – как он пишет в своих воспоминаниях, – всколыхнулись и забушевали в моей пастве успокоившиеся было политические страсти».

«Указ обвинял эмигрантское духовенство за открытые выступления против советской власти и предлагал мне (Митрополиту Евлогию – прим. прот. В. Ж.), как управляющему русскими церквями в Западной Европе и через меня всем заграничным русским архиереям и священнослужителям, – дать письменное обязательство (за собственной подписью) «лояльности» по отношению к советскому правительству и предписывал немедленно, не дожидаясь этих подписей, доложить заместителю патриаршего местоблюстителя, согласен ли я исполнить это обязательство»[62].

Так Митрополит Сергей преподавал свои наставления Митрополиту Евлогию относительно подведомственного ему духовенства:

а) тех из них, кто с принятием настоящего предписания даст вместе и обязательство о лояльности советской власти, признать остающимися в каноническом подчинении Московской патриархии;

б) тех, кто, хотя и подчинится постановлению об упразднении Карловацкого Собора и Синода, но обязательства не даст, признать исключенными из ведения Патриархии, с предоставлением Преосвященному Митрополиту Евлогию освободить их от должностей, остающихся в этом ведении; и, наконец,

в) кто откажется подчиниться настоящему постановлению или оставит его в указанный срок без ответа, независимо от того, дано или не дано вышеназванное обязательство, предать соборному суду, как ослушников законного священноначалия и учинителей раскола, с запрещением (смотря по вине и упорству) в священнослужении впредь до суда и раскаяния».

Митрополит Евлогий и большинство подведомственного ему духовенства подчинились сергиевскому указу, заявили о признании ими Московской патриархии как законной церковной власти и дали подписку о лояльности советской власти. Под ней подписались: Митрополит Евлогий, Архиепископ бывший Белостокский Владимир, Епископ бывший Бельский Сергей, Епископ бывший Севастопольский Вениамин и прочие священнослужители.

Относительно подписки о лояльности советской власти от приходского духовенства Митрополит Евлогий пишет в своих воспоминаниях:

«... в моей епархии духовенство подписки дало, за исключением нескольких настоятелей приходов: прот. Орлова (Женева), о. Молчанова (Медон), прот. Тимофеева (Лондон)»[63].

Остались в ведении Митрополита Евлогия около шестидесяти священнослужителей. К Архиепископу Серафиму (Лукьянову) примкнула меньшая часть духовенства, и его епархия в 1929 г. состояла из двадцати четырех священнослужителей.

Вот как сам Митрополит Евлогий характеризует причины раскола в своих воспоминаниях «Путь моей жизни»:

«Связь с Матерью Русской Церковью была мне очень дорога. Непримируемой позиции “карловчан”, которые после грозного Патриаршего указа (от 22.04 – 5.05.1922 г., № 349) скрипя сердце признавали Московскую патриархию, я не разделял. Мне хотелось, не подчиняясь советской власти и оставаясь самостоятельным, найти какую-либо линию поведения, дабы с Москвою не рвать. С целью выяснений в своей пастве, я устроил совещание, в котором приняли участие о. Сергей Булгаков, А. В. Карташев, кн. Г. Н. Трубецкой, М. Н. Гирс, И. П. Демидов и другие. Мнения разделились. М. Н. Гирс высказался весьма резко против соглашения с митрополитом Сергием; о. Булгаков, Карташев, Демидов... стояли за соглашение. Эти два противоположных мнения отражали настроение моей паствы. Объединенная вокруг меня и мне преданная, она была указом митрополита Сергия озадачена, встревожена и смущена».

Из этого отрывка автобиографии Митрополита Евлогия становятся ясны основные черты его характера: отсутствие четкого понятия христианской истины и своего архипастырского апостольского долга, непонимание «тайны беззакония» настоящего времени, нечеткость мысли, сентиментальность и душевная расслабленность. В сравнении с выступлениями большинства архипастырей в условиях страшных гонений в России, Митрополит Евлогий выглядит отвлеченным романтиком, подражателем Митрополита Сергия.

Его поведение, как и его высказывания, в критические моменты истории Русской Православной Церкви Заграницей были непозволительно противоречивы и непоследовательны. В свидетельство об этом приведем несколько заявлений принципиального характера, сделанных Митрополитом Евлогием на одну и ту же тему. Из послания к пастве Митроп. Евлогия

26 июня 1924 года (№ 903):

«Правила церковные указывают особенно внимательное и братолюбивое отношение к тем епископам, которые лишились своих кафедр не по своей вине, с предоставлением им “участия в чести и служении Епископством” (18 Правило Антиохийского Собора), дабы они могли и рукоположения в разные степени клира по правилам совершать, и преимущественно председательствовать соответственно своему пределу пользоваться; и всякое их начальственное действие да будет признаваемо законным и твердым, говорится в 37 Правиле Трульского Собора».

Из послания к пастве Митроп. Евлогия

6/19 августа 1926 года:

«Наши же Соборы за рубежом, и особенно Синод, в большинстве состоят из епископов только титулярных, уже освобожденных от своих мест в России и уже замещенных там другими, законно правящими епископами. Только Митрополит Платон и я имеем свои назначения и административные полномочия от Патриарха. Ссылка на “Окружное послание” Митрополита Антония на 37-ое Правило VI Вселенского Собора здесь неуместна».

Из письма Митроп. Евлогия Митроп. Антонию по получении Указа 1922 года:

«Указ этот (1922 года) поразил меня своею неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан был под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он и был действительно написан и подписан патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов советского государства он не имеет значения ни для кого и нигде».

Из послания к пастве Митроп. Евлогия

6/19 августа 1926 года:

«Попытка выбросить из исторического обращения ясный и не допускающий никаких кривотолков московский Указ 1922 года только потому, что он кому-то неприятен, является произвольной и незаконной».

Из послания к пастве Митроп. Евлогия 6/19 августа 1926 года (в конце):

Мне вверено Святейшим Патриархом управление западноевропейскими Церквями».

Из послания к пастве Митроп. Евлогия

6/19 августа 1926 года (в начале):

«Этим Указом (1922 года), собственно говоря, мне передавалась вся власть над русскими православными церквями за границей».

Из представления Митроп. Евлогия 18/31 мая 1923 г. в Архиерейский Синод:

«Устройство Центрального органа должно основываться на указаниях Патриаршего указа № 362 от 20-го ноября 1920 года и на Указе заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Агафангела № 214 от 18-го июня 1922 года».

«Все заграничные Епархии приемлют свое объединение и имеют высшую инстанцию в ежегодном Соборе Епископов, в чем и проявится во всей чистоте наш исконный восточно-православный принцип соборности, ибо Преосвященным Архипастырям известно, что по правилам Вселенских Соборов решающее значение в Святой Церкви и на Соборах имеют голоса одних только епископов».

«На Соборе Архиереев будет председательствовать старейший по сану из Архипастырей, который и в России имел особые перед другими Владыками права – Высокопреосвященнейший Митрополит Киевский Антоний, что будет согласно с пунктом 3 Патриаршего указа № 362 1920 года».

Из послания к пастве Митроп. Евлогия

6/19 августа 1926 года:

«Наконец, Собором 1926 года усвоется совершенно неверная точка зрения, ставящая его в противоречие с предыдущими Соборами 1922, 1923 и 1924 годов, которые при обсуждении организационных вопросов церковного управления всегда исходили из Указа 22-го апреля (5-го мая) 1922 года, как основоположительного, давшего им бытие. Теперь же намеренно замалчивается и выдвигается новоизмышленная несостоятельная теория, будто бы заграничный Собор и Синод созданы по инициативе старейшего Митрополита Антония, на основании Патриаршего Указа от 20-го ноября 1920 года № 362 и не нуждаются в утверждении свыше. Искусственность этой теории видна уже из того, что она доселе была неизвестна, а теперь выдвигается впервые».

Это сопоставление говорит само за себя. Оно дает возможность убедиться в том, что в заявлениях, помещенных на левой стороне, Митрополит Евлогий сам опровергает все то, что им же утверждается на правой стороне. Более того, в этих высказываниях встречаются не просто неточности, но иногда и неприкрытая ложь.

Пока Митрополиту Евлогию необходимо и выгодно было пользоваться высшей канонической властью Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей, он эту власть признавал, соучаствовал и подчинялся ей. Когда же все время им признававшаяся церковная власть поступила несогласно с его желанием, Митрополит Евлогий вышел из повиновения и объявил эту власть недействительной и антиканоничной. Причиной такого поведения, нестойкого и непоследовательного, могло быть только внешнее воздействие на него сил, изначально стремившихся подчинить своему влиянию Русскую Церковь.

Может ли подобный образ действий соответствовать священным канонам и заветам Святейшего Патриарха Тихона, решать самим православным.

Историк М. Назаров в своей книге «Миссия русской эмиграции» [64] исследует истоки евлогианского раскола и причины его возникновения. Приведем в заключение несколько выдержек из нее:

«Более важной причиной раскола были богословские разногласия между

консервативной Зарубежной Церковью и либеральными “парижанами”. В послании Архиерейского Синода от 18 / 31 марта 1927 г. [65] можно видеть истинную причину переживаемой церковной смуты.

Правая эмиграция объяснила описанный церковный раскол влиянием “темных сил” масонства. Утверждалось, например, что созданное “парижскими” философами “Братство Св. Софии” было масонским. Монархический журнал “Двуглавый Орел” даже писал, ссылаясь на “католических разведчиков”, что масоном стал сам митрополит Евлогий – еще “задолго до революции – едва ли не в бытность его членом 3-ей Государственной Думы”.

Именно уклон в религиозный либерализм митрополита Евлогия и многих парижских мыслителей создавал определенную почву для политического (и очень редко – мировоззренческого) совпадения их интересов с масонско-либеральным флангом в борьбе против консервативной части эмиграции, не принимавшей этого либерализма. И, прежде всего, – в борьбе против Архиерейского Синода, требовавшего духовного контроля над парижским Богословским институтом. Для “парижан” это был союз с масонско-либеральными силами не в защиту принципов масонства, а в защиту свободы творчества, которая, разумеется, и масонству была более приемлема, чем консерватизм Синода. Даже если Бердяеву приходилось защищать масонство – то, похоже, лишь из потребности косвенного оправдания такого союза и связанных с ним щедрых субсидий, без которых, “преимущественно из англосаксонского мира и Америки, в особенности, мы не могли бы существовать”, – признавал А. В. Карташев.

Вероятно, уже отбор религиозных деятелей в Париж в какой-то мере происходил под влиянием этих факторов и этой атмосферы. Так, митрополит Евлогий пишет, что его переезд из Берлина в Париж в 1923 г. произошел по договоренности “с нашим посольством” (в гл. 6 книги описано, что послы Временного правительства, в подавляющем большинстве масоны, первое время пользовались признанием в странах Антанты; затем они стали «администрацией» по управлению русской эмиграцией под покровительством созданной масонами Лиги Наций). Митрополит Евлогий сообщает: “В. А. Маклакова я знал раньше, а с М. Н. Гирсом познакомился только теперь. Он мне понравился. В его лице я приобрел дружескую поддержку. По ходатайству представителей эмигрантской общественности, проф. М. В. Бернадского, И. П. Демидова и д-ра И. И. Манухина, М. Н. Гирс ассигновал мне 2000 франков ежемесячной субсидии на содержание епархиального управления – образовался необходимый основной фонд. В лице М. Н. Гирса я встретил энергичного противника соглашения с Карловацким Синодом, он меня уговаривал вести свою линию, не соглашаясь ни на какие уступки”. Все лица, перечисленные здесь митрополитом, кроме М. Н. Гирса (бывшего посла в Константинополе и Риме), включены в масонский список Н. Берберовой, получившей доступ к масонским архивам...

Когда в 1926 г. митрополит Евлогий и митрополит Платон (приехавший на заседание Карловацкого Собора тоже через Париж) решились на раскол, именно парижские “посольские” круги оказали давление на своих представителей в разных странах, требуя поддержки отколовшимся иерархам... Характерно, что и масонская печать (включая “Возрождение”) поддержала митрополитов Евлогия и Платона в разрыве с Синодом, на их сторону стало и Российское Центральное Объединение.

Позже именно парижская “паства”, как выразился митрополит Евлогий, не приняла происшедшего в 1935 г. примирения с Зарубежной Церковью, заставив отречься от уже подписанных в Белграде решений. О степени влияния этой “паствы” на митрополита Евлогия можно судить по тому, что она позволила себе послать своему архиерею в Берлин телеграмму с предписанием воздержаться от примирительной поездки в Белград, а когда он все-таки поехал – телеграфировать туда: “Прошу не принимать никаких решительных шагов к примирению. Гр. Коковцев”... Очевидец свидетельствует, что, когда белградская молодежь стала умолять митрополита Евлогия о прекращении раскола, он ответил: “Вы не понимаете, в какое время мы живем: не мы рулем управляем, а те, кто сильнее нас...”

Последующее подчинение “парижан” Вселенскому (Константинопольскому) Патриарху добавляет еще один штрих в эту картину. Как сообщает масонский словарь тех лет, “многие греческие православные... Патриархи принадлежали и принадлежат к масонству, ... в том числе Патриарх Александрийский Мелетий, бывший до того Вселенским Патриархом” – то есть именно те круги, к которым митрополит Евлогий обратился за поддержкой в конфликте с Зарубежной Церковью и получил ее.

Напомним здесь идеологический фон эпохи: именно с этими Патриархами прервались в 1920-е годы отношения зарубежного Синода – из-за их церковного модернизма: введения второбрачия духовенства, нового стиля, изменений

богослужения и т. п... Тогда же Константинопольский Патриарх пытался добиться удаления на покой российского Патриарха Тихона, запрещал его поминать – то есть фактически присоединился к его гонителям... И то обстоятельство, что митрополит Евлогий счел возможным войти именно в Константинопольскую юрисдикцию и воспользоваться поддержкой именно Патриарха Мелетия – вызвало особое возмущение правой эмиграции...

Есть и прямое доказательство того, что митрополит Евлогий знал, с кем имел дело: в то время как "Карловацкая группа громила масонство с амвона, духовенство..., возглавляемое всеобъемлющим митрополитом Евлогием, относилось к нему терпимо, допуская нас к исповеди и причастию", - вспоминал масон К.В. Гвозданович.

Таким образом, у Собора Архиереев Зарубежной Церкви было достаточно оснований, чтобы утверждать в окружном послании (от 15/28 августа 1932 г.):

«...наш тяжкий церковный раскол имеет своим первоисточником все то же растлевающее масонство с его различными организациями и деятелями, проникшими в церковно-приходские учреждения для расстройств и разложения церковной жизни. Надев на себя тогу ревнителей православия и христианского просвещения, они с такой хитростью и лицемерием, через посредство денег и печати, оболещают доверчивых и несведущих людей, заражают их ядом модернизма и отвлекают от истинной Христовой Церкви. Русская эмиграция сильно отравлена масонством».

13. От сергианской церкви до Московской патриархии

После декларации 1927 г. «церковная» жизнь при Советах стала проходить под руководством властей.

Митрополит Сергей, при жизни законного Местоблюстителя Митрополита Петра, присвоил себе звание Местоблюстителя Патриаршего Престола и совершил тем самым грех самозванства в Церкви.

В 1943 г., в условиях военного кризиса, пытаясь приподнять дух народа и продемонстрировать гуманность перед союзниками, бывший семинарист Иосиф Джугашвили решил разыграть «религиозную карту». Стали открывать церкви, в них призывали жертвовать на спасение отечества. Благодаря этим пожертвованиям церковь вскоре помогла вооружить одну дивизию.

5 сентября 1943 г., на приеме у Сталина, Митрополиты Сергей (Страгородский), Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич) получили задание подготовить всё для восстановления патриаршества. Для этого были собраны из концлагерей оставшиеся в живых и лояльные советской власти епископы, а также срочно произведены хиротонии бывших, но «покаявшихся» обновленцев. Таким способом набрали девятнадцать человек и объявили их Православным Собором, «выбравшим» Митрополита Сергия «Патриархом Московским и всея Руси». Так была совершена имитация Православного Собора, а фактически – надругательство над Патриаршеством и «всея Русью».

После смерти Патриарха Сергия в феврале 1945 года был организован «Поместный Собор РПЦ». Военные самолеты доставили в Москву представителей Восточных Православных Церквей. Иностранных гостей задобрили щедрыми подарками. «Патриархом Московским и всея Руси» на «соборе» 1945 года «избрали» Митрополита Алексея (Симанского), ближайшего сподвижника Митрополита Сергия, дискредитировавшего себя раболепным служением коммунистической власти в 1920-30-х годах.

Преображённая Сталиным сергианская церковь стала усердно участвовать в жизни антихристианского государства. В 1947 году, по случаю празднования 800-летия Москвы, Патриарх Алексей I заявил, что возглавляемая им религиозная организация возносит «усердную всецерковную, всероссийскую молитву о державе, победе, мире, здравии и спасении... всех доблестных руководителей нашей страны во главе с нашим Великим мудрым Вождем, твердо ведущим нашу Родину по издревле священному пути мощи, величия и славы»[66].

Кремль активно использовал церковные структуры в своих интересах. Для укрепления влияния в странах Ближнего Востока, задействовались "церковные каналы" – связи патриархии с Восточными Церквями. Цели этих акций ясно излагались в докладной записке уполномоченного по делам религии Карпова Сталину: «В целях парализации попытки создания блока православных церквей Ближнего Востока и ограничения сферы действий Греческой церкви, целесообразно провести юридическое оказание денежной помощи православным церквам: Антиохийской, Александрийской и Иерусалимской со стороны Русской церкви»[67].

На Западе представители Московской патриархии получили задание завоевать доверие представителей инославных Церквей и также привлечь на свою сторону

русскую эмиграцию.

В двенадцатой главе «Борьба советской власти с эмиграцией. Евлогийский раскол» уже приводилась дословная запись беседы настоятеля храма МП в Париже о. Александра Туринцева от 8 ноября 1964 г., дающая ясное представление о том, как происходила обработка умов русских эмигрантов с помощью духовенства Московской патриархии.

Политическое сотрудничество советской иерархии с разведывательными органами приобрело особое значение после вступления патриархии во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), Христианскую мирную конференцию (ХМК) и другие международные экуменические организации.

Об услугах, оказываемых сергианской церковью советской власти, можно судить по следующему факту. В октябре 1969 года делегация Московской патриархии на заседании Христианской мирной конференции получила особое задание: «скомпрометировать на посту Генерального секретаря ХМК Ондру (гражданина ЧССР, во время событий 1968 года в этой стране выступившего с антисоветскими заявлениями) и добиться ухода его с этого поста» [68]. Задание было успешно выполнено.

Другой факт: в июле 1983 года «в Ванкувер (Канада) на VI Генеральную ассамблею в составе религиозной делегации СССР (включавшей 120 человек), направлено 47 агентов органов КГБ из числа религиозных авторитетов, священнослужителей и технического персонала» [69].

Агент КГБ по кличке «Арамис», работавший в Отделе внешних церковных сношений Московской патриархии переводчиком и впоследствии покаявшийся, рассказал на страницах еженедельника «Аргументы и факты», что почти все сотрудники отдела «работали либо на Московское УКГБ, либо на союзный КГБ» [70].

Для контроля над церковью органы КГБ не только внедряли на епископские должности своих прямых агентов или тех, у кого удавалось заглушить совесть, но и людей, известных своим аморальным поведением. От таких потом легче было добиться безоговорочного послушания. Так, на ряд руководящих церковных постов были поставлены гомосексуалисты, в свою очередь назначавшие в качестве подчиненных себе подобных. Разумеется, эти архипастыри не только не могли служить нравственным образцом для верующих, но, напротив, отвращали людей от Церкви [71].

Удушение Церкви производилось руками самих же иерархов, таких, как Патриарх Алексий и Митрополит Николай (Ярушевич). В 1959 году они докладывали уполномоченному по делам религии Карпову: «Мы надеемся, что разработанный Вами план постепенного сокращения намеченного ряда монастырей будет одобрен и принят Правительством нашим, неоднократно являвшим благожелательное отношение к Православной Церкви, и что таким образом безболезненно пройдет предположенное сокращение наших обителей в указанных областях нашего Союза» [72].

Заместитель председателя Совета по делам религии ЦК КПСС В. Фуров в своём отчете за 1978 г. указал, что есть угодные «партии и Правительству... архиереи, которые... реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения. К ним можно отнести: патриарха Пимена, митрополитов – Таллиннского Алексия (Алексия II, нынешнего здравствующего Патриарха с 1990 г.), Тульского Ювеналия, Орловского Палладия, Одесского Сергия, Алма-атинского Иосифа; архиепископов Харьковского Никодима, Волоколамского Питирима...» [73].

18 марта 1996 года крупнейшая эстонская газета «Postimees» опубликовала статью «Тень КГБ ложится на Патриарха Алексия» с выдержками из отчетов КГБ ЭССР, хранящихся в Государственном архиве Эстонской республики:

«Агент "Дроздов", 1929 года рождения, священник православной церкви, с высшим образованием, кандидат богословия, в совершенстве владеет русским, эстонским и слабо немецким языками. Завербован 28 февраля 1958 года на патриотических чувствах для выявления и разработки антисоветского элемента из числа православного духовенства, среди которых он имеет связи, представляющие для органов КГБ оперативный интерес. При вербовке учитывалось в будущем (после закрепления на практической работе) выдвижение его через имеющиеся возможности на пост епископа Таллиннского и Эстонского. За период сотрудничества с органами КГБ "Дроздов" зарекомендовал себя с положительной стороны, в явках аккуратен, энергичный и общительный. Хорошо разбирается в теоретических вопросах богословия и международной обстановке. К выполнению наших заданий относится с желанием и уже представил ряд заслуживающих внимания материалов» [74].

Впечатляют одни только названия прочитанных в духовных семинариях по почину Алексия Ридигера (нынешнего Патриарха Алексия II) лекций: «В.И. Ленин и

культурная революция», «Коммунистическая мораль об отношении к труду и социалистической собственности», «Воспитание нового человека – важнейшая задача коммунистического строительства».

В 1960-1970-е годы наступила пора идеологического обоснования антихристианства. Архиепиеи стали испытывать необходимость в условиях нового общества оправдать свое лояльное к нему отношение и желание играть в нем полноценную роль, и для этого им стало необходимо примирить христианство с коммунизмом, т. е. «приспособить» христианство к атеистической доктрине. Руководству сергианской церкви предстояло выработать учение, базирующееся на примере жизни раннехристианских общин и на идеях христианского социализма, и приспособить его к реалиям «развитого социализма». Митрополит Никодим (Ротов) взялся за создание этой концепции, в основу которой был положен противоестественный союз Церкви и атеистического государства, полностью противоречащий христианской симфонии, руководствующейся единственным идеалом – евангельским.

Изложение своего учения Митрополит Никодим начал с православного тезиса о единстве всего человеческого рода в Адаме: «Господь наш Иисус Христос примирил, объединил и сроднил все человечество с Богом, а всех людей – между собой»[75]. «Церковь как Царство Божие, уподобляясь закваске, проникает во все части человеческого целого, во весь мир и действует с той мерой силы, которая соответствует нравственной высоте носителей Христовой истины. И хотя далеко не все люди активно и сознательно пребывают в Церкви, но Церковь – пребывает во всех любовью Христовой, ибо эта любовь не ограничивается какой-либо частью человечества, а распространяется на всех людей»[76]. «Поэтому все люди, все Тело человечества (Адама), невидимо соединено с Богом и является некой “невидимой Церковью”». Церковная организация понимается Никодимом как «видимая Церковь», в которой «крещение определяет видимую принадлежность ко Христу»[77]. Митрополит Никодим, сознательно исповедуя «крещение» протестантов истинным, обращается к ним, как к своим «братьям во Христе»: «Через таинство св. Крещения мы привиты к спасительной Божественной Лозе...» Видимая же Церковь «призвана к реализации плодов воплощения и Искупления в жизни своих непосредственных членов»[78]. «Необходимо, – заявляет Митрополит Никодим, – внедрить в сознание наших верующих экуменическое сознание все глубже и шире, добиваться экуменической просвещенности в массах христиан»[79].

Цель экуменического движения состоит в создании мировой религии под управлением единой мировой власти. Для этого был создан Всемирный совет церквей, куда входят в настоящее время около ста пятидесяти самых разнообразных протестантских деноминаций и большинство православных церквей. Во главу угла этого движения ставится протестантское учение о «ветвях», согласно которому во всякой церкви содержится одна доля истины. Согласно этой теории, стоит соединить их всех между собой, чтобы получить единую церковь в полноте истины. Вопреки откровенному Слову Божьему, экуменизм отрицает Единую, Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь. В этом смысле его главный враг – Православие, и он старается подвести человечество под единый идеологический знаменатель, чтобы сразиться именно с Православием.

Риторика в пользу создания единой мировой религии у Митрополита Никодима неудивительна. В ней вся суть экуменизма: мировую религию надо сделать привлекательной и доступной для всех. Исповедническая сущность религии, ее истинность становятся не важными, они отодвигаются на задний план. Создаются условия, при которых возможным становится всеобщее единение в поклонении антихристу, как предсказано в Апокалипсисе.

Состояние мира во время прихода антихриста ярко описал Святитель Иоанн Шанхайский в Беседе о Страшном Суде:

«Антихрист будет очень умен и одарен умением обращаться с людьми. Он будет обворожителен и ласков... При антихристе будет массовое отпадение от веры. Изменяя вере многие епископы и в оправдание будут указывать на блестящее положение Церкви. Искание компромисса будет характерным настроением людей. Прямота исповедания исчезнет. Люди будут изошренно оправдывать свое падение, и ласковое зло будет поддерживать такое общее настроение. В людях будет навык отступления от правды и сладость компромисса и греха»[80].

В условиях полного извращения церковных ценностей и умаления христианского идеала сергианская церковь, сохраняя оболочку Православной Церкви, без зазрения совести поддавалась ускоренным темпом на уступки мировым антихристианским силам.

13.1 Об экуменизме Московской патриархии

В развитии экуменизма и его распространении в России сыграл большую роль нынешний Патриарх Алексей II. В бытность свою Митрополитом Таллинским и Эстонским, а затем Ленинградским и Новгородским, он возглавлял одну из крупнейших экуменистических организаций – Конференцию европейских церквей (КЕЦ).

Уже в 1966 г. в своей речи на конференции в Москве перед делегацией Германской евангелической церкви будущий глава МП заявил, что «Иисус Христос считает Своими, то есть христианами, всех, кто верует в Него и Ему повинуются, ... а это больше, чем Православная Церковь»[81].

Еще более явно Митрополит Алексей стал исповедывать, что все неправославные христиане суть Церковь Христова, в докладе на VIII Генеральной ассамблее КЕЦ[82]. Кошунственно отождествляя присутствие Бога в мире посредством его энергии и присутствие Его в Церкви, Митрополит ясно раскрыл свою приверженность еретическому учению о «всеобъемлющем и безусловном Воплощении Христа, автоматически превращающем все человечество: всех христиан, мусульман, язычников, вообще всех «людей доброй воли» – в члены Тела Христова, то есть Церкви!»[83]

Понятно, что такое «богословие мира» очень удобно для диалога не только с любыми христианскими еретическими сообществами, но и с любыми религиями, даже с утопическими учениями вроде коммунизма.

Как же совместить такую веру с православным учением об уникальности и единственности Единой Святой Кафолической и Апостольской Церкви?

«Хотя, - признает Митрополит Алексей, - единство и единственность Церкви – это аксиома экклезиологии, ...невидимое единство как единство Христа и Духа Святого живет в видимом множестве Церквей, имеющих каждая свое особое лицо»[84].

Став Патриархом, «Алексий II продолжал выполнять свои экуменические функции так же старательно, как и его предшественники. Так, в начале 1991 г. глава МП вместе с Синодом вновь исповедал «теорию ветвей», заявив, что «Евангелическая и Православная Церкви равным образом призваны Иисусом Христом, их Господом, к свидетельству и служению»[85]. Патриарх признает буддистов своими «братьями»[86], совместно молится с еретиками: армянским католикосом, сирийскими, эфиопскими и коптскими иерархами-монофизитами, подпадая тем самым под анафемы IV, V и VI Вселенских Соборов»[87].

Но самой скандальной стала знаменитая речь Патриарха перед раввинами г. Нью-Йорка (США) 13 ноября 1991 г. Патриарх открыто исповедал от лица Православной Церкви, что «мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще не вполне христиане, а иудеи потому отделяются от нас, что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство... Еврейский народ близок нам по вере. Ваш закон – это наш закон, ваши пророки – это наши пророки». Патриарх призвал иудеев к совместному строительству «нового мирового порядка»: «совместными усилиями мы построим новое общество – демократическое, свободное, открытое, справедливое... где евреи жили бы уверенно и спокойно, в атмосфере дружбы, творческого сотрудничества и братства детей единого Бога – Отца всех, Бога отцов ваших и наших». И раввины не забыли реверанс Московского Патриарха в их сторону: во время визита Алексея II в США в 1993 г. главным раввином Нью-Йорка Шнейером была вручена ему премия «Призыв совести». И в 1991, и в 1993 гг. Патриарх был гостем одноименной сионистской организации, посещал синагоги и встречался с еврейскими религиозными лидерами.

«Вовлеченность МП в мировой экуменизм настолько сильна, что на все протесты и требования патриархийных консерваторов выйти из Всемирного Совета Церквей и свернуть практику экуменических молитв, священноначалие МП отвечало неизменным отказом. Более того, Архиерейский Собор 1994 года, возглавляемый Патриархом Алексием, публично признал свое участие в экуменизме «продиктованным соображениями церковной пользы» и соборно узаконил проведение совместных молитв с инославными как в «общецерковной внешней деятельности», так и на епархиальном уровне, «что определяется каноническим устройством Православной Церкви».

Во время визита Патриарха Алексея в Армению в мае 1996 года он вместе с сопровождавшими его архиереями участвовал в заседании Синода Армянской Церкви, на котором обсуждались вопросы «дальнейшего слияния двух сестринских церквей». Выступая перед священноначалием Армянской Церкви, Патриарх Алексей дал высокую оценку «стремлению к объединению древних Восточных Православных Церквей», назвал существующее разделение «незаживающей раной на теле Церкви» и обещал приложить

«особые усилия для скорейшего преодоления ... разделения». В ходе визита Патриарх Алексей вместе с главой армянских монофизитов Патриархом-католикосом Гарегином дважды совершал совместные молебны и благословлял народ с алтарей армянских храмов.

22 июня 1997 года Патриарх Алексей, вместе с миланским кардиналом Мартини, открыл II Европейскую экуменическую ассамблею в Граце (Австрия). Там он молился с католиками в нижнеавстрийском бенедиктинском монастыре Мельк, а затем участвовал в богослужении в кафедральном соборе св. Стефана вместе с папским нунцием в Австрии Архиепископом Сквичарини и венским Архиепископом Шенборном.

Подобных примеров можно было бы привести очень много. Однако факт остается фактом: Патриарх Алексей, всю жизнь молившийся с еретиками, никогда не отказывался и не отказывается от своей экуменической ереси, продолжая открыто, *ex cathedra*, исповедовать еретиков и нехристиан «Церковью Христовой», той церковью, к которой он относит сам себя и к которой, следовательно, принадлежат его последователи»[88].

13.2 О сергианстве Московской патриархии

Из анализа различных событий происходящего на наших глазах процесса объединения РПЦЗ и МП ясно, что никакого отказа от позиций по вопросу сергианства со стороны МП не произойдет.

Во-первых, Московская патриархия считает Митрополита Сергия своим основоположником. Подтверждением этого факта является торжественная панихида и похвальная речь в его адрес, произнесенная Патриархом Алексием на гробнице Митрополита Сергия во время официального визита Архиепископа Лавра в патриархию в мае 2004 г. Допустить разбирательство его действий, нарушающих каноны и основы православной веры, означает поколебать устои, на которых зиждется вся Московская патриархия. Церковная политика МП такого самоубийственного исследования допустить не может. Наивные зарубежные представители получили со стороны представителей МП на совещаниях Комиссии по объединению ясный отказ даже касаться вопроса сергианства.

Во-вторых, патриархия, с обычной своей изворотливостью, заявила в оправдание сергианства и, следовательно, самой себя, что Церковь при Митрополите Сергии претерпела жестокие гонения от безбожников и является исповедницей.

На встрече с членами Российской академии образования 29 декабря 1994 г. Патриарх Алексей произнес не только очередную ересь, но и сергианскую ложь:

«Нет у нас и кардинального противостояния с другими великими историческими религиями. Можно ли забыть о том общем, что соединяло, сплочало нас во дни гонений, в дни противостояния безбожной власти. Существует глубинная общность трех великих монотеистических традиций: христианства, иудаизма и ислама. Все они имеют источником Откровение Единого Бога»[89].

На епархиальном собрании в 1999 г. Патриарх Алексей выступил в роли исповедника, пророчествуя о грядущем антихристе:

«Сегодня это... ускоренное строительство общемировой системы зла. Население целенаправленно организуется на сатанинских принципах лжи, подлога, обмана, поклонения внешней грубой силе... Наиболее опасны... прикрытые формы зла, формы подделок, эрзацев, имеющие, по апостолу, "вид благочестия, силы же его отрицания", такие, как лжерелигия, лженаука, лжекультура.

В последнее время прошлое нашей Церкви нередко выставляется в искаженном свете, и ее епископ в связи с этим становится объектом злонамеренной клеветы... Хотелось бы напомнить, что наши предшественники, предстоятели Церкви мучеников и исповедников, сталкивались с этими тенденциями с момента возрождения Патриаршества в 1918 г. Святой исповедник Патриарх Тихон и священномученик Митрополит Крутицкий Петр подвергались критике за мнимые уступки существующему строю со стороны людей, которые, находясь в безопасности за рубежом, считали возможным судить гонимых собратьев и ставить свои амбиции выше интересов Русской Церкви. Они же пытались дискредитировать Патриарха Сергия, чей диалог с властью предрержащими позволил избежать смерти многим тысячам христиан, а может быть – и уничтожения самой Русской Православной Церкви»[90].

А ведь сравнительно недавно, 17 октября 1987 года, Патриарх Пимен и члены Синода, среди которых был и будущий Патриарх Алексей II, обращались с посланием по случаю семидесятилетия Великой Октябрьской революции:

«Семьдесят лет тому назад совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Она стала эпохальным событием в истории нашей страны и всего мира. В борьбе за народовластие самоотверженно участвовали и верующие люди, в том числе и чада Русской Православной Церкви, которые видели в революции возможность

воплощения в жизнь своих религиозных идеалов.

В послереволюционные годы напряженными усилиями всего нашего общества, в котором плечом к плечу, по-братски, трудились верующие и неверующие, в исторически короткий срок было восстановлено народное хозяйство... и создано мощное социалистическое государство»[91].

Вот это – достойные плоды многолетнего союза с богоборческим государством, это сергианство!

В конце «безбожной» пятилетки, в 1937 г., слово «Бог» должно было исчезнуть из советского обихода. Призвав верующих служить богоборческой власти и радоваться её успехам, Митрополит Сергей завел свое стадо в религиозный тупик. Тогда на всей территории России оставалось на свободе всего три (!) архиерея, и «действовало» около ста церквей.

После войны представители Московской патриархии на Западе стали служить своеобразной витриной советского государства, тем самым покрывая гонения на истинных мучеников за веру в Бога.

Конформизм священства МП зашел так далеко, что, как уже описывалось выше, сама власть в какой-то момент обеспокоилась о «нравственном» состоянии порожденного ею духовенства и озаботилась воспитанием «нового типа священника»[92].

В чем же могло заключаться исповедничество сергиан? В предательстве ли тех исповедников, которых они выдавали властям за непризнание их якобы каноничности? Сколько отданных на заклятие услышали на допросах ГПУ вопрос: «А как вы относитесь к нашему Митрополиту Сергию?»

Исповедничество у сергиан не было, было другое. В 1975 году Совет по делам религий при Совмине СССР искренне радовался тому, что благодаря проделанной нынешним Патриархом Алексием работе появилась «возможность воздействовать на будущих служителей культа в необходимом для нас направлении; расширить их теоретические и практические познания в материалистическом духе. А это будет подрывать религиозно-мистические идеалы будущего пастыря; может привести ... к пониманию собственной бесполезности как служителя культа»[93].

«За такие труды одного ордена Трудового Красного Знамени явно недостаточно! И хозяева платили своему «труднику» по заслугам: “Подготовлены записки в КГБ СССР: о награждении агента “Дроздова” почетной грамотой КГБ СССР (работы за февраль – март 1988 года за подписью начальника 4 отдела 5 управления КГБ В.И. Тимошевского)».

Те пастыри, которые вопреки начальству не пришли “к пониманию собственной бесполезности”, а осмеливались раскрывать не материалистическую, а религиозную веру, «переламявались» Патриархом и митрополитами тем, что отправлялись на отдаленные сельские приходы, а то и насильственно за штат без права служить и проповедовать. Те же, кто имел смелость открывать веру в Бога широкому кругу, становились объектами деятельности карательных органов: вызывались на «проработку», допросы, отправлялись в тюрьмы и лагеря, запугивались даже их родственники. Московская патриархия всегда отрекалась от нелояльных священнослужителей и мирян, обрекая их на длительные преследования.

В свое время, «за верное и продолжительное служение советскому режиму Алексей Симанский постоянно получал свои тридцать сребреников: правительственные ЗИЛ, дачу, отдых в Крыму, круизы на комфортабельных пароходах, спецвагон для железнодорожного передвижения, продовольственное имедицинское спецобслуживание. До самого распада СССР Московская патриархия снабжалась деликатесами и алкоголем с кремлевской базы. Все руководители сталинско-брежневской церковной иерархии награждались за заслуги в деле строительства коммунизма орденами, медалями и почетными грамотами, в том числе и от КГБ СССР. Патриарх Алексей I стал рекордсменом среди советских архиереев по орденам: 4 ордена Трудового Красного Знамени!»[94]

Даже во времена абсолютного коммунистического диктата и жестокого подавления прав всех верующих иерархи Московской патриархии настойчиво добивались привилегий, видимо, за особые заслуги перед партией, предпочитая покою в тиши святых обителей не только лечение в кремлевских больницах, но и отдых в кремлевских санаториях в окружении высшей партийной номенклатуры – главного гонителя всех верующих в стране.

Показательно в этом отношении обращение от 2 июля 1985 г. Митрополита Таллиннского и Эстонского Алексея, управляющего делами Московской патриархии, к председателю Совета по делам религий К. Харчеву:

«Глубокоуважаемый Константин Михайлович!

Обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Постоянные члены Священного Синода, проживающие в Москве (митрополит Филарет (Вахромеев), митрополит Ювеналий (Поярков), митрополит Алексей (Ридигер), а также архиепископ Питирим (Нечаев), прикреплены для медицинского обслуживания к Поликлинике Четвертого управления Минздрава РСФСР. Мы ставили перед Вашим предшественником вопрос о включении нас и на санаторно-курортное обслуживание по линии этого Управления, и по этому вопросу была достигнута устная договоренность с бывшим начальником Управления Живодеровым, однако письменно это нигде не было зафиксировано. За это время начальник Управления сменился. Очень прошу Вашего авторитетного содействия перед соответствующими органами РСФСР о включении указанных лиц на санаторно-курортное обслуживание Четвертого управления Минздрава РСФСР.

С искренним уважением. Митрополит Таллиннский и Эстонский Алексей».

14. Исповедание Истины в Русской Православной Церкви Заграницей

«Надо отдавать себе ясный и здравый отчет в том, что было миссией Исторической России во вселенной, чтобы ясно и по достоинству понять то огромное значение, которое имеет Русская Православная Церковь Заграницей, уразуметь ту миссию, которая возложена на Нее, как на исповедницу Церковной Истины, ею хранимой» [95].

Об особом призвании Русской Православной Церкви Заграницей одним из первых сказал Первоиерарх Сербской Церкви Патриарх Варнава:

«Вы, верные сыны России, должны помнить, что вы являетесь единственной опорой великого Русского народа, вы обязаны во что бы то ни стало сохранить неповрежденными народные церковные предания во всей их чистоте. Это ваш долг перед Богом, перед вашей великой Родиной и перед всем христианским миром. Посеянные врагами вашей Родины церковные раздоры должны во что бы то ни стало прекратиться. Среди Вас находится великий иерарх высокопреосвященный Митрополит Антоний, который является украшением Вселенской Православной Церкви. Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства. В нем и заключается церковная правда...» [96]

На протяжении восьмидесяти лет исповедание веры, заложенное Митрополитом Антонием в основание Зарубежной Церкви, приносило свои плоды. В наше время оно прозвучало с той же силой:

«Через нашу Святую Русскую Православную Зарубежную Церковь звучит голос Святой Руси, суть и природа которой – внутренняя, сокровенная, духовная, всегда ненасытная жажда русской души жить жизнью Святых, жить по Св. Евангелию, сколько есть сил и всегда только с помощью Божией. Голос Её всегда звучал через тысячи лет исторического бытия православной России» [97].

Особенности Русской Православной Церкви Заграницей сложились из двух определяющих факторов:

- наличия истинного монашества в Её составе и руководстве; и
- пророческого осознания свершившегося с русским народом бедствия.

Эти две характеристики церковного русского зарубежья являются ключом к осознанию значения Русской Зарубежной Церкви для судьбы всего русского народа и к пониманию путей Её развития. Расколы, Её постигшие, в конечном итоге произошли вследствие глубинных причин, таких как:

- исчезновение истинного монашества;
- обмирщение людей в результате принятия ими духа времени; и
- растворение поколений в неоднородной им окружающей среде.

Можно без малейшего сомнения утверждать, что дух Зарубежной Церкви в основном есть дух монашеский, живущий в Ней через монашество, сохранившее неповрежденную веру и неотъемлемую от неё "Русскость".

Русские на чужбине потянулись к монастырям за молитвой, утешением и наставлением. На монастырском правиле веры и укладе жизни воспиталось и укреплялось на правильном пути множество русских в рассеянии.

До Второй мировой войны Русская Православная Церковь Заграницей имела чрезвычайно высокое число монашествующих по отношению к остальной пастве. Включая епископов и священномонахов на приходах, в ней насчитывалось 300-350 монахов и около 450 монахинь. После войны, с уходом из-под Её юрисдикции больших территорий, оказавшихся в сфере влияния Советов, и вследствие раскола в Северной Америке, число монашествующих сократилось. Тем не менее, Русская Зарубежная Церковь сохранила около 200 монахов и 200 монахинь [98].

Монастыри Русской Православной Церкви Заграницей отличались строгим

соблюдением традиций старых русских монастырей и строгой монашеской дисциплиной; этим порядком они привлекали большее количество послушников, чем иные, с менее строгими условиями монастырской жизни.

Первый первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей Митрополит Антоний (Храповицкий) еще в России, задолго до революции, стал вдохновителем монашества вообще и отцом ученого монашества в частности. В то время выпускники Духовных академий часто уклонялись от принятия монашества, поскольку оно не соответствовало общепринятым критериям карьеры. Митрополит Антоний влил в монашество приток новых богословских сил, разжигая среди молодых любовь к подвигу монашества:

«Монашество, – говорил он в наставление новым инокам-семинаристам, – есть великое братство, которое в продолжение полутора тысячи лет представляло собой лучший цвет нивы Христовой святой Церкви... Дух монашеской жизни есть дух христианской надежды, поддерживаемый постоянным очищением сердца и заключающийся в том, чтобы хранить уверенность в неотступной помощи духовным борцам, на всякий час отдающих исход дел своих на волю Божию и не пекущихся для «души вашей, что вам есть и что вам пить, или для тела вашего во что одеться» (Мф. 6, 25).

Есть, возлюбленные братие, одна сила, которая, усваиваясь нами при общении в мире, в то же время возносит нас к Богу: эта сила есть любовь. Пребывая в любви, вы тем самым пребудете в Боге (1 Иоанн 4, 6), сохраняя любовь, вы среди мира будете далеки от всего мирского, от зависти, от превозношения, от гордости, от бесчинства, от раздражения, от неправды, злорадства и недоверия (Кор. XIII, 5-7), но будете всегда сохранять высокое сознание богообщения. Пребывая в любви, вы останетесь истинными монахами среди мира и, наоборот, в уединенной пустыни духовными гражданами вселенского Царства Божия. Монах есть тот, – говорит блаженный Нил Синайский, – кто, удаляясь от всех, со всеми живет в единении и в каждом человеке видит самого себя»[99].

Задолго до революции на плодотворную деятельность Митрополита Антония обратили внимание в иностранной печати:

«Какова сила Владыки Антония в русской государственной и церковной иерархии и каков его путь, можно оценить и тем, что в свои 45 лет имеется уже два архиепископа и 35 епископов, которые были его ученики, и которых он принял в монашество, а позже посвятил в епископский сан. А сколько еще архимандритов, иеромонахов и другого священства приняли благодать из его рук, это можно судить по числу духовенства, находящегося в его власти. Такого случая действительно нет в истории христианства...»[100]

«Еще более замечательно то явление, – писал Владыка Антоний, – что выразители, или точнее – виновники, духовного и бытового единства русской жизни, святители митрополиты, сложившие затем и ее политическую цельность, не были расчетливыми политиками, вроде прелатов римской курии или кардиналов Франции XVI века; нет, это были прежде всего и по преимуществу подвижники личного спасения, заботившиеся не об отдаленном будущем (хотя иногда и прозиравшие в него через озарение свыше), но о том, чтобы «в день сей без греха сохранитися нам»; оставляя в юности мирское звание, они поступали не в архиереи, а в послушники-чернорабочие; они были не роскошные духовные вельможи, но согбенные и смиренные старцы, общники наших пустынножителей...»[101]

Многие архипастыри Русской Зарубежной Церкви явились именно стяжателями святости. Перечислить всех невозможно. Укажем только, что поколения русских людей за границей воспитывались и вдохновлялись такими светочами православия как Митрополиты Антоний, Анастасий, Филарет, святители Иоанн (Максимович), Тихон (Троицкий), Виталий (Максименко), Аверкий (Таушев) и многие другие.

«Так и Россию мы любим потому, что она хранит в себе русскую идею, русскую духовную природу, русский быт. Эта идея есть Царствие Божие, эта природа есть стремление к святости, этот быт выражает собой усилие семисотлетней жизни страны и девятисотлетней жизни народа водворять на земле праведность евангельскую, отвернуться всего, чтобы найти Христа, ставить Его волю, каноны Его Церкви законом общественной жизни»[102].

При такой духовной настроенности происходило осознание за границей русской трагедии.

В последние времена Господь посылал русскому народу пророков, таких как св. прав. Иоанн Кронштадтский и оптинские старцы. Им особо виден был духовный упадок общества, о чем они и предупреждали народ, пытаясь предотвратить надвигающийся гнев Божий. То, чему тогда русский народ не внимал, в эмиграции, «на реках Вавилонских», плача, он осознал.

«В чем была промыслительная сущность Удерживающего?»[103] – пишет архимандрит Константин. – Наличие его означало связанность Сатаны. Падение Удерживающего, исчезновение Богом благословенной власти, назначением имевшей служить Церкви, ее охраняя, означало начало новой эпохи – заключительной в истории мира, когда Сатана не только, как он всегда к тому был допускаем, может соблазнить людей, но и получает возможность властвовать над ними. Это последнее и произошло, сразу же после ниспровержения Удерживающего, в самой России.

Русская Зарубежная Церковь несет на себе промыслительную заданность являть Истину Церкви применительно ко всем возникающим вопросам. Каждый церковный деятель в кругу своей деятельности может в любой момент оказаться пред лицом той или иной возможности явить эту Истину – и он обязан это сделать в полную меру своих сил.

Исповедничество – наша миссия, наше задание, наше послушание... «Подвиг Русскости», который был, в условиях былых, подвигом государственно-патриотическим, включавшим в себя подвиг стояния в церковной истинности, для нас теперь превращается, наоборот, в подвиг верности Богу, Его истинной Церкви, за которым стоит верность нашему историческому прошлому, которое внешнее выражение получает только в том, что истинная Церковь, которой мы служим, есть Русская Церковь, преемственно сохранившаяся в нашей Зарубежной Церкви. Это нам с новой силой указывает, что «политики» сейчас нет в нашем общецерковном обиходе, а есть верность Богу в качестве Русских людей, являющихся чадами Русской Поместной Церкви, получившей облик Церкви Зарубежной»[104].

Обращаясь к главам Православных Церквей в «Скорбных посланиях» (в 1970 и 1972 гг.) Митрополит Филарет предупреждал православный мир о пагубных последствиях равнодушия к Истине при развивающемся экуменизме:

«Увы, последние времена изобилуют фактами, которые свидетельствуют о том, что некоторые представители Православной Церкви в своем диалоге с инаковерующими усвоили чисто протестантскую экклезиологию, за которой следует и протестантский подход к вопросам церковной жизни, получивший свое выражение в столь распространенном теперь модернизме.

История Церкви говорит нам, что христианство распространялось не путем компромиссов и диалогов между христианами и неверующими, а путем проповеди истины, отвержением всякой лжи и всякого заблуждения. Вообще ни одна религия никогда не получала распространения через тех, кто сомневался в ее полной истинности. Создаваемая экуменическая новая всеобъемлющая «Церковь» имеет свойство Лаодикийской Церкви, обличенное в Апокалипсисе. Она не холодна к истине и не горяча, и к ней относятся слова, обращенные к Ангелу Лаодикийской Церкви: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, извергну тебя из уст моих» (Откр., III, 16). Поэтому вместо религиозного возрождения она, как не признавшая «любви истины для своего спасения», являет на себе предупреждение Апостола: «И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так как они будут верить лжи. Да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Фес., II, 10-12)».

«Русская Православная Зарубежная Церковь, единственная во вселенной, сохранила чистоту своих риз, не погрешив соглашательством или каким-либо соприкосновением с богоборческой властью или поставленной ею церковной патриархией. Она одна узрела истинную природу овладевшего Россией Зла и свидетельствует об этом Зле, как самоотверженная изгнанница Правды ради»[105].

15. Кризис в Русской Православной Церкви Заграницей

В октябре 2000 г. состоялся Архиерейский Собор РПЦЗ, ставший отправной точкой беспрецедентного раскола, потрясшего Русскую Православную Церковь Заграницей в октябре 2001 года.

Русская Православная Церковь Заграницей разделилась на две части: РПЦЗ(В) под омофором Митрополита Виталия, с центром в Мансонвилле, и РПЦЗ(Л) под омофором Архиепископа Лавра, занявшего пост Митрополита, с центром в Нью-Йорке.

Претендующая на законность РПЦЗ(Л) стала ничем иным, как институтом, образовавшимся в результате «дворцового переворота» в высшей церковной власти РПЦЗ.

Этот переворот стал возможен по ряду причин, таких как внутреннее расстройство Зарубежной Церкви вследствие смены поколений, исчезновение образованного епископата и подвижнического монашества, растворение "русскости" и исповедничества в среде материального довольствия и т.д., но более всего – из-за активных действий Московской патриархии.

С падением богоборческого режима в России благонамеренным людям показалось, что, наконец, появятся условия для подлинной церковной жизни, позволяющей созыв свободного Всероссийского Собора и избрание законного Патриарха и Высшего Церковного Управления. Им очень хотелось верить, что для этого можно и нужно разговаривать с Московской Патриархией.

Увы, сформированное Сталиным церковное управление, превратившееся в солидное учреждение наподобие министерства, с отделами внутренних дел и внешних сношений, сумело сохранить свою крепкую структуру даже после распада многих других сталинских институтов. Более того, в новых условиях оно превратилось в немаловажную политическую силу, с которой власти вошли в негласное соглашение.

И Московский патриархат, и правительство Российской Федерации имели свои интересы в отношении Русской Православной Церкви Заграницей: присвоение сохранявшейся в РПЦЗ церковной легитимности было необходимо для превращения сталинского церковного учреждения в «законную» Русскую Православную Церковь; овладение Её недвижимым имуществом обеспечивало усиление сети политического влияния в западном мире.

Еще в 1985 году, при Патриархе Пимене, было принято решение всеми силами ликвидировать «карловацкий раскол». В начале 90-х годов Патриарх Алексий заявил, что, пока жив Митрополит Виталий, никакого сближения РПЦЗ с Московской патриархией не может произойти. Скорее всего, именно в тот момент и были предприняты меры для дестабилизации духовенства РПЦЗ и особенно епископата, составляющего непосредственное окружение Митрополита Виталия. Результаты не заставили себя долго ждать: в 1993 г. один из ведущих иерархов, Архиепископ Марк Берлинский и Германский, с попущения некоторых членов Церковного Управления стал готовить почву для проведения беседований с Московской патриархией и добиваться их одобрения Архиерейскими Соборами.

Впоследствии Архиепископ Марк провел на территории Германии цикл из девяти беседований с тамошним представителем Московской патриархии, Архиепископом Феофаном (бывшим заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений МП Митрополита Кирилла). Их плодом стало опубликованное в 1997 г. общее заявление под провокационным заголовком «Русская Православная Церковь» с указанием в скобках её составных (якобы) частей: РПЦЗ и МП.

Это заявление вызвало множество возмущенных реакций. Его опротестовали Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей Митрополит Виталий, Епископ Кирилл и многие священники и миряне. В поддержку Митрополита Виталия со всего зарубежья были собраны сотни подписей священнослужителей и прихожан.

Общая обеспокоенность о происшедших в Германии встречах, к которым добавилась встреча Архиепископа Марка с самим Патриархом Алексием в Москве [106], была выражена в Великопостном обращении Митрополита Виталия от 15 / 28 марта 1998 г., озаглавленном «Русская Православная Зарубежная Церковь (Её современное значение)»:

«Как архипастырь Русской Православной Зарубежной Церкви, я считаю своим священным долгом обратиться с этим посланием ко всем чадам нашей Церкви. Меня к этому даже принуждает замеченное нами некое духовное безразличие к Истине и уже глубокое непонимание исключительного, уникального значения нашей Церкви в мире Вселенского Православия и всего инославного Западного Христианства.

Наша Церковь – это Дева, бегущая в пустыню от красного Дракона. Пустыня – это дехристианизированный Запад, в котором еще теплится свобода, которую наша Церковь ищет, ибо только по-настоящему в ней, в свободе, только и нуждается. Через нашу Святую Русскую Православную Зарубежную Церковь звучит голос Святой Руси, суть и природа которой – внутренняя, сокровенная, духовная, всегда ненасытная жажда русской души жить жизнью Святых, жить по Св. Евангелию сколько есть сил и всегда только с помощью Божией. Голос Её всегда звучал через тысячи лет исторического бытия православной России.

Считаю своим долгом ответить на это грубое заблуждение, граничащее с ересью. Если Церковь – Сам Христос, то как можно себе представить Христа Господа нашего и рядом изменника Митрополита Сергия, Христа и рядом – Дроздова (Алексия II)... Четыре последних патриарха Московской патриархии избраны коммунистическим государством, объявившим себя вдруг демократами. Это высшее правление Московской патриархии есть просто безблагодатное, государственное учреждение, а её члены – просто государственные чиновники в рясах.

У нас есть такие «умники», которые скажут Вам, что все это мое послание – только личное мнение самого Митрополита. На это я отвечу, что меня заставили писать это послание бесконечные протесты со всего великого нашего русского

Рассеяния. Значит, это мое послание есть глас нашей заграничной Святой Руси, а я только его выразил во всеуслышание».

В то же время происходили посягательства на имущество Зарубежной Церкви со стороны Московской патриархии, вызвавшие горячие протесты во всем мире. В Палестине, с помощью властей Палестинской автономии Московский Патриархат, совместно с российским правительством, захватил монастыри и храмы в Хевроне (1997 г.) и в Иерихоне (1999 г.); в Италии он стал хозяином в Бари (1998 г.), а в нескольких странах возбудил судебные действия с целью присвоения недвижимости РПЦЗ. [107]

Все это привело к тому, что Архиерейский Собор РПЦЗ 1998 г. принял решения, идущие вразрез с процессом сближения с Московской патриархией. Собор осудил ереси нашего времени – сергианство и экуменизм.

Два года спустя, на заседании 2 марта 2000 года под председательством Митрополита Виталия, Архиерейский Синод сделал следующее заявление:

«Руководство Московской патриархии теперь официально заявило, что рассматривает собственность Русской Зарубежной Церкви как свою, ибо только она и никто другой является «единственной законной наследницей имущества дореволюционной Церкви», которое, следовательно, «удерживается зарубежными раскольниками незаконно», – и что такое решение «с радостью и глубокой благодарностью принято православным верующим народом России».

Последние годы отмечены новой волной насильственных захватов Московской патриархией храмов и монастырей уже у самой Русской Зарубежной Церкви в разных странах или попытками захвата – с помощью мирских властей (иностранных и российских), где только можно – в Италии, Израиле, Германии, Дании, Канаде... Теперь окончательно подтверждается даже устами первоиерарха МП, Алексия II, и представителей Отдела внешних церковных сношений МП, что они не хотят объединения с нами на предложенной позиции Истины. Они предпочитают решить отмеченные разногласия и вопрос об истории Русской Церкви просто устранением Зарубежной Церкви, сокрушением ее. Другими словами, нынешнее руководство МП предпочитает продолжить политику митрополита Сергия – только в новой форме, на новом этапе».

Между тем "работа" с епископатом РПЦЗ продолжалась: Епископ Михаил (Донсков), заявлявший до того на все стороны о безблагодатности Московской патриархии, стал совсем «покорным» в отношении патриархии с сентября 2000 г.; Епископ Кирилл, резко критиковавший совместное заявление Архиепископов Марка и Феофана (МП) в 1997 г., объявил запросто, что он переменяет мнение; а Епископ Евтихий, которого ожидало снятие сана (со слов того же Епископа Михаила), поехал в Джорданвилль и приступил к составлению доклада, радикально изменившего курс церковной жизни за рубежом после зачитания его на Соборе 2000 года.

Эта мастерская подготовка позволила достичь искомым результатов. Октябрьский Собор 2000 года принял решения, повернувшие историю Зарубежной Церкви вспять и противоречащие тому, что Ею утверждалось в течение десятилетий: сталинская организация - Московская патриархия - признавалась подлинной Русской Православной Церковью; для подготовки соединения «двух частей» Русской Церкви – РПЦЗ и МП – учреждалась специальная комиссия.

Обращение Синода от 18 февраля / 2 марта 2000 г., предостерегающее от единения с МП, было забыто всего лишь полгода спустя. Влиятельные архиереи РПЦЗ стали послушными исполнителями желаний Московской патриархии, полностью и окончательно потерявшими свою внутреннюю духовную свободу и способность к исповедничеству. Эта трагическая участь постигла около десяти епископов, более или менее приближенных к церковному управлению.

Последующие события глубоко потрясли паству и поколебали надежду, многими возлагаемую на Зарубежную Церковь.

9/22 июня 2001 г. Митрополит Виталий обратился к Архипастырям и пастве РПЦЗ в своем Окружном послании:

«Желая сохранить мир и единство среди нас, вновь обращаюсь к Вам как Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, ибо считаю своим долгом высказать суждение о положении, сложившемся после Архиерейского Собора, состоявшегося в октябре 2000 г.

Признавая высшим органом управления Собор Архиереев, которому и я, Первоиерарх, также подчинен, все же хочу напомнить, что нет такой земной церковной инстанции, которая могла бы быть непогрешимой в Истине. История сохранила многочисленные примеры, когда целые поместные Церкви очень продолжительное время были заражены ересями и другими духовными недугами, и это

отражалось в соборных решениях. В таких случаях последующие Соборы вынуждены были отменять неправильные решения предыдущих.

Мы должны с большим сожалением признать, что некоторые наши собратия сочли возможным воспринять и потщиться проводить иной курс нашей Церкви, чем тот, что был заповедан нашими предшественниками.

Создание некоей Комиссии «по единству» с Московской патриархией следует однозначно признать ошибкой Архиерейского Собора. Никакой подобной Комиссии не может быть создано, ибо предмета для ее работы нет.

Я, как четвертый Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей продолжаю непреклонно идти по стопам Блаженнейших Митрополитов Антония, Анастасия и моего блаженнейшего предшественника Митрополита Филарета, мощи которого были обретены нетленными в 1998 году, что является явным знаком свыше истинности пути, по которому он всю свою жизнь шел. Посему призываю всех вас к терпению и прошу не делать скоропалительных выводов и поступков. Мы живем в непростое время. И враг нашего спасения всегда готов уловить нас в свои сети».

Это послание, получившее широкое распространение во всем мире, было изъято из архива синодального храма в Нью-Йорке по распоряжению Архиепископа Лавра и при прямом содействии Епископа Гавриила, секретаря Синода.

А в июле 2001 г., во время собрания Архиерейского Синода, последовал настоящий «дворцовый переворот».

Произошло, по свидетельству прямого очевидца о. Никиты Орлова, сопровождавшего Митрополита в качестве секретаря, следующее:

«Утром 10 июля началось заседание Синода, на которое мы и отправились все вместе. Члены Синода сразу же запретили мне и о. Сергию присутствовать на заседании. Владыка Митрополит попытался убедить архиереев в необходимости иметь ему личных секретарей. Архиереи Синода почти хором ответили, что они протестуют. Владыка Лавр добавил при этом: “Мы не можем иметь посторонних людей на заседании Синода”.

Тогда я обратился к Митрополиту и попросил его ответить - уходить мне или оставаться. Вместо него ответил Владыка Лавр, который еще раз напомнил, “что будут обсуждать дела, по которым архиереи в присутствии чужих не смогут говорить откровенно”. Я вновь обратился к Владыке Митрополиту, как мне поступить. И тогда Владыка Митрополит сказал:

– Ничего. Я справлюсь. Иди.

Я вышел, закрыл дверь и остался ждать Митрополита, сидя на ступеньках. Уже с первых минут общения с архиереями я почувствовал недоброе и решил дожидаться окончания заседания и быть свидетелем всего происходящего.

На заседании говорили так громко, что было слышно почти каждое слово. После чтения протоколов началось обсуждение мансонвилльских событий [108]. Архиереи громко, почти перебивая друг друга, в недопустимой форме требовали ответа от Владыки Митрополита: «Как Вы смели подписать Послание в Мансонвилле?» Такое грубое разбирательство с Владыкой Митрополитом продолжалось около сорока пяти минут. Потом объявили перерыв. Владыка на перерыв не вышел. Вновь собравшиеся архиереи приступили с новыми обвинениями о снятии запрещений с Владыки Варнавы и священнослужителей во Франции и Бельгии. Владыка Митрополит прекрасно и осознанно защищал свою позицию. Он сказал, что не может безучастно смотреть на то, как более половины епархии находится под запрещением, а храмы и прихожане оставлены на произвол судьбы. Не только он, но ни один архиерей не может такого допустить. Его грубо перебивали, обвиняли, и более всех – Владыки Амвросий и Гавриил. Выступали и другие епископы, и во всех выступлениях также звучали обвинения в адрес Митрополита. Так продолжалось еще сорок пять минут. И вдруг открылась дверь, вышел Владыка Митрополит. Я сразу подошел к нему. Но он вернулся и громко сказал (это я слышал): “Так как все члены Синода против меня, то я должен остановить Синод и продолжить собрание уже на следующем Соборе”. После этих слов Митрополит вышел и закрыл за собой дверь. Я никогда не видел Митрополита в столь тяжелом состоянии: он был так взволнован и расстроен тем, что произошло на заседании, что не мог говорить. Я проводил Владыку в его квартиру. Он все переживал случившееся и в ответ на мой вопрос, просили ли его хотя бы что-то подписывать, ответил отрицательно.

Я предложил Владыке отдохнуть, а сам остался возле двери, на случай, если понадобится ему».

Вопреки всем правилам РПЦЗ, собрание продолжалось без участия в нем Митрополита и без его благословения, что лишало законности все принятые на нем решения, в том числе и решение об избрании Архиепископа Лавра заместителем

Первоиерарха. Это был первый акт переворота.

После ухода с заседания утром 10 июля 2001 г. Митрополит пребывал в своих покоях, охраняемый верным о. Никитой Орловым. Так прошел весь этот и следующий день. 12-го июля состоялись торжества по случаю 50-летия архиерейского служения Митрополита Виталия. Владыку величали при большом стечении народа. В ночь с 12-го на 13-е июля о. Никита, думая, что собрание взбунтовавшихся епископов закончилось, и всякая опасность миновала, попрощался с Митрополитом и уехал к себе в Калифорнию.

Тогда совершился второй акт «дворцового переворота».

В пятницу утром 13 июля к Митрополиту явились Архиепископ Лавр и Епископ Михаил. Два часа спустя они вышли из его покоев и сообщили, что имеют в руках подписанный Владыкой документ об уходе на покой. Знающие напористость Епископа Михаила могут только представить себе, какое психологическое воздействие оказывалось на престарелого Митрополита за эти два часа. Знающие же Митрополита так же хорошо понимают, что он не из тех, кто ушел бы со своего поста по собственному почину. К тому же подписался Митрополит по-английски «Metropolitan Vitaly Oustino»[109], что без всяких сомнений свидетельствует о том, что подписавший был в эмоциональном шоке, так как он никогда не подписывал русские тексты иначе как по-русски, а английские тексты – по-английски и не употреблял своей фамилии «Устинов» в официальных церковных документах.

Таким образом, с 10 по 13 июля 2001 г. епископы-заговорщики совершили следующее:

- провели незаконное заседание Архиерейского Синода в отсутствие законного Председателя, Митрополита Виталия;
- незаконно избрали Архиепископа Лавра заместителем Митрополита Виталия;
- добились ухода Первоиерарха на покой при помощи очевидного психологического давления.

Желая скрыть все эти незаконные действия за ширмой достоверности и правомочности, они пошли еще дальше: прибегли к фальсификации даты на официальном документе, подписанном Митрополитом. На опубликованном ими документе о решениях «Архиерейского Синода» стоит подпись Митрополита и дата 10 июля (первого дня незаконного заседания). Однако подпись Митрополита была получена лишь 13 июля! Фальшивкой хотели «засвидетельствовать», что с 10 июля, т.е. с самого начала, заседания Архиерейского Синода были законными.

После июльских событий Митрополит Виталий не посчитал себя, однако, в стороне от ответственности за судьбу Русской Зарубежной Церкви. 5 / 18 октября 2001 г., за пять дней до намеченного открытия Архиерейского Собора, он заявил:

«Сознавая глубину греховного падения некоторых членов Архиерейского Собора нашей Церкви в их интенсивном, но еще не высказанном полностью желании соединения с Московской патриархией, я, с полной ответственностью перед Богом, русским православным народом и перед своей совестью, считаю своим долгом заявить, что предстоящий Архиерейский Собор, имеющий открыться 23 октября 2001 года, нельзя назвать иначе, как собранием безответственных».

Несомненно, этот Собор намеревается обсуждать вопросы о возможном соединении со лжецерковью Московского патриархата.

Не видя иного выхода из создавшегося положения и не желая нести ответственности за окончательную гибель вверенной моему попечению Русской Православной Церкви Заграницей, я заявляю:

Я считаю себя законным наследником всех предыдущих митрополитов нашей Святой Зарубежной Церкви: первого, Митрополита Антония, потом Митрополита Анастасия и, наконец, Митрополита Филарета. Я являюсь четвертым Митрополитом нашей Русской Православной Зарубежной Церкви и до последнего времени, с Божией помощью, я продолжал вести сей святой корабль прямым путем по грозным волнам житейского моря, избегая подводных скал, внезапных мелей и глубоких ям, всасывающих корабли на дно морское.

К сожалению, настало судьбоносное время, когда я понял и оценил тот печальный факт, что между мною и другими архиереями нашего Синода больше нет единомыслия и единодушия. Это я им сказал на прошлом Синоде, когда после начала первого заседания я, огорченный, полностью оценив свое одиночество среди других архиереев, ушел с собрания. На основании этого и только этого, я согласился уйти на покой и буду считаться Митрополитом Русской Православной Зарубежной Церкви на покое. В этой Церкви я родился, был крещен и умру, когда придет время.

Я хочу еще дополнительно заявить во всеуслышание, что, как Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви, я полностью отвергаю и осуждаю какое бы

то ни было сближение и дальнейшее соединение со лжецерковью – Московской патриархией.

Я призываю всех православных Архипастырей, пастырей, монашествующих и верных чад Русской Православной Зарубежной Церкви сплотиться во единую рать против всех незаконных деяний и нынешнего Собора, и Московской патриархии».

В день открытия Собора, 23 октября 2001 г., по свидетельству Людмилы Дмитриевны Роснянской, личного секретаря Митрополита, произошло следующее.

Утром 23 октября 2001 г. Митрополит вошел в зал заседания Собора и каждому епископу вручил конверт с его Посланием от 5 / 18 октября 2001 г. Епископы уже его имели. После этого Митрополит покинул зал.

Тогда к Митрополиту пришли три архиерея (епископы Иларион, Гавриил и Кирилл); на выставленное им обвинение в предательстве, они спросили его, какие епископы, по его мнению, являются предателями. Митрополит написал на листе бумаги имена Марка, главного двигателя на сближение с МП, а также Лавра и Алипия, за то, что они ездили в Соловки в момент, когда там ожидали Патриарха Алексия.

Мятежные епископы попросили Митрополита указать на кандидата в Митрополиты, и он ответил, что, зная предыдущих митрополитов, он не видит ни одного достойного кандидата на этот пост.

Потом епископы еще раз приходили к Митрополиту вместе с адвокатом с целью добиться от Митрополита завещания своего имущества в Канаде в пользу Синода. Они сильно настаивали, и адвокат задавал ряд вопросов, желая проверить дееспособность Митрополита. Секретарь Людмила Дмитриевна обратила внимание Митрополита на характер допроса, чтобы его насторожить.

Это определило дальнейшую судьбу Людмилы Дмитриевны: восставшие против своего Митрополита епископы решили от неё избавиться. На следующий день, 24 октября 2001 г. вечером, её схватили перед дверью Митрополита, затолкнули в лифт и выдворили из Синода, даже не позволив взять личные вещи. Ей вручили письмо за подписью Епископа Гавриила о разжаловании, вырвали из рук дамскую сумочку, изъяли личные документы Митрополита (паспорт, страховку социальную и медицинскую, бумаги от машины), ключи от машины и значительную сумму денег.

Людмила Дмитриевна обратилась за помощью к друзьям. Они посоветовали ей подать жалобу в полицию и сопроводили в полицейский участок. В своем заявлении Людмила Дмитриевна рассказала о случившемся и попросила разведать о здоровье Митрополита, за которым она одна до сих пор ухаживала.

На следующий день, 25 октября, полицейские прибыли в Синод. У входа они были встречены частным милиционером и двумя адвокатами мятежных епископов. Войдя в здание Синода, полицейские повидались с Митрополитом, который сначала им ответил, что ни в чем не нуждается, а потом вышел с ними на крыльцо в сопровождении трех епископов. Друзья объяснили ему положение, а секретарь заверила, что покинула его отнюдь не добровольно, а была принуждена к этому грубой силой, без возможности с ним объясниться и попрощаться. Тогда на вопрос полицейских о том, хочет ли он оставаться в Синоде или уйти, Митрополит ответил, что в Синоде ему больше делать нечего, и полицейские позволили ему последовать за поджидавшими его друзьями. В ночь с 25 на 26 октября Митрополит в своей машине прибыл в Мансонвилль (Канада). Быстрота действий сохранила ему свободу. Уже вечером 25 октября мятежники возбудили против Митрополита Виталия судебную акцию, по которой он должен был быть задержан в США якобы для обеспечения за ним необходимого присмотра. Ходатайство это было отвергнуто в Нью-Йоркском суде в марте 2003 г. Судья постановила, что целью истцов была не забота о здоровье Митрополита, а исключительно стремление присвоить себе его имущество.

27 октября 2001 г. Митрополит распространил из Мансонвилля чрезвычайное заявление, в котором осудил деяния епископов:

- «разбойничий собор» октября 2000 г., принявший новый курс церковной жизни, направленный на соединение с лжецерковью, Московской патриархией;
- захват власти со стороны епископов, потерявших православное сознание;
- заключение его в собственной квартире с приставлением к нему надзирателя;
- грубое выдворение из Синода его личного секретаря;
- постыдные попытки принудить его подписать документы о передаче Синоду всего имущества.

Далее Митрополит заявил:

«...видя нежелание со стороны большинства архиереев умирить и успокоить небывалое смущение среди наших священнослужителей и паствы, а также учитывая просьбы некоторых преосвященных и многочисленных чад Зарубежной Церкви, я со

всей ответственностью заявляю, что снимаю, в согласии с Пар. 3-м Положения о РПЦЗ, свою подпись о своем добровольном уходе на покой и передаче моих полномочий Архиепископу Лавру. Имя мое должно по-прежнему возноситься на богослужениях во всех храмах Русской Православной Зарубежной Церкви.

Еще и еще раз призываю к покаянию оступившихся в вере архиереев, а всех верных Архипастырей, пастырей и Боголюбивых чад истинной Церкви Христовой – к непоколебимому стоянию в Истине и единомысленному и единомудушному объединению против закосневающих «сынов противления», непрестанно вознося горячие молитвы ко Господу нашему Иисусу Христу, испрашивая у Него милости и помощи».

21 октября / 3 ноября 2001 г. Митрополит Виталий с помощью Епископа Варнавы хиротонисал во епископы архимандрита Сергия (Киндякова), этим положив начало верному епископату Русской Православной Церкви Заграницей под своим председательством.

В настоящее время РПЦЗ(В) с центром в Мансонвилле имеет 8 архиереев: Митрополита Виталия, Епископов Сергия и Варфоломея в Канаде, Епископов Владимира и Антония (Орлова) в США, Епископа Антония (Рудея) в Молдове и Епископов Анастасия и Виктора в России. В Архиерейский Синод входят, помимо председателя Митрополита Виталия, Епископы Сергий, Владимир, Варфоломей и Антоний (Орлов). Секретарем Архиерейского Синода является митрофорный протоиерей Вениамин Жуков.

Сохранившейся вокруг Митрополита Виталия Церкви было предложено с юридической точки зрения отличиться наименованием от церковной организации, возглавляемой Архиепископом Лавром, и поэтому она была зарегистрирована во Франции как «Русская Православная Церковь в Изгнании» (так называлась РПЦЗ при регистрации приходов в Англии). В регистрационной записи в Париже от 29 января 2002 г. в пар. 1 значится: «... Русская Православная Церковь в Изгнании, также называемая «Русская Православная Церковь Заграницей», состоит из епархий, приходов и церковных общин, верных Митрополиту Виталию, Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей, а также тех приходов и церковных общин, которые к ней в последствии присоединятся». Так что церковный организм, возглавляемый Митрополитом Виталием, никогда не переставал именоваться Русской Православной Церковью Заграницей, и в богослужениях никогда не прекращали помянуть Митрополита Виталия как Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

Мятежные же епископы, не сумев удержать Митрополита в плену, стали искать любые возможные способы, чтобы «обезвредить» его, в том числе прибегая к грубейшим насильственным методам, свойственным разве что большевикам.

Производились действия, поражающие своей бесчеловечностью:

- 23 октября 2001 г. Митрополита вызвали в американский трибунал. Основанием послужили ложные показания врача.

- Вечером 1-го ноября 2001 г. группа лиц, руководимая Епископом Михаилом (в том числе адвокат, добивавшийся от Митрополита передачи имущества) в сопровождении полицейских (среди них женщина) вторглись в алтарь Мансонвилльского храма во время вечернего богослужения. Богослужение было прервано, Митрополита насильственно отравили в психиатрическую больницу для освидетельствования, в ожидании которого он провел в палате всю ночь. Врач, выдавая заключение о полном здравии Митрополита, пожелал, чтобы все в его возрасте обладали таким же физическим и психическим здоровьем.

- 22 ноября 2001 г., во время трапезы, в Мансонвилльский скит вторгся Епископ Михаил в сопровождении частной милиции, адвокатов и священника Ивашевича (которому Епископ Гавриил выдал бумагу как якобы опекуну Митрополита). Их целью было похищение Митрополита. При непосредственном участии четырех анафематствованного Первоиерархом Епископа Михаила и священника Ивашевича, прибегая к физическому насилию, Митрополита заставляли одеваться. Чтобы не сопротивлялся, его повалили на пол, придавив подушкой. Митрополит задыхался. Его вытащили в коридор и поволокли к лимузину. Он упал, его подняли и стали заталкивать в машину, опять прижимая голову. Похищение сорвалось благодаря прибытию полиции, вызванной свидетелями и появившейся в последнюю минуту.

- Имущество Митрополита в США было захвачено. Его счета в Канаде и в США арестованы (впоследствии – освобождены судебным решением от марта 2003 г.).

- Было захвачено также имущество и счета Общества Св. Иова Почаевского в ведении которого находится подворье в Монреале.

В настоящее время, в 2005 году, Синод мятежных епископов продолжает судиться против Митрополита с целью отнять у него все остающиеся в его распоряжении средства: созданные им и верной ему паствой скит в Мансонвилле и подворье в Монреале.

С помощью опытных советчиков из Московской патриархии, располагая большими средствами, епископы Нью-йоркского Синода прилагают все усилия, чтобы заглушить свободный голос Русской Православной Церкви Заграницей под омофором Блаженнейшего Митрополита Виталия.

Несмотря ни на что она по-прежнему остается надеждой и опорой всех верных чад Её за границей и в России.

Эпилог

Скорбное послание Архиерейского Синода ко всем верным чадам

Русской Православной Церкви Заграницей

С тяжёлым сердцем мы ознакомились с (доселе не оглашенными) «согласованными документами Комиссий по переговорам между Русской Православной Церковью Заграницей и Русской Православной Церковью Московского Патриархата»[110]. Если до этого была какая-то надежда на то, что епископат, возглавляемый Митрополитом Лавром опомнится, то теперь эта надежда исчезла.

Ныне завершилась не только подмена канонического положения Русской Православной Церкви Заграницей, но и осуществилось духовное предательство мнимыми Её представителями, принявшими все условия возглавителя Московской Патриархии и отбросившими свои условия, высказанные последний раз в «Обращении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей к русскому православному народу» от 18 февраля/2 марта 2000 года.

Будучи твёрдо убеждены в том, что многие продолжают следовать за своим священноначалием по недостаточному пониманию происходящего, мы, члены Синода Русской Православной Церкви Заграницей, снова с любовью призываем всех пастырей и мирян вспомнить 15-е правило Двукратного Собора, освобождающее каждого православного христианина от подчинения неверному епископату.

Сегодня каждый верующий, находящийся под омофором Митрополита Лавра должен сделать выбор – переходить ли под омофор лжецеркви МП или, прислушавшись к голосу своей совести, остаться в Русской Зарубежной Церкви, которую неизменно возглавляет Митрополит Виталий.

26 июня / 9 июля 2005 г.

Явление иконы Божией Матери

«Тихвинская»

+ Митрополит Виталий

+ Епископ Сергей

+ Епископ Владимир

+ Епископ Варфоломей

+ Епископ Антоний (Л.О. и Ю.А.)

Секретарь Архиерейского Синода митр. прот. Вениамин Жуков

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Дух Церкви, Дух Истины
2. Об отношении Церкви к государственной власти
3. Слово о политике
4. Разрушительный процесс в Русской Церкви. Обновленчество
5. Митрополит Сергей и разрыв преемства в Русской Церкви
6. Возникновение Катакомбной Церкви
7. Антихристова сущность Декларации Митрополита Сергея
8. Образование Русской Православной Церкви Заграницей
 - 8.1 Указ № 362 от 20 ноября 1920
 - 8.2 Значение указа № 362 за границей
9. Признание Русской Православной Церкви Заграницей Патриархом Тихоном

10. Признание Русской Зарубежной Церкви другими Церквами и отношение к ней гражданских властей
 11. Указ № 348 от 5 мая 1922 г.
 - 11.1 Условия появления указа и его значение
 - 11.2 Реакция за границей на указ № 348
 12. БОРЬБА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ЭМИГРАЦИЕЙ. ЕВЛОГИАНСКИЙ РАСКОЛ
 13. От сергианской церкви до Московской патриархии
 - 13.1 Об экуменизме Московской патриархии
 - 13.2 О сергианстве Московской патриархии
 14. Исповедание Истины в Русской Православной Церкви Заграницей
 15. Кризис в Русской Православной Церкви Заграницей.
- Эпилог

[1] Св. Киприан. О единстве Церкви. С. 180.

[2] Из «Киевского послания», составленного св. Новомучеником Епископом Дамаскиным (Глуховским) в сентябре 1927 года и распространявшегося в списках. Здесь и далее цит. по: Митрополит Анастасий. Послание к русским православным людям по поводу «Обращения Патриарха Алексия к архипастырям и клиру т. наз. карловацкой ориентации».

[3] Св. Исидор Пелусиот. Творения. Москва, 1860 г., часть 2.

[4] «Письмо епископа отошедшего к епископу неотошедшему», 31 декабря 1927 г. // «Церковная жизнь», 1933 г., №7.

[5] Проф. Скабаланович. Толковый Типикон. Вып. 2, с. 152

[6] Св. Кирилл Иерусалимский. 15 Огласит. поуч., гл. 18, с. 206-207.

[7] Проф. Б. В. Титлинов. Новая Церковь. Петроград-Москва, 1923, с. 24-25.

[8] Епископ Григорий (Габбе). Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991, с. 33.

[9] Там же.

[10] Акты Святейшего Патриарха Тихона. Москва: Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994, с. 214.

[11] Епископ Григорий (Габбе). Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль, 1991, с. 34.

[12] Акты Святейшего Патриарха Тихона. Москва: Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1994, с. 216.

[13] Правда, 1922, 21 мая.

[14] Прот. Введенский. Революция и Церковь. 1922, с. 28.

[15] Живая Церковь, 1922, № 4-5, с. 9.

[16] Реформа догматическая. Раздел 1, пар. 1 // Живая Церковь, 1922, 1 октября, № 10.

[17] Там же, пар. 8.

[18] Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1960, т. VI, с. 114.

[19] С именем Евгения Александровича Тучкова связана одна из самых трагических страниц истории Русской Православной Церкви.

В 1919 г. он жестоко подавляет восстание в Уфе, и этим привлекает к себе внимание органов. Вскоре он становится рьяным исполнителем антирелигиозной политики Ленина и Троцкого. В начале 20-х годов Троцкий предлагает использовать самих священнослужителей в качестве проводников политики партии в Церкви. Он говорит: "Пусть эти попы, готовые с нами сотрудничать, придут к руководству в Церкви и будут выполнять все наши указания, будут призывать верующих служить

советской власти".

Тучкову поручается создание пятой колонны внутри Церкви: обновленчества или Живой Церкви. Петербургский расстрига Михаил Галкин указывает на священников, которые выступали против епископата еще на Соборе 1917/18 гг. и могли бы стать "вождями". Тучков начинает работать с Введенским, Красницким и другими "перспективными" священниками. 10 мая 1922 г. он становится главой 6-го секретного отдела ГПУ и в первую очередь принимается за дело Патриарха Тихона. Он «опекает» Патриарха до последних дней, вызывая старца по несколько раз в неделю на допрос на Лубянку.

Патриарх называл его «некто в сером»: «вот придет некто в сером и будет меня мучить».

[20] Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1960, т. VI, с. 87.

[21] Ст. Прот. Введенского // Известия ВЦИК, 1923, № 97.

[22] Журнал Московской Патриархии, 1955, № 6, с. 27.

[23] Левитин и Шавров. Очерки по истории Русской Церкви. С. 31.

[24] Акты Святейшего Патриарха Тихона. Сб. Свято-Тихоновского Богословского Института. Москва, 1994, с. 814-815.

[25] «Мы, Сергий, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Церковного Управления, считая его единственной канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий». – Цит. По: Акты Святейшего Патриарха Тихона. Сб. Свято-Тихоновского Богословского Института. Москва, 1994 г., с. 218-219.

[26] Проф. И. М. Андреев. Истоки раскола Русской Православной Церкви на "Советскую" и "Катакомбную". Джорданвилль.

[27] Проф. И. М. Андреев. Благодатна ли советская церковь. Джорданвилль.

[28] Проф. И. М. Андреев. Истоки раскола Русской Православной Церкви на "Советскую" и "Катакомбную". Джорданвилль.

[29] Проф. И. М. Андреев. Благодатна ли советская церковь. Джорданвилль.

[30] Michel d'Erigny & Alexandre Deubner. Evêques Russes en Exil – Douze ans d'épreuves 1918-1930. Orientalia Christiana, vol. XXI, N°67.

[31] Проф. И. М. Андреев. Благодатна ли советская церковь. Джорданвилль.

[32] Прот. М. Польский. Новые Мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Т. 2, с. 7.

[33] Памятная записка Соловецких Епископов, представленная на усмотрение Правительства 27 мая/7 июня 1926 г.

Выдержки: «Совершенное устранение Церкви от вмешательства в политическую жизнь в республике с необходимостью влечет за собой и её уклонение от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов. В этом лежит глубокое различие между Православной Церковью и обновленческим расколом, органы управления которого и его духовенство, как это видно из их собственных неоднократных заявлений в печати, взяли на себя обязательство перед Правительством следить за лояльностью своих единоверцев, ручаться в этом отношении за одних и отказывать в поручке другим. Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно несовместимыми с достоинством пастыря.

Те церковно-гражданские законы, которыми руководилась Церковь в христианском государстве, после падения его утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно в настоящее время может руководиться Церковь, не предусматривают суда над клириками по обвинению в политических преступлениях и не содержат в своем составе еще канонов, которые полагали бы на верующих церковные наказания, за преступления подобного рода.

Обновленческий собор 1923 г., сделавший опыт суда, которого от нас требуют, и пренебрегший церковными законами, которые его не допускают, тем самым сделал свои постановления ничтожными и никем не признанными».

[34] О. Г. Якунин. Подлинный лик Московской патриархии. Москва. Второе изд. 1996.

[35] Проф. И. М. Андреев. Катакомбная Церковь в СССР. Джорданвилль.

[36] «Киевское послание», составленное св. Новомучеником Епископом Дамаскиным Глуховским и распространявшееся в списках в 1927 г.

[37] Митрополит Анастасий. Послание к Русским Православным людям по поводу «Обращения Патриарха Алексия к архиереям и клиру так называемой Карловацкой ориентации». 1946.

[38] Из «Доклада помощника уполномоченного секретного отдела ВЧК об агентурной и осведомительной работе среди духовенства за 1921 год»:

Пользоваться в своих целях самим духовенством, в особенности занимающим важное служебное в церковной жизни положение, как-то архиереями, митрополитами, и т.д., заставляя их под страхом суровой ответственности издавать по духовенству те или иные распоряжения, могущие быть нам полезными, например: прекращение запретной агитации по поводу декретов, закрытия монастырей и т.п.

Выяснить характер отдельных епископов, викариев дабы на черте честолюбия разыгрывать разного рода варианты, поощряя их желаниям и замыслам.

Вербовать осведомителей по духовенству предлагается после некоторого знакомства с духовным миром и выяснением подробных черт характера по каждому служителю культа в отдельности. Материалы могут быть добыты разными путями, а главным образом, через изъятие переписки при обысках и через личное знакомство с духовной средой.

Материальное заинтересование того или иного осведомителя среди духовенства необходимо, при том же субсидии денежные и натурой без сомнения его будут связывать более с нами и в другом отношении, а именно в том, что он будет вечный раб ЧК, боящийся расконспирировать свою деятельность.

Правда, способ довольно ненадежный и могущий быть полезным только в том случае, когда объект для вербовки слабохарактерный и безвольный.

Цит. по: О. Глеб Якунин. Подлинный лик Московской Патриархии. Москва. Второе изд. 1996 г.

[39] Русская Мысль.1988, 20 мая, № 3725.

[40] М. Польский. Новые Мученики Российские. Т. 2.

[41] Епископ Никон. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1959. Т.V, с. 6-7.

[42] Там же, с. 8.

[43] Об условиях его возникновения подробное изложение в главе 11.

[44] Епископ Никон. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1959. Т. V, с. 6.

[45] От греческого «эпитропос». В древнегреческом законодательстве: опекун. В современном значении, во времена турецкого господства: судья, избираемый в городах греческим населением для разрешения вопросов возникающих среди греков и избежания предъявления исков перед турецким судом.

[46] Епископ Никон. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1959. Т.V, с. 8-9.

[47] Пр. Г. Граббе. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961, с. 191-192.

[48] Письмо Патриаршего Викария Митрополита Триполийского Феофана на имя председателя Архиерейского Синода. 31 декабря 1952 г. - Цит. по Пр. Г. Граббе. Правда о Русской Церкви на Родине и за Рубежом. Джорданвилль, 1961, с. 206.

[49] Единый документ, состоящий из двух следующих один за другим указов № 348 и № 349, здесь и далее будет обозначаться как указ № 348.

[50] Послание Патриарха Тихона от 25 сентября / 8 октября 1919 г. с призывом к православному клиру и мирянам о невмешательстве в политическую борьбу вызвало разочарование у многих. Протоиерей Михаил Польский, бывший в то время в России, свидетельствует, что не только содержание, но и сам мотив действий Патриарха подвергался в России серьезной канонической критике.

Вот выдержки из этого послания:

«Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устройством торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов, должны памятовать канонические правила Святой Церкви, коими Она возбраняет Своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия оружием политических демонстраций».

22 октября 1919 г. «Известия» дали следующую трактовку этого послания: «Патриарх и окружающие его круги, очевидно, убедились в прочности советской власти и стали осторожнее. Она, конечно, не ждет от Патриарха, чтобы он пригласил подведомственное ему духовенство выразить симпатии советской власти. Самое большое, на что эти круги способны, это нейтралитет. Такую тактику и рекомендует воззвание Патриарха... Во всяком случае, послание Патриарха характерно в том отношении, что оно невольно подтверждает силу советской власти, ссориться с которой открыто православное духовенство уже опасается».

[51] Послание Мировой конференции от имени Русского Всезаграничного Церковного Собора.

Краткие выдержки:

«Среди множества народов, которые получили право голоса на Генуэзской конференции, не будет только представлять двухсотмиллионный народ русский, потому что невозможно же назвать его представителями, и притом единственными, его поработителей...»

Однако такого голоса не лишена трехмиллионная русская эмиграция, которая тоже есть подлинный народ русский, выступивший в свое время с оружием в руках на защиту своего отечества на всех его окраинах в рядах Добровольческих Армий, или присоединившийся к их работе в звании духовных пастырей, учителей, докторов, сестер милосердия и т.д. и повлекший за собой свои семьи...

Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против Ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм – этот культ убийства, грабежа и богохульства – из России и всего мира...»

[52] См. полный текст указа № 424 в главе о признании Русской Зарубежной Церкви Патриархом Тихоном.

[53] В своем знаменательном труде о каноническом положении Русской Православной Церкви Заграницей «Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом» (Джорданвилль, 1961, с. 196), прот. Георгий Граббе пишет:

«Постановление в своей мотивировке содержит такую ошибку, которая сама по себе подрывает всю его силу. Синод решает об упразднении Высшего Церковного Управления «принимая во внимание, что, за назначением тем же Высшим Церковным Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия Заведующим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло проявить свою деятельность». Между тем, в ведении Высшего Церковного Управления в то время уже было 9 епархий, а Митрополиту Евлогию было поручено управление лишь церквями в Западной Европе, причем постановление о сем Высшего Церковного Управления было подтверждено Синодальным Указом от 26 марта / 8 апреля 1921 г. за № 424».

[54] Призыв к прекращению зарубежной церковной смуты. Париж, апрель-май 1930 г.

Подписались: проф. И.П. Алексинский, генерал Г.Б. Андгуладзе, граф П.Н. Апраксин, генерал барон В.И. Велио., А.Н. Волжин, контр-адмирал Н.А. Волков, князь А.Н. Волконский, генерал В.П. Гальфтер, граф П.В. Гендриков, полковник Кононов, А.Н. Крупенский, Н.С. Мальцев, полковник М.Н. Моллер, генерал С.Л. Николаев, граф Д.А. Олсуфьев, граф А.А. Орлов-Давыдов, А.В. Пантелеев, генерал М.А. Пешня, генерал В.В. Римский-Корсаков, С.Н. Чаев, граф Д.С. Шереметев, князь А.А. Ширинский-Шихматов, генерал Н.Н. Юденич.

[55] Впоследствии Митрополит Евлогий не отрицал своего письма от 3/16 июля 1922 г., но объяснял, что он его написал, желая «смягчить для митрополита Антония всю его остроту, говорил в утешение ему, что, может быть, здесь оказалось влияние советской власти». Цит. по: Послание митрополита Евлогия к своей пастве. 6/19 августа 1926 г. // Возрождение, 1926, № 446.

[56] Полный текст указа № 362 приводится в главе 8.1 "Указ № 362 от 7/20 ноября 1920 г."

[57] В Северной Америке произошел так называемый "платоновский раскол". Он начался в 1923 г. с отказа Митрополита Платона, управляющего Алеутской и Североамериканской епархией, подчиниться решению Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей о назначении в его епархию финансового ревизора Архиепископа Александра. 16 января 1924 г. указом № 28 Патриарх Тихон уволил Митрополита Платона и вызвал его в Москву. В ответ Митрополит Платон стал добиваться автокефалии. 20 марта 1924 г. в Детройте был созван «собор», на

котором, вопреки правилам Церкви, председательствовал протоиерей, а не правящий Архиерей. «Собор» постановил: «...объявить Русскую Православную Епархию в Америке самоуправляющейся церковью...»

В 1933 г. Митрополит Платон объявил Американскую Церковь автономной («Русская Православная Греко-Кафолическая Церковь Америки» - т.н. Американская Митрополия). В 1934 г. он умер, находясь под запрещением Московской Патриархии и Архиерейского Синода РПЦЗ.

После смерти Митрополита Платона его преемник Митрополит Феофил восстановил общение с Русской Православной Церковью Заграницей. Однако в 1945 г. Американская Митрополия послала свою делегацию в Москву для участия в Соборе РПЦ и выборах Патриарха Алексия. Делегации, как запрещенной, в Москве служить не разрешили, но отпустили домой с указом, в котором одно из требований гласило: «Собор декларирует от лица Американской Православной Церкви отказ от политических выступлений против СССР и дает соответствующее об этом распоряжение всем приходам» (РАПВ, 1945, №3).

В декабре 1946 г. Всеамериканский Собор в Кливленде принял следующую резолюцию: «Просить Его Святейшество Патриарха Московского воссоединить нас в свое лоно и пребывать нашим духовным отцом при условии сохранения нашей полной автономии, существующей в настоящее время». Далее в резолюции говорилось о прекращении подчинения Заграничному Синоду. Из восьми архиереев четверо не последовали за Митрополитом Феофилом и остались верными Русской Православной Церкви Заграницей.

Дальнейшее неповиновение Митрополита Феофила Московской Патриархии вызвало с ее стороны запрещение всего епископата Митрополии. Наконец в 1970 г. Митрополия получила от МП автокефалию.

[58] «Совершенно непонятно прежде всего то, почему весьма политичный при нормальном государственном строе России Митрополит Евлогий теперь, в тяжкое время ее разрушения, стал неполитичным, почему он во дни мира и благоденствия Родины позволял себе более других иерархов вмешательство в политическую жизнь, а теперь, во дни ее жесточайших страданий, столь решительно отказывается от прежних принципов своей деятельности?» - Цит. по: Послание к пастве Западно-Европейской епархии Архиепископа Серафима (Лукиянова) 5/18 марта 1928 г. Париж.

[59] Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1961, т. VII, с. 107.

[60] Из воспоминаний Митрополита Евлогия:

«По своей архиерейской совести не могу принять таких постановлений Архиерейского Собора, как отделение от моей епархии германских приходов, ибо это противоречит ясно выраженной воле Патриарха Тихона. Облеченный Патриархом широкими полномочиями, я несу ответственность за их сохранение, - я не вправе от них отказаться».

Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1947.

[61] Цит. по: Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1961, т. VII, с. 211.

[62] Цит. по: Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1961, т. VII, с. 216.

[63] По этому поводу цитата из письма протоиерея С. Орлова: «Если Церковь есть «христианская совесть жизни» - понимаю в том смысле, что она есть хранительница Божиих основ начал жизни, - то Церковь есть Царство Божие на земле, есть вместе и сила Божия, воюющая на земле против всякого зла, против «князя века сего» - дьявола и всех козней его. Несомненно, «задачу духовенства Церкви Христовой составляет религиозно-нравственное христианское освещение явлений жизни», но не это только: с долгом научения стоит рядом и долг подвига веры, возможной длительной борьбы со злом. Укрепляясь Господом и могуществом силы Его, духовенство должно являть пример пастве своей в борьбе с сатаной и слугами его - «мироправителями тьмы века сего». И я всецело убежден, что в переживаемое мученическое для нашей Православной Церкви время на всем духовенстве Церкви лежит, по меньшей мере, долг подвига крепкой, стойкой, горячей молитвы Господу об избавлении дорогой Родины нашей и всего русского православного народа от «богоборческой советской власти»...

«Обязательство о невмешательстве Церкви в политическую жизнь» можно было бы принять в отношении всякой действительной государственной власти - монархической, конституционной, республиканской и проч., но считаю немислимым такое обязательство Церкви, т.е. духовенства и верующих мирян, по отношению к «советской власти», которая не законная, не народная и, главное, не только

безбожная, но и богоборческая, христоненавистническая. Церковь не может быть «аполитичной» в отношении к такой власти, и советская власть истолкует означенное обязательство в том смысле, что мы не только должны быть недеятельны противно ей, но должны быть безмолвны против всей ее правительственной, т.н. политической деятельности, направленной к поруганию и искоренению из жизни всех основ св. Веры нашей, к разрушению самой Церкви нашей». - Цит. по: Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1961, т. VII, с. 228.

[64] М. Назаров. Миссия русской эмиграции // Вестник Германской епархии, 1992, № 5-6, г.

[65] В этом послании «О сущности церковной смуты» впервые была дана исчерпывающая оценка деятельности Богословского института св. Сергия в Париже, созданного Митрополитом Евлогием в 1925 г. без ведома и благословения Заграничного Синода и Собора. Институт был учрежден по программе, Синодом и Собором не одобренной, и с приглашением в качестве преподавателей лиц или высшего богословского образования не получивших, или таких, православие которых для Синода и Собора было весьма сомнительно:

«Они учат, что церковное сознание в Русской Православной Церкви было до сих пор подавлено, и потому и первой своей задачей ставят освобождение его от этой подавленности. С освобождением же подавленного церковного сознания, по их мнению, перед русскими церковными силами открывается выход к новому творчеству, к такого рода начинаниям, которые преступают грани простой реформы и возможны лишь «в виде реформации».

Для этого в Церкви должно воскреснуть пророчество, этот внутренний источник подлинного обновления и новых откровений. В сущности, пророчество, по их словам, и теперь имеется... Но Церковь только проглядела, куда оно ушло, где Дух (Святой) живет. Воздухом пророчества сейчас дышит все человечество внецерковное и внерелигиозное. Церковь же обескрылела под абсолютной властью священства, и своего положения в истории не понимает. Сейчас без религии человечество перестраивает землю, созидает новый мир и чувствует, что здесь с ним, в этом творческом порыве, в этой борьбе с разрушающими и растлевающими силами, в этих похоронах старого и зарождения нового порядка присутствует какая то благодать будущего, благодать новой жизни, благодать конца старого мира. (Из слов Карташева (Реформа, реформация и исполнение Церкви, утверждение евразийцев. Том II).

Воистину, не дух истины говорит устами этих новых лжепророков, а тот дух лести, о котором давно Св. Апостол предсказывал, что «в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским» (1 Тим. IV, I), ибо не дух истины, но только дух тьмы может призывать истинных чад Церкви к реформации, т.е. к отступлению от истины, хранящейся в Церкви от времен апостольских.

Они же нам возвещают новое учение о Софии, как женственном начале в Боге. Иногда это женственное начало является у них особым существом или Ипостасью, хотя и не единосущным Св. Троице, но и не совершенно чуждым ей. А иногда не Ипостасью, а только, как они выражаются, ипостасностью, которая, однако, способна ипостасироваться, т.е. становиться Ипостасью.

Все это видел и слышал Митрополит Евлогий, и не только не осудил этих реформаторов, не только не принял каких-либо мер против нарождающегося в недрах Русской Православной Церкви Заграницей модернизма, но даже избрал лиц, исповедующих эти убеждения, своими ближайшими сотрудниками и допустил их к обучению юношества, подготавливаемого к служению пастырями Православной Церкви.

[66] О. Глеб Якунин. Подлинный лик Московской Патриархии. Москва. Второе изд. 1996.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Там же.

[70] Аргументы и факты. 1992, № 8.

[71] О. Глеб Якунин. Подлинный лик Московской Патриархии. Москва. Второе изд. 1996.

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] Postimees. 1996, 18 марта.

[75] М. Никодим. Собрание сочинений. Изд. Ленинградской духовной академии, 1974. Т. 3, с. 143.

[76] Там же, с. 141.

- [77] Там же.
- [78] Там же.
- [79] Там же, с. 366.
- [80] Пасха среди лета. Вильмуассон: Изд. Зап.-Европ. Епархии РПЦЗ, 1996.
- [81] Иеродиакон Феофан. Церковное лицо Патриарха Алексия II // Вертоград-Информ. 2000 г., № 4.
- [82] Журнал Московской патриархии. 1980, № 1-3.
- [83] Иеродиакон Феофан. Церковное лицо Патриарха Алексия II // Вертоград-Информ. 2000 г., № 4.
- [84] Журнал Московской патриархии. 1980, № 3, с. 59.
- [85] Там же. 1991, № 2, с. 58.
- [86] Там же, с. 51.
- [87] Иеродиакон Феофан. Церковное лицо Патриарха Алексия II // Вертоград-Информ. 2000 г., № 4.
- [88] Там же.
- [89] Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Доклад «Основы Православного образования в России». Москва: Изд. Отдела религиозного образования и катехизации МП., 1995 г.
- [90] Русский Вестник. 1999, № 1-2.
- [91] Наша Страна. 1988, 5 марта, № 1962.
- [92] См. главу 7 "Антихристовая сущность Декларации Митрополита Сергия 1927 г.", цитату из доклада К. С. Харчева, председателя Совета по делам религии, на встрече с преподавателями Высшей партийной школы.
- [93] Иеродиакон Феофан. Церковное лицо Патриарха Алексия II // Вертоград-Информ. 2000 г., № 4.
- [94] Там же.
- [95] Русская Православная Церковь Заграницей. 1918-1968. Под ред. А. Соллогуба. Изд. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, 1968.
- [96] Слово, произнесенное Первоиерархом Сербской Церкви Патриархом Варнавой 9/22 июня 1930 г. в Русском храме в Белграде. – Цит. по: Русская Православная Церковь Заграницей. 1918-1968. Под ред. А. Соллогуба.
- [97] Послание Митрополита Виталия: Русская Православная Церковь Заграницей – Её современное значение. 1998, 15/28 марта.
- [98] G. Seide. Монастыри Русской Зарубежной Церкви. Изд. на англ. языке. Мюнхен, 1990.
- [99] Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1960, т. VI.
- [100] Сербский журнал «Босанка Вила». 1906, 1, 23.
- [101] Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. 1960, т. II, с. 156.
- [102] Там же, с. 159.
- [103] Православного Царя.
- [104] Архим. Константин (Зайцев). Подвиг Русскости пред лицом зреющей Апостасии. Православный путь, Джорданвилль, 1963.
- [105] Русская Православная Церковь Заграницей. 1918-1968. Под ред. А. Соллогуба. Изд. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, 1968 г.
- [106] О своей поездке в Россию Архиепископ Марк доложил Митрополиту Виталию 20 ноября / 3 декабря 1996 г.:

«На прошлой неделе я совершенно неожиданным для себя образом оказался в России, где пробыл всего четыре дня. Около месяца назад мне стали звонить из университета и из областного управления Твери, приглашая меня на международную научную конференцию по поводу 725-летия св. Вел. Князя Михаила Ярославича Тверского...

После двух дней в Твери, я провел третий день своего пребывания в России в Москве. Там я встретился с Патриархом, углубляя очень поверхностную и краткую беседу, которая состоялась у нас с ним в прошлом году в Мюнхене, прежде всего о собеседованиях с клириками МП, в которых мы в последнее время обсуждали самое трудное время деятельности митрополита Сергия...

В разговоре с Патриархом я также чувствовал искреннее желание честно обсуждать все проблемы, которые нас разделяют».

Митрополит Виталий ответил в частности:

«Получил я Ваше письмо-доклад о Вашей поездке в Россию, о чем Вы меня не осведомили заранее, как это у нас принято. С большим вниманием прочитал я Ваш рапорт и имею Вам сказать следующее: ничего в Вашей поездке и случившегося с Вами в России нет случайного. Все было подготовлено, продуманно и планировано Московской Патриархией. Я считаю, что Вас духовно прельстили, очаровали и до известной степени пленили. В таком духовно не трезвом состоянии, Вы утратили дар Св. Духа, различие духов и на все стали смотреть превратно, через розовые очки. Для Вас, вдруг экуменизм куда-то провалился, и это все с Вами произошло тогда, когда МП объявила во всеуслышание, *urbe et orbe*, что все наши священномученики пострадали вне ограды Церкви и по этой причине этих страстотерпцев МП не прославляет. А для самой МП эта Церковь узурпатора церковной власти митрополита Сергия и, конечно последовательно его приемников вплоть до патриарха Алексея II. А для нас это Церковь лукавующих, Церковь Антихриста. Этим своим кощунственным объявлением Московская Патриархия завершила и запечатлела свое безвозвратное отпадение от тела Церкви Христовой...»

Ваша поездка в Россию, якобы научного характера, а потом и в Москву к патриарху Алексею, превратилась в незаконное общение с Московской Патриархией, на что Вы не имели никакого благословения. Теперь, также стало известно, что Вы в свое время уже встречались с патриархом тайно от нас, а сейчас Вы поехали в Москву вторично встретить патриарха, к чему «научная комиссия» в Твери Вас не приглашала. Как это типично для Московской Патриархии собрать отовсюду славистов, историков, литературоведов, языковедов и социологов шевелить запыленные архивы древней письменности, пуская пыль в глаза массы недогадливых и недосмыслящих мещан, *pour epater le bourgeois*, и одновременно кощунственно надругаться над кровью священномучеников и исповедников российских»...

[107] Время (иерусалимская газета), 1997, 9 июля, № 1380.

Из показаний Архимандрита Варфоломея, начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме:

«5 июля с.г. примерно в 10ч30 утра на территорию нашего монастыря в Хевроне въехали палестинские полицейские в джихах и стали требовать, чтобы обитатели монастыря покинули его в течение 24 часов. Надо заметить, что такие посещения различных групп сил безопасности палестинской автономии имели место почти ежедневно с 7 июня вплоть до 5 июля, когда вооруженные палестинские полицейские наконец «штурмом» взяли монастырь...»

При всех этих событиях присутствовали представители Московской Патриархии: начальник их Миссии архимандрит Феодосий, иеромонах Гурий и несколько монахинь из Горненского монастыря. Наблюдал за событиями и представитель русского консульства.

Методы палестинской полиции были весьма несложны и достаточно жестоки. Сначала они взломали двери в жилой корпус, монахам приказали собрать вещи и убираться. Затем все более и более накалялась обстановка; прибыли женщины-полицейские, чтобы выдворить монахинь...

С прибытием одного из главных полицейских чинов, который кричал на наших монахинь и употреблял бранные выражения, события начали приобретать жестокий характер: нас всех стали вытаскивать на улицу за руки, за ноги, а когда мы пытались сопротивляться, держась за что-либо, - начали бить.

Игуменью Иулианию волокли по полу женщины-полицейские, полные ненависти. Ее несколько раз ударили головой о каменные ступени. Сейчас она находится в больнице, тело в синяках от ушибов, она жалуется на головную боль.

Иноклию Наталию женщины-полицейские били в живот, им помогали мужчины-полицейские, ударяя ее головой об стену. Иноку Анемподисту и послушнику Владиславу надели наручники, заломив руки за спину. Причем Владислава бросили на землю и били ногами, а потом бросили в полицейскую машину. Остальных, пытавшихся вырваться из рук полицейских, чтобы помочь избиваемым, выкручивали руки и заталкивали в машину...»

[108] В двадцатых числах июня 2001 г. состоялась в Мансонвилле встреча Митрополита Виталия с Еп. Варнавой и несколькими священнослужителями. Она была вызвана запрещением в священнослужении ряда священнослужителей Западно-Европейской епархии, не согласившихся с назначением как правящего архиерея Еп. Амвросия, сторонника соединения с Московской Патриархией. На этой встрече состоялось снятие Митрополитом Виталием запрещений, и было разработано Окружное Послание от 8/22 июня 2001 г. (см. выше).

[109] «Oustino » вместо «Oustinov» можно объяснить крайним утомлением Митрополита.

[110] Речь идет о документах, выработанных на совместных заседаниях Комиссии Московского патриархата по диалогу с РПЦЗ и Комиссии РПЦЗ по переговорам с Московским патриархатом и одновременно опубликованных на электронных страничках МП и РПЦЗ(Л) в июне 2005 г. В них оправдывается сергианство и замалчивается экуменизм, упраздняются принципы и основы Русской Православной Церкви Заграницей и устанавливается каноническая зависимость РПЦЗ(Л) от Московской патриархии через принятие от последней св. мира. Эти документы войдут в силу по утверждении их Архиерейским Собором.